ВАСИЛИЙ

СТАЛИН

«ОТ ОТЦА НЕ ОТРЕКАЮСЬ!»

ЗАПРЕЩЕННЫЕ МЕМУАРЫ СЫНА ВОЖДЯ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«От отца не отрекаюсь!» – так ответил Василий Сталин на требование Хрущева «осудить культ личности» и «преступления сталинизма». Боевой летчик-истребитель, герой войны, привыкший на фронте смотреть в лицо смерти, Василий Иосифович не струсил, не дрогнул, не «прогнулся» перед новой властью – и заплатил за верность светлой памяти своего отца «тюрьмой и сумой», несправедливым приговором, восемью годами заключения, ссылкой, инвалидностью и безвременной смертью в 40 лет.

А поводом для ареста стало его обращение в китайское посольство с информацией об отравлении отца и просьбой о политическом убежище. Вероятно, таким образом эти сенсационные мемуары и оказались в Пекине, где были изданы уже после гибели Василия Сталина.

Теперь эта книга наконец возвращается к отечественному читателю.

Это – личные дневники «сталинского сокола», принявшего неравный бой за свои идеалы. Это – последняя исповедь любимого сына Вождя, который оказался достоин своего великого отца.

- Василий Иосифович Сталин
  - ○
  - От редакции
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Заключительное слово
  - Приложения
- notes
  - 1
  - 2

- ○ 3
- ○ 4
- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46

- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90

- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134

- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178

- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222

- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239

Василий Иосифович Сталин «От отца не отрекаюсь!». Запрещенные мемуары сына Вождя

© ООО «Яуза-пресс», 2016

От редакции

Вскоре после смерти отца Василий Иосифович Сталин, к тому времени уже уволенный в запас, обратился в посольство Китайской Народной Республики с просьбой о предоставлении политического убежища. Для такой просьбы у сына Вождя были все основания. Он чувствовал, что над его головой сгущаются тучи. Понимал, что люди, которых он открыто обвинял в убийстве отца, не оставят его в покое. Опасения Василия Сталина были не напрасными. 28 апреля 1953 года он был арестован по сфабрикованному обвинению в антисоветской пропаганде и злоупотреблении служебным положением. После «следствия», растянувшегося более чем на два года, Василия Сталина приговорили к восьми годам заключения. Он мог бы смягчить свою участь, вплоть до полного снятия обвинений и восстановления в прежнем статусе, если бы отрекся от своего отца и публично осудил его. Однако Василий отказался это сделать. Как сын, он не мог предать память отца. Как коммунист, он не мог предать Вождя, охаять его великие дела, надругаться над идеалами.

Последняя попытка сломить волю Василия была предпринята в январе 1960 года. Когда стало ясно, что угрозы на Василия не действуют, его было решено подкупить. Василия досрочно освободили (ему оставалось отбывать еще год и три с половиной месяца), привезли в Москву, выделили трехкомнатную квартиру, назначили пенсию. Вскоре после освобождения он был принят Хрущевым. Власть всячески демонстрировала Василию свое расположение, требуя взамен только одного – осудить «преступления» отца, перестать утверждать, что Сталин был отравлен теми, кого он считал своими соратниками. Ничего не вышло. Василий не был способен на предательство. Он снова обратился в посольство КНР с просьбой о предоставлении убежища. За несколько месяцев, проведенных на свободе, Василий Сталин написал потрясающие по своей откровенности мемуары, в которых честно и открыто рассказал о своем великом отце и о своей жизни. Он торопился закончить свой труд, понимая, что может быть арестован в любой момент. Так оно и случилось. 16 апреля 1960 года, когда вопрос о его переброске в Китай уже был решен положительно и отрабатывались заключительные технические детали, Василий Сталин был повторно арестован для отбытия оставшейся части наказания. После освобождения в апреле 1961 года он был отправлен в ссылку в Казань, являвшуюся в те годы городом, закрытым для

посещения иностранцами. 19 марта 1962 года Василий Сталин скончался при обстоятельствах, позволявших предположить, что смерть его носила насильственный характер. Следствия не проводилось, во врачебном заключении было сказано, что Василий Иосифович Джугашвили (эта фамилия была указана в паспорте, полученном им в апреле 1961 года) умер от отравления алкоголем.

Незадолго до ареста Василий Сталин успел передать рукопись своих воспоминаний в посольство КНР. При его жизни они не публиковались. Пока Василий был жив, сохранялась надежда на то, что его все же удастся вывезти в Китай тайным путем или добиться от советского правительства разрешения на его официальный выезд. Публикация столь откровенных воспоминаний, содержавших критику тогдашнего советского руководства, вне всяких сомнений, осложнила бы и без того тяжелую участь Василия. Его воспоминания, переведенные на китайский язык, были опубликованы издательством «Жэньминь чубанынэ» («Народное издательство») в декабре 1962 года под названием: «Честное слово. История Василия Сталина». Предисловие к воспоминаниям Василия Сталина написал маршал Е Цзяньинь, заместитель председателя Национального Совета обороны КНР и президент Академии военных наук КНР. В предисловии говорилось о том, что Василий Сталин был лично знаком с Председателем Мао и пользовался «безграничным доверием и глубоким уважением» последнего. Смерть Василия Сталина Е Цзяньинь охарактеризовал словом, которое можно перевести на русский язык как «возникшая в результате злого умысла». В заключение маршал подчеркнул, что «противоречия, имеющиеся в настоящий момент между КНР и СССР, есть следствие необдуманной политики ренегатов, окопавшихся в Кремле». Эта цитата дает яркое представление об отношениях между двумя социалистическими державами в 1962 году. Незадолго до публикации мемуаров Василия Сталина, осенью 1962 года, Советский Союз поддержал Индию в войне с КНР.

В 1964 году произошел фактически полный разрыв отношений между СССР и КНР, несмотря на то, что формально дипломатические отношения были сохранены. Из КНР были отозваны советские специалисты, помогавшие в строительстве объектов народного хозяйства, а из СССР в срочном порядке уехали доучиваться на родину китайские студенты. Мао Цзэдун распорядился предать забвению все, что было связано с Советским Союзом. Воспоминания Василия Сталина больше не издавались, и само его имя вскоре было забыто в Китае.

В КНР нет закона, обязывающего хранить экземпляры всех

выпущенных книг в государственных библиотеках. Поэтому то, что в библиотеке Пекинского университета сохранились воспоминания Василия Сталина, можно считать невероятным везением. Или же еще одним подтверждением непременного торжества правды и справедливости.

Василий Сталин не сомневался в том, что история воздаст всем по заслугам.

Так оно и вышло. История расставляет все по своим местам.

Глава 1
Вместо предисловия

Я, Василий Сталин, от своего отца не отрекаюсь!

Эти слова мне пришлось повторять не раз. И во время следствия, и потом, и во время недавней встречи с Хрущевым.

Я, Василий Сталин, от своего отца не отрекаюсь! И точка!

Осудить «культ личности» и «преступления сталинизма» я не могу. Потому что нечего осуждать. Осуждают преступления и преступников. Я могу осудить тех, кто отравил моего отца и очернил его великие дела. Я могу осудить тех, кто надругался над светлой памятью Вождя. Могу и должен осудить! Это мой долг, не только как сына, но и как честного советского человека.

Моя совесть чиста. Ее невозможно запятнать лживым обвинением. Точно так же как ложью и клеветой нельзя запятнать память моего отца. Он принял из рук Ленина молодую Советскую страну, которой со всех сторон, в том числе и изнутри, угрожали враги, а оставил после себя великое социалистическое государство, окруженное братскими социалистическими странами. Разве это преступление? Этого ли надо стыдиться? О каком культе личности может идти речь? Отец был рулевым, который вел страну к процветанию и победам. За это его уважали. Вот и весь «культ». Слово-то какое мерзкое нашли. «Культ» – это когда поклоны лбом об пол бьют. Отца уважали и любили. Это не культ. Это называется – всенародная любовь. Можно памятники убрать, но любовь и уважение из сердец людей не уберешь. Это святое. И это навсегда. Уверен, что через сто лет про Хрущева с Булганиным[1] никто и не вспомнит. А про товарища Сталина будут помнить всегда. Это я не столько как сын говорю, а как советский человек, коммунист, диалектик-материалист.

«Не бойся, что про тебя забудут товарищи, и не надейся, что забудут враги», – говорил отец. Так оно и вышло. Отец ничего никогда не говорил зря. Одна беда, друзей у меня оказалось куда меньше, чем врагов. Причина простая – зависть. Пережитки прошлого за тридцать-сорок лет не искоренить полностью. Тут нужно больше времени. К тому, что мне завидуют, я привык с детства. Только не думал тогда, что зависть может вызвать такую ненависть. Звериную.

Начал писать воспоминания, но не уверен, удастся ли мне их закончить. Я, как Маргулиес из «Времени, вперед», не могу доверять такому простому механизму, как часы, такую драгоценную вещь, как время. Знаю, что времени у меня немного.

Может считаные дни, может – месяцы. На годы надеяться не приходится. Не та обстановка[2]. Не те люди вокруг. Преступники, отравившие отца, не оставят в покое сына. И кто бы мне что ни говорил, я никому не верю[3]. Время показало, кто чего стоит.

Отец знал, что так будет. Он знал, что после его смерти мне придется нелегко. Он отлично разбирался в людях и знал истинную цену каждому человеку из своего окружения. Поэтому и мало кому доверял. По-настоящему, без оглядки.

За десять месяцев до своей смерти отец предложил мне исчезнуть. «Тебе надо уехать», – сказал он. Я сначала подумал, что речь идет о какой-то командировке, но оказалось, что я неправильно понял. Отец имел в виду, что мне надо уехать за границу, в Китай. Навсегда. «Поедешь военным советником, летчики там нужны. Сюда не возвращайся, даже на мои похороны не приезжай», – сказал он. Я ушам своим не поверил – что такое? Подумал, что отец шутит. Он иногда мог пошутить так, что не поймешь, шутка это или нет. Но оказалось, что он не шутил. На самом деле хотел отправить меня к Мао. Прямо не сказал, но я догадался, что он уже договорился насчет меня. Там меня ждали. Но разве мог я оставить отца? Я отказался. Между нами произошел спор. Первый настоящий спор в нашей жизни. Каждый стоял на своем и не хотел уступать. «Будет приказ и поедешь!» – сказал отец, когда понял, что уговоры на меня не действуют. Я ответил, что все равно никуда не уеду. Про себя подумал, что потом, когда отца не станет, может, и придется уехать, но сейчас – нет. Сказал, что если будет приказ, то подам рапорт об отставке. Пускай на завод пойду, к станку, но никуда не уеду. Как в воду глядел, вскоре пришлось стать к станку. Но не на заводе, а в тюрьме. И еще сказал отцу, что как Верховный Главнокомандующий он может мне приказать уехать, но как отец не может. Странное впечатление осталось от этого разговора. По глазам отца было заметно, что мое упорство пришлось ему по душе. Но и сердился он всерьез. Отец не привык, чтобы его приказы оспаривались. Он советовался с товарищами, не решал все вопросы единолично, как это пытаются представить сейчас. Но обсуждать и приказывать – разные вещи. Если уж отец приказывал, то изволь выполнять. Приказ есть приказ.

Больше отец о моем отъезде не заговаривал. Но с того дня, как мне поначалу показалось, стал ко мне еще строже, чем был. Так мне казалось тогда. Я очень переживал, потому что дорожил расположением отца. Ближе его у меня никого не было и не будет. Тот разговор имел продолжение. Во время воздушного парада на Тушинском аэродроме[4] главком ВВС Жигарев[5] начал упрекать меня в том, что 1 мая по моей вине разбилось два

Ила[6]. Низкая облачность, ограниченная видимость, нельзя было летать[7]. Я ответил, что в войну приходилось летать и не в таких условиях. И напомнил, что сам я был в тот день в небе, а не на трибуне. Вокруг заулыбались. Жигареву нечего было на это ответить. В авиации от мастерства пилота зависит больше, чем от погоды. На банкет, который был после парада, я сперва идти не хотел, собирался отметить праздник в кругу самых близких друзей. Дружбу я ценил и ценю больше всего. Но мне передали приказ отца – непременно явиться. Как командующему ВВС Московского округа мне полагалось присутствовать. Увидев меня, Жигарев громко, так чтобы слышали все, сказал, что сегодня парад прошел хорошо, потому что погода была летная. Вроде бы так все и было, но сказал он с намеком. Глядел на меня и ухмылялся. Мне бы смолчать, но я ответил. Резко и тоже громко. Поддался на провокацию, нарушил субординацию. Как командующий ВВС округа, я не имел права грубить главкому ВВС. Тем более – принародно. Жигарев растерялся. Он молчал и смотрел то на меня, то на отца. Отец рассердился и велел мне уйти. Сначала позвал, а потом выгнал. Вечером, после банкета, я попытался увидеться с ним, но меня не пустили. Власика[8] к тому времени уже не было, вместо него заправлял всем генерал Рясной[9]. С Власиком у меня отношения были сложные, мы друг дружку недолюбливали. Но Власик дал бы мне возможность поговорить с отцом. Он понимал, что к чему, и был предан отцу. А Рясной меня не пустил. Позже я понял, что Власика оклеветали и отстранили намеренно. Его убрали, чтобы он не помешал отравить отца. Сначала услали к черту на рога, на Урал, с понижением, а через полгода арестовали. Так все устроили, что отец поверил. Точно так же поступили и с Поскребышевым[10].

Было очень обидно. Сначала отец прогнал меня с банкета, теперь видеть не хочет. Дело кончилось снятием с должности командующего ВВС Московского округа и выведением в распоряжение Жигарева. Тот направил меня в академию Генштаба. Это было унижение. Чему меня там могли научить? По возрасту я подходил в слушатели, но по опыту сам мог преподавать. Я не люблю бесполезных действий, поэтому в академии появлялся нечасто. И с отцом с тех пор виделся всего несколько раз. Точно не помню сколько. Он задавал обычные вопросы, но того, что произошло, не касался. Я тоже не говорил об этом. Такой между нами сложился молчаливый уговор. Тогда я обижался, крепко. Несправедливость всегда обидна. Да, я нарушил субординацию, нагрубил главкому, но за такое полагался выговор. На худой конец – понижение в должности. Не скрою – обида была большой. И только потом, в тюрьме, я понял,

что таким образом отец пытался уберечь меня от неприятностей. Он намеренно убрал меня в тень, надеясь, что после его смерти обо мне забудут. Не было бы стычки с Жигаревым, нашелся бы другой повод. Но сейчас, после того как многое передумал, не исключаю, что Жигарев мог провоцировать меня по приказу отца. До того случая между нами были ровные отношения. Жигарев несколько раз говорил, что видит во мне преемника, делился опытом. Опыт у него был большой. Никак иначе я поведение отца объяснить не могу. Обычно если он бывал мной недоволен, то не раз возвращался к этой теме. Ему было важно, чтобы я осознал ошибку и больше не допускал. Отец считал, что любой человек может ошибиться. Важно, как он себя ведет потом. Осознает и пытается исправить или упорствует. Жигарев, кстати, в 42-м из главкомов «слетел» в командующие ВВС Дальневосточного фронта после того, как явился к отцу в пьяном виде. Но осознал, сделал выводы и после войны снова стал главкомом. Одни утверждали, что это я поспособствовал снятию Жигарева (это и в ходе следствия прозвучало), другие, наоборот, – что помог вернуться в главкомы, но и те, и другие врут. Я никогда не «подсказывал» отцу каких-то решений. Он бы этого не потерпел. Мнение свое я мог высказать, но не по кадровым вопросам. По кадровым вопросам отец со мной никогда не советовался. Я был для этого слишком молод, и опыта у меня недоставало для того, чтобы давать ему советы.

Ошибки мои отец обсуждал со мной, следил, как менялось мое отношение к тому, что я сделал. А вот про стычку с Жигаревым отец никогда не заговаривал. Извиниться перед главкомом он мне тоже не приказал. Все это наводит на размышления. Отец многое предвидел. Многое, но не все. Того, что его отравят, он предвидеть не мог. Мы виделись с ним незадолго до его смерти, в начале февраля 1953 года. Меня удивило, что при нашем разговоре присутствовал тот, кто заменил Поскребышева, не помню его фамилии. Обычно при наших встречах чье-то присутствие требовалось только тогда, когда они носили деловой характер. Я даже подумал, что моя опала закончилась и сейчас я получу новое назначение. Но никакого назначения я не получил. Меня попытались отправить в ПриВО[11] уже после смерти отца. Булганин швырнул мне назначение, как кость собаке. Я отказался, потому что хорошо понимал, чем это закончится. Дадут поработать пару недель, а потом арестуют. Нужно было сплавить меня из Москвы и создать повод для ареста. Булганин кричал на меня, топал ногами. Совсем другой человек, как будто совсем недавно не стоял навытяжку перед отцом. Я понимал, что каждое неосторожное

слово может мне дорого обойтись, поэтому сдерживал себя. Но когда Булганин обозвал меня «принцем», не выдержал и в ответ обозвал его «сантехником». Это прозвище придумал Булганину Берия, причем называл так в глаза. Булганина корежило от злости. Точно так же корежило меня, когда я слышал «принц», «царевич» или еще что-то в этом роде. В школе я за «царевича» давал в морду, когда повзрослел, кулаки в ход пускать перестал. Просто отвечал оскорблением на оскорбление. Мог бы еще напомнить, сколько добра я сделал его сыну Левке[12], моему товарищу. Благодаря мне Левка получил орден Отечественной войны 1-й степени. Когда вскоре после войны он спьяну устроил аварию, в которой погибло два человека, я помог замять это дело. Понимал, что Левка не нарочно, что со всяким может случиться. Булганин-папаша в то время как видел меня, так издалека начинал кланяться. Совсем как дворецкий какой-нибудь. А тут голос повысил, ножками топал, щечки раздувал. Тьфу!

По тому, как вел себя со мной Булганин, я понял, что хорошего ждать нечего. Отец был прав, он все знал наперед. Я попытался последовать его совету. Обратился к китайским товарищам, встретился с послом, но толком ничего не успел сделать. Вскоре меня арестовали. Арест не стал для меня неожиданностью. Я ожидал, что меня арестуют на следующий же день после увольнения в запас, но еще месяц проходил на свободе. Непонятно почему. То ли не могли решить, что со мной делать, то ли еще что. Мои слова о том, что отца отравили и что не смогли организовать его похороны, расценили как «антисоветскую пропаганду». То, что я отказался от нового назначения, не спасло меня от обвинений в «злоупотреблении служебным положением». Следователи просеяли сквозь мелкое сито всю мою службу на посту командующего ВВС МВО[13] и нашли столько всего, что и на десять дел бы хватило. Двадцать миллионов ущерба нашли! Кроме меня, арестовали еще десяток человек: моего заместителя генерал-майора Василькевича, моего заместителя по тылу генерал-майора Теренченко, моего начальника секретариата подполковника Полянского, адъютантов подполковника Дагаева, майора Капелькина, майора Степаняна, моего начальника отдела физподготовки полковника Соколова, моего начальника АХО подполковника Косабиева, двоих моих шоферов и парикмахершу из штаба. Но посадили в итоге одного меня, остальных амнистировали или просто дела позакрывали. Припомнили мне и поход в китайское посольство, назвав его «намерением встретиться с иностранными корреспондентами». Следствие тянулось бесконечно и каждый день приносил новые «доказательства». Я был готов к тому, что меня приговорят к

высшей мере, но приговор оказался неожиданно «мягким» – восемь лет. Я писал письма, в которых просил объективно разобраться в моем деле, но это мне не помогло. Некоторые письма мне предлагали написать сами следователи. «Мы – люди военные, и наше дело исполнять приказы, – говорили они. – Изложите ваши возражения, мы их передадим по назначению». Я излагал, думая, что они поступают так по велению совести и из уважения к памяти моего отца. Впоследствии оказалось, что дело обстояло иначе. Мои письма были нужны не ради восстановления справедливости. Они тешили самолюбие тех, кому были адресованы. Они считали, что если я обращаюсь к ним с просьбами, то, значит, я сломлен. Никакую справедливость никто восстанавливать не собирался, особенно после того, как память моего отца, его великие дела, его честь коммуниста были растоптаны с трибуны партийного съезда. Несмотря ни на что, несмотря на мое «исключение» из партии, я считал, считаю и всегда буду считать себя коммунистом. И мне стыдно за тех, кто голосовал на съезде за осуждение «культа личности». Те, кого отец считал своими соратниками, свалили все свои ошибки на него и приписали себе все его достижения. Я пишу об этом открыто, потому что знаю, что мои записи не попадут в те руки, в которые им не следует попадать. В тюрьме я научился конспирации. Я постараюсь как можно скорее закончить свой скромный труд. Чувствую, что времени у меня не так уж и много, а осуществить задуманное в тюрьме невозможно. Там можно спрятать письмо, но не тетрадь. Тем более что мне там вообще ничего не удавалось прятать. Меня обыскивали почти ежедневно. Редко какой день проходил без обыска. Сейчас я должен использовать представившуюся возможность и рассказать правду о себе. Старые связи помогут мне передать мои записи туда, где их если не опубликуют, то хотя бы сохранят для будущих поколений. Правда всегда торжествует, учил отец. Я это помню, в отличие от сестры.

Сестра удивила меня несказанно. Прежде всего тем, что за все время моего заключения не написала ни строчки и ни разу не приехала на свидание. Я такого не ожидал. Но еще больше не ожидал того, что она откажется от отца, предаст его память, согласится с клеветниками. Те, кто хочет оправдать сестру, говорят, что ее заставили это сделать. Не верю. Почему меня не смогли заставить? Характер у сестры несговорчивый, прямо скажем – тяжелый. Ее невозможно заставить сделать то, чего она не хочет. Даже отцу этого не удавалось. Он не раз возмущался ее своенравием, а я ее защищал. Иногда пытался вразумить на правах старшего брата, но бесполезно. Но я никогда не перегибал

палку, потому что дорожил нашей дружбой. Я считал сестру своим другом. Друзья бывают разные. У некоторых тяжелый характер, но они все равно друзья. Другу, брату, сестре можно простить очень многое. Все, кроме предательства. Человек, способный предать память покойного отца и живого брата, перестает для меня существовать. Я не в обиде, просто считаю, что у меня нет сестры. Пусть живет как хочет. Как сможет. Ее совесть будет ей судьей. Совесть – самый строгий судья. Мне не раз довелось видеть, как люди кончали с собой, не вынеся мук совести. Пусть я провел в заключении семь лет, но совесть моя чиста.

Отец любил всех своих детей – сестру, меня, брата Яшу. Сестра была самой младшей, к тому же девочкой, поэтому ее сильно баловали. Все, не только отец. С меня и Яши спрос был строже. Но это не означало, что отец любил нас меньше. Родительская любовь в его понимании заключалась в том, чтобы вырастить детей честными, достойными людьми. Он строго спрашивал, но всегда помогал советом. При всей его занятости отец находил время для нас. Он всегда был в курсе того, что с нами происходило. Искренне переживая за нас, отец избегал слишком сильно диктовать нам свою волю. Последнее слово в принятии любого решения оставалось за нами. Так он приучал нас нести ответственность за свои поступки. Возможно, сыграл свою роль и поступок брата Яши, который в юности стрелялся из-за того, что отец был против его ранней женитьбы. Отец очень сильно рассердился на Яшу из-за этого поступка. Тут сразу многое сложилось. Сама попытка самоубийства, которую отец называл «мелкобуржуазной истерикой», попытка настоять на своем, не останавливаясь ни перед чем, легкомыслие и др. Но со временем отношения восстановились. Яша был хорошим человеком, только очень вспыльчивым. Отец в шутку говорил, что один сын у него грузин, а другой русский. Грузином был вспыльчивый Яша, а русским я. По сути это верно. Яков родился в Грузии, долгое время жил там, знал язык, традиции. А я родился и вырос в Москве, по-грузински знаю несколько слов и чувствую себя русским, точнее, советским человеком.

Я – советский человек. И этим все сказано. То, что в моем деле значится позорная статья 58–10[14], на самом деле ничего не значит. Я хочу рассказать правду о себе. Не оправдаться, а рассказать правду – это разные вещи. Оправдывается тот, кто виноват, а я не считаю себя виновным. Ни в чем. Ошибки я совершал, все совершают ошибки, но против Советской власти не выступал и государственных денег не присваивал. Злоупотребление служебным положением такой же навет, как и

антисоветская пропаганда. Спортивные залы я строил на средства, предназначенные на боевую подготовку, вот как. А разве занятия физкультурой не часть боевой подготовки?

Семи лет, проведенных в заключении, я касаться не стану, потому что в них нет ничего необычного. Сидел, как все. Работал. Ждал освобождения. До какого-то момента надеялся на то, что справедливость восторжествует, потом перестал надеяться. На здоровье моем эти семь лет тоже сказались. Не могли не сказаться. Тюрьма не санаторий.

Сейчас мне дали путевку в Кисловодск на целых три месяца и 30 тысяч рублей в придачу! Неслыханная щедрость, но разве можно поправить за три месяца то, что потерял за семь лет? Я не верю в то, что отношение ко мне изменилось. Оно осталось таким же, как прежде. И лучшим свидетельством является моя нынешняя квартира. Три пустые комнаты, только в одной стоит кровать, стол и тумбочка. Не могу понять, что это. Издевательство или какая-то неведомая мне игра? Чего от меня хотят? К чему меня подталкивают? Не знаю. Знаю одно – долго это не продлится. Чувствую. Интуиция подсказывает. У летчиков интуиция хорошо развита, а семь лет за решеткой развивают ее еще лучше.

Рассказывать о себе начну с 42-го года, потому что до этого вся моя биография умещается в две строчки. Родился, окончил школу, поступил в авиационную школу, окончил, началась служба. Ничего особенного, все как у других. Скажу только, что летать мне нравилось. В небе я себя чувствую как рыба в воде. Отца мой выбор немного удивил. Почему именно авиация? Нет ли здесь мальчишества, следования моде? Авиация – самый новый, самый «модный» род войск. Романтика тоже присутствует, не без этого. Отец спросил, понимаю ли я, сколько труда вложено в каждый самолет. Понимаю ли я, что придется отвечать не только за себя, но и за доверенную мне машину? Я ответил, что все понимаю, на том разговор и закончился. Ворошилов[15] шутил, что если летчика из меня не выйдет, то уж в кавалеристы как-нибудь сгожусь. Но я знал, что выйдет из меня летчик. Еще не летал ни разу, а уже знал. Такое было у меня сильное призвание.

Глава 2
Начало войны

Брат Яша пропал без вести в самом начале войны[16]. Отец сильно переживал по этому поводу, хоть и старался не выказывать своих переживаний. Я с первого дня войны считал, что мое место на передовой. Подавал рапорт за рапортом, но безуспешно. Стыдно мне было. Страна воюет, все товарищи бьют врага, а я околачиваюсь в тылу. Особенно невмоготу стало, когда в Куйбышеве[17] встретился с Артемом[18], который был ранен, попал в окружение, с боями пробивался к своим и теперь поправлялся после ранения. Слушая его рассказы о войне, я сгорал со стыда. На каком-то рапорте мне стала ясна бесполезность их написания. Командующий ВВС (им тогда был Жигарев) ничего здесь решить не мог. Надо было говорить с отцом.

14 октября 1941 года у нас с Галей[19] родился сын Саша, мой первенец. Рождение детей всегда радость, а во время войны особенно. Это подтверждает, что, несмотря ни на что, жизнь продолжается, внушает надежду, укрепляют веру в победу. К тому времени шапкозакидательские настроения успели исчезнуть. Всем стало ясно, что враг силен и война будет долгой. Осень сорок первого года была самым тяжелым периодом войны. Враг подошел к Москве, захватил Калугу, Харьков, Крым… Все наши[20] эвакуировались в Куйбышев, но отец оставался в Москве. Я знал, что он из Москвы не уедет. Он не мог уехать. Все знали, что Сталин в Москве, и это знание придавало нашим войскам силы, а врагу внушало страх. Раз Сталин в Москве, значит, Москву не сдадут! Ноябрьский парад 1941 года состоялся по настоянию отца. На мой взгляд, это была одна из наиболее гениальных стратегических идей. В Москве парад, на трибуне Мавзолея Сталин, мы непобедимы! Все парады имели политическое значение, но этот особенно.

«Бывали дни, когда наша страна находилась в еще более тяжелом положении, – говорил отец. – Вспомните 1918 год, когда мы праздновали первую годовщину Октябрьской революции. Три четверти нашей страны находились тогда в руках иностранных интервентов. Четырнадцать государств наседали тогда на нашу страну. Но мы не унывали, не падали духом. В огне войны организовали тогда мы Красную Армию и превратили нашу страну в военный лагерь. Дух великого Ленина вдохновлял нас тогда на войну против интервентов. И что же? Мы разбили

интервентов, вернули все потерянные территории и добились победы. Разве можно сомневаться в том, что мы можем и должны победить немецких захватчиков?» Я запомнил эти слова наизусть. Повторял их чуть ли не каждый день во время войны.

Вскоре после парада состоялся мой первый разговор с отцом относительно фронта. Я в то время был начальником инспекции ВВС. На эту должность я перешел в сентябре с должности инспектора-летчика Управления ВВС. Должности назывались по-разному, но суть их была одна. Инспектор, тыловик, штабная душа. Может, кому-то такая служба пришлась бы по душе, но не мне. Я по натуре не штабист, а летчик. Даже став командующим ВВС Московского округа, я, прежде всего, оставался летчиком.

Разговора не получилось. Отец был не в духе. Он не дослушал меня. Сказал, что каждый должен служить там, куда его поставили партия и командование. Сказано это было таким тоном, что не поспоришь. Пришлось подчиниться, однако я пошел на хитрость. Нашел лазейку, выход. По роду службы мне часто приходилось выезжать на передовую в командировки. Главным образом для переформирования полков. Бои шли такие, что часто за одну-две недели полки теряли до половины личного состава, а то и больше. Приходилось снимать их с передовой, отводить в тыл, пополнять, возвращать на передовую. К тому времени возникала необходимость пополнения того полка, который был поставлен взамен отведенного. Такая вот «чехарда». Должен признать, что моя фамилия помогала мне решать сложные вопросы. Главным образом то были вопросы с транспортом и снабжением. Достаточно было сказать в трубку: «С вами говорит Василий Сталин!» – как неразрешимое сразу же становилось разрешимым. Если я когда и злоупотреблял своей фамилией, то только таким образом. В театре, или, скажем, в ресторане, или где-то еще в личных целях я себе такого никогда не позволял. Не так был воспитан. Другое дело, что меня узнавали и сами шли навстречу, но и тут я старался не «злоупотреблять». Всегда помнил слова отца о том, что привилегий у нас с сестрой столько же, сколько у любого советского человека, а вот ответственности гораздо больше. Отец был очень щепетилен и строг на этот счет. Если он узнавал о недостойном поведении детей кого-то из руководства, то непременно следовало строгое внушение. Зачастую – с оргвыводами. Он считал так – если человек не может в своей семье навести порядок, научить правильному поведению своих детей, то разве можно доверять ему руководить другими?

Поблажек отец мне не делал. Расскажу один случай. Когда я прибыл в авиашколу, начальник школы выделил мне отдельную комнату в гостевом доме. Я об этом не просил и не рассчитывал

на такое к себе отношение. То была его личная инициатива. Я попал в неловкое положение. С одной стороны, все курсанты живут в казармах, значит, и мое место там. С другой стороны, нельзя отказываться от проявленного гостеприимства. Я хоть и совсем обрусевший грузин, но кавказские традиции чту. В том числе и закон гостеприимства. Может, человек от души предложил, без всякой задней мысли. Отказаться – обидишь. Опять же, я курсант, а он начальник, комдив[21]. Не стоит начинать знакомство с начальством с возражений и споров. Я принял дипломатичное решение. Решил так – поживу в этом гостевом доме пару деньков, а затем скажу, что мне неловко выглядеть белой вороной и переберусь в казарму. Так и сделал, но потом мне влетело от отца за то, что я первые дни жил «на особом положении». Тут, конечно, я сам виноват – допустил оплошность. Точнее, не одну, а несколько. Поспорил со старшиной группы, катался по территории школы на мотоцикле, совершенно не к месту начал рассказывать в столовой о грузинских блюдах, которые пробовал дома. Узнав обо всем этом, отец позвонил тогдашнему командующему ВВС Локтионову[22] и потребовал, чтобы тот приказал начальнику авиашколы относиться ко мне точно так же, как и к остальным курсантам. И мне написал резкое письмо. В конце была приписка, сохранить это письмо и перечитывать всякий раз, когда я начну зазнаваться. Я так и сделал. Хранил это письмо отца в моем личном архиве, который исчез после моего ареста.

Так вот, про выход, который я нашел, чтобы воевать. Во время пребывания на передовой я начал совершать боевые вылеты. По моей должности у меня было такое право, и я им с радостью пользовался.

Во время следствия я узнал, что меня якобы прикрывали во время боев две истребительные эскадрильи. Тридцать машин! Что это за бой, если тебя прикрывают тридцать машин? Тут одно из двух. Если этими тридцатью машинами управляют асы, то тебе и повоевать не дадут, собьют всех на подходе. Если же летчики так себе, то они не столько прикроют, сколько будут мешать. Но следователи были далеки от летного дела. Они и своего-то толком не знали. Растянули следствие на два с лишним года, хотя могли обстряпать и за неделю. Но понимаю – им надо было показать кропотливую работу и выявить как можно больше «соучастников». Слухи про меня ходили разные. Друзья пересказывали их мне вместо анекдотов. Но я никогда бы не подумал, что слухи можно пришить к делу.

Как ни прикрывай, хоть десятью эскадрильями, риск есть всегда. Авиация. Мой друг Ваня Клещев[23] был асом из асов. Мог

вступить в бой с пятью самолетами противника и победить. На личном счету Ваня имел тридцать два вражеских самолета, хотя скромно считал, что их двадцать пять! Семь Ваня «отдал» друзьям, хотя на самом деле сбил их он. По принятым в авиации правилам, если самолет после твоей атаки потерял управление, он считается за тобой. Пусть его кто-то другой добьет, это не важно. Важно, кто вывел самолет из строя. Можно и не добивать – сам рухнет. Это по правилам. Но по-товарищески не надо жадничать. Один подбил, другой добил – считай, сбили группой. Дело-то общее делаем, врага бьем. В авиации не любят тех, кто гонится за личными показателями. Таких нигде не любят. Так вот, Ваня был асом, а погиб по нелепой случайности. Не в бою, а в тылу, во время перелета. Садился в снегопад и не смог выровнять самолет. Я знаю по собственному опыту, что такое посадка в сильный снегопад. Все белым-бело. Не видишь толком землю. Не чувствуешь высоту. Вроде бы пора, ан нет – рано. При посадке малейшее колебание чревато гибелью. У одного писателя я вычитал очень умное замечание – менять решение при посадке – все равно что пригласить друзей на свои похороны. Так оно и есть. Ване было двадцать четыре года. Летчики долго не живут. Это я к тому, что если бы отец хотел бы обезопасить меня, то меня к самолетам и близко бы не подпускали. В воздухе, как ни прикрывай, – риск. Но разве отец мог так поступить? У Микояна сыновья воюют, сын Ворошилова воюет[24], а Василий чем хуже? Отец был смелым, мужественным человеком, этого даже злопыхатели не оспаривают. И от нас он требовал того же – ничего не бояться. «Я боюсь» у нас даже для красного словца не говорилось. Трус – одно из самых тяжелых обвинений. Хуже него только «предатель».

Был такой случай. В Куйбышеве, в ресторане, один мой приятель ляпнул, якобы отец не пускает меня на фронт, потому что с него довольно и одного пленного, то есть брата Якова. Сказано это было при людях, спьяну. Я дал ему по физиономии, чтобы привести в чувство, и попросил всех, кто был за столом, не болтать о том, что случилось.

Я пишу все как есть. Что помню, что было, то и пишу. Если только с хорошей стороны себя показывать, никто не поверит. Я себя показываю таким, каков я есть. Без прикрас. О том, чего стыжусь, тоже буду писать. Откровенно. Раз уж был такой факт в биографии, то никуда не денешься.

До того случая, о котором я хочу рассказать, у меня состоялся еще один разговор с отцом по поводу фронта. Я сказал, что заниматься бумажной работой мне тошно, что от бумажек у меня голова трещит. Хочу воевать – и точка! Хочу бить врага каждый

день, а не от случая к случаю. Отец не отказал. Спросил только, справлюсь ли я с командованием полком. Вопрос был правильным. Не всякий инспектор сможет командовать полком. Не каждый штабист годится в боевые командиры. Мне в вопросе почуялся подвох. Уж, думаю, не скромность ли мою он испытывает? Скажу сейчас, что справлюсь, а отец решит, что я меньше чем на полк не согласен. Да мне хоть эскадрильей! Хоть звеном! Лишь бы на фронт! Чтобы свои собственные боевые задачи выполнять, а не другим помогать сбоку припеку. «А ты, оказывается, собственник!» – сказал отец в шутку. Он в годы войны редко шутил, раза два на моей памяти. Неподходящее было время для шуток.

Так вот. Наши кинематографисты решили снять картину о боевых летчиках. Обратились ко мне, попросили показать и рассказать. Кино – это важно, даже на войне. Я нашел время. С женой одного из режиссеров у меня был небольшой роман[25]. Война, жена Галя далеко, мне двадцать два года, жена режиссера красавица. Я не оправдываюсь. Я просто перечисляю причины, поспособствовавшие этому роману. Роман продлился около недели, но имел весьма важные для меня последствия. Режиссер написал письмо отцу. Отцу многие писали письма, по самым разным поводам. Все он их прочесть сам не мог. Основную массу читали в секретариате и передавали отцу самые важные. Но если человек был известный или лично знакомый, то письма читал отец. Режиссер, на мой взгляд, поступил странно. Я понимаю, что мой поступок его возмутил. Кому приятно? Я и сам бы на его месте возмутился бы. Но я не стал бы жаловаться отцу того человека, чье поведение меня возмутило. Высказал бы все, что думаю, ему в лицо. Не исключаю, что мог бы и руку приложить. На руку я скор, есть такой недостаток. Грузинская кровь. Взрослые люди, не дети. Они разбираются между собой сами, не привлекая родителей. Опять же – идет война. У отца очень много дел. Он тогда на сон еле-еле три-четыре часа выкраивал, я знаю. И в эту трудную пору лезть к нему с такими мелочами? Ладно, признаю – нехорошо я поступил. Роман на стороне с замужней женщиной – это двойная ошибка. Непременно хочешь на меня пожаловаться? Так напиши моему начальству. Зачем же сразу товарищу Сталину? Но это я так считаю. У других иное мнение.

Письма этого я не видел. Отец мне его не показывал. Поэтому не могу точно сказать, кто пожаловался на мой образ жизни – режиссер или кто-то другой. Но отцу представили так, будто я только и делаю, что водку пью да чужих жен соблазняю. Соблазняю! Это хуже, чем просто связь на стороне. «Соблазняю» означает, что только я один всему виной. Сын товарища Сталина.

Сгоряча отец никогда ничего не решал. И тем более не наказывал. Уверен, что он навел справки. Было у кого навести. Да и я сам не отрицал. Роман был. Выпить выпиваю, бывает. Виноват. «Себя позоришь, меня позоришь, фамилию позоришь», – сказал отец. Не только это сказал, но то были главные слова. «Виноват, – говорю, – кругом виноват. Готов искупить!»

А как офицер во время войны может искупить свою вину? Только кровью смыть. У отца не было другого выхода, как отправить меня на фронт. Он по моим глазам понял, о чем я думаю. Сказал: «Это не наказание, а поощрение получается, надо бы тебе еще десять суток гауптвахты дать, чтобы подумал о своем поведении. Нет, не десять, а пятнадцать!» То, что я к тому времени был полковником, меня от гауптвахты не спасло. Вот такие были у меня «привилегии», как у сына товарища Сталина. Я единственный полковник в Красной Армии, который побывал на гауптвахте. Как положено отбыл срок, в Алешинских казармах[26], без поблажек. Думал, что после гауптвахты отец позовет меня и спросит, осознал ли я свои ошибки, но мы не встретились. Вручили мне приказ и стал я командовать хорошо знакомым мне 32-м гвардейским истребительным авиаполком, бывшим 434-м[27]. Один из друзей пошутил, что мне повезло, мол, мог бы я получить за свои грехи 586-й истребительный женский[28]. Я на это ответил, что мне это не грозит. Кто такому «бабнику» женский полк доверит? Слово «бабник» я намеренно беру в кавычки, поскольку таковым себя не считаю. Выпить люблю, есть такое, но по части женского пола не свирепствую. Этот ярлык ко мне приклеили совершенно незаслуженно. Мне-то что? Мне как с гуся вода. Я к слухам и сплетням отношусь спокойно. А вот жене Гале было обидно. Такого про меня насочиняют, что не знает, бедная, что и подумать. Я Галю очень любил, но из-за таких вот «сочинителей» нам пришлось расстаться. Под конец войны. Она сама так решила. Сказала, что так всем будет лучше. И мне, и ей, и детям. Не знаю, кому от этого на самом деле стало лучше? Мы расстались, но развода не оформили. Как будто надеялись на что-то. Любовь, может, и прошла, но не совсем. Что-то осталось. Что-то всегда остается. Если это настоящее чувство.

В феврале 1943 года я принял полк у своего товарища и тезки Васи Бабкова[29], получившего другой полк, тоже гвардейский. С Васей мы дружили, но после войны наши пути разошлись. Он остался в Германии, а я продолжал службу в Московском округе. Потом, когда меня арестовали, пути разошлись окончательно. И не только с ним одним. Я никого не осуждаю – жизнь. Жизнь сводит людей и разводит. Исключение – самые близкие. Тут счет иной и отношения иные.

Мечта сбылась! Я на передовой! Командую полком! Ни дня без боевых вылетов! Какое там «ни дня»! Приходилось делать по нескольку в день. Обстановка на Северо-Западном направлении была очень сложной, да и я жаден до неба чрезвычайно. Следил за собой, пытался не увлекаться, не терять осмотрительности в небе. Помнил, что отвечаю теперь не только за себя и за свою машину, но и за весь полк. В перерывах между вылетами приходилось заниматься рутиной. У комполка бумажной работы тоже хватает. С войны так повелось, что первым делом – бой, а бумаги уже после. Это верно. Можно по уши в бумаги закопаться, а тебя разбомбят – и привет. К бумагам у меня сформировалось не особо почтительное отношение. Что-то мог подмахнуть, не вникая, что-то мог перепоручить подписать заместителю. Это мое качество впоследствии обернулось против меня. Им воспользовались для того, чтобы меня очернить. Впрочем, когда ничего не находили, высасывали факты из пальца. Не раз.

Должность командира полка одна из самых трудных в армии. Командир полка – это фигура, начальник. Нельзя допускать панибратства, потому что от панибратства до неподчинения один шаг. Но и слишком уж зарываться тоже нельзя. Надо помнить, что все мы товарищи, воюем плечом к плечу (крылом к крылу). Очень тонкая тут нужна дипломатия, чтобы тебя и слушались, и уважали. Уважали! Начальство должны уважать, а не бояться! Когда я сейчас слышу, что моего отца боялась вся страна, мне становится смешно. Грустно тоже становится, потому что прошло всего семь лет после смерти отца, а о нем уже и слова правды не услышишь. Даже Светлана потакает лжецам, я знаю. На самом деле отца уважали, а не боялись. И я брал пример с него. Зарабатывал уважение. Одно дело, когда ты инспектор, офицер из штаба. Тогда другое к тебе отношение, как к пришлому человеку. А командир полка он свой. Всегда на виду. Весь как на ладони. Полк – одна большая семья. Недаром в старое время говорили про командира: «Слуга царю, отец солдатам». Я старался быть отцом своим подчиненным. Трудно приходилось, потому что большинство было старше меня. Что мне – двадцать два года! Но я – командир. И я как мог старался соответствовать своему положению. Причем без всякой оглядки на то, чей я сын. Я – полковник Василий Сталин. И точка. Важно, кто я, что я могу. А кто мой отец, Генеральный секретарь и Предсовнаркома или заводской рабочий, уже не важно. Не пристало сыну прятаться за отца, прикрываться его авторитетом. Надо свой авторитет зарабатывать. Очень плохо приходится тем командирам, которых не уважают их подчиненные. И не стоит рассчитывать на то, что тебя станут уважать только за твои летные, командирские

качества. Без этого уважать не будут – факт. Но этого мало. Я знаю одного летчика, командира полка. Имени его называть не стану. Скажу только, что это хороший летчик, ас и волевой, опытный командир. Но его не уважают, потому что он всегда наособицу. Вот полк, а вот я. Чтобы подчиненные тебя уважали, они должны видеть в тебе не только аса, но и человека.

Я старался заслужить уважение, и я счастлив, что мне это удалось. Уверен, что никто из моих боевых товарищей не поверил ни слову из выдвинутых против меня обвинений. Боевое братство – особый вид дружбы. В боевой обстановке люди проходят не только закалку, но и проверку. Это – навсегда. Дня не проходило в тюрьме, чтобы я не вспоминал моих товарищей.

Наш полк был одной дружной семьей. Но в семье, как говорится, не без урода. Находились люди, которые пытались мне навредить. Один капитан строчил на меня доносы. Куда только не писал, даже в Особый отдел. Причину такой неприязни я понять не мог, потому что наши пути нигде не пересекались. Дошло до разговора с глазу на глаз. Не знаю, понял ли он меня. Дело закончилось тем, что он продолжил службу в другом полку. Не исключаю, что это был человек, «приставленный» ко мне врагами отца. Пока отец был жив, враги искусно притворялись друзьями. Сидели тише воды ниже травы, но сущность у них и тогда была вражеской. Где бы я ни был, без пары доносчиков в окружении не обходилось. Я к этому привык, как привыкают к непогоде. Что поделать?

Кроме доносчиков были и прямые вредители. Не шпионы, а люди, которые пытались сводить счеты путем вредительства. За все отвечает командир. Любое происшествие – его вина. Мелким душонкам приятно втихаря сделать гадость. Надежда на то, что командира могут снять, а ты займешь его место, тоже присутствует. Ухо приходилось держать востро. И прежде, чем доверять человеку, надо было к нему как следует присмотреться. Однажды совсем идиотский случай произошел. Замполитом у меня был один не в меру ретивый майор. Фамилию называть не стану, тут важен случай, а не фамилия. Майор этот доводил до белого каления еще Ваню Клещева в бытность того командиром полка. Носом землю рыл, искал, на чем можно выслужиться. Я, как начальник инспекции ВВС, получал от него рапорта на Ваню, но хода им не давал. Знал хорошо обоих – и того, кто писал, и того, про кого было написано. Так вот, майор этот, поняв, что обычными доносами выслужиться у него не получится, решил выслужиться иначе. Дело раздуть решил. Заклинил шилом тягу элеватора[30] на моем ЯК-9 и поднял шум. Обвинил моего техника лейтенанта Поваренкина в халатности с намеком на

вредительство, начал рапорты с донесениями строчить, но нашлись двое свидетелей, которые видели, как он накануне вечером вертелся возле моей машины. Как он шило втыкал, ребята не видели, но ясно было, что это его рук дело. Вечером воткнул, рано утром «обнаружил». Но я схитрил. Заявил замполиту, что есть свидетели, видевшие, как он втыкал шило. Тот поюлил и признался. Но попытался оправдаться тем, что сделал это из благих побуждений. Хотел таким образом усилить охрану полка и лично меня. Клоун! Я его так и назвал. Ну и еще добавил пару крепких слов. Дело замяли. А ведь могли раздуть до небес.

Прокомандовал я полком недолго – полтора месяца. Потом случилось несчастье. По моей вине. Я же командир, значит – отвечаю за все. Но без злого умысла. Случайность. Трагическая, потому что привела к гибели нашего товарища, капитана Жени Разина, полкового инженера. Женя был хорошим, свойским человеком. Ни одно наше застолье не обходилось без него.

Дело было так. Раньше, когда я служил в инспекции ВВС, переформирование полка было для меня «ударной» порой. Семь потов сойдет, пока все организуешь да обеспечишь. Война ежедневно вносила свои коррективы в наши планы. Нельзя было отдать распоряжение и сидеть сложа руки. Приходилось держать все под неусыпным контролем. Но у начальника инспекции свои заботы, а вот для командира полка и личного состава переформирование – нечто вроде каникул. Сидишь вдали от передовой, отсыпаешься впрок, отъедаешься и помираешь от скуки. Любое развлечение воспринимается на ура. Весной и летом особенно хорошо на природе. Такое впечатление, будто от войны уезжаешь в прежнюю, довоенную жизнь. На меня природа действует успокаивающе. Провел полдня в лесу, послушал, как птички поют, и будто на месяц в отпуск съездил. Ну и отвлечься от войны тоже хотелось. Если иногда не отвлекаться, то с ума можно было сойти. Только те, кто пороху не нюхал, говорят, что им война нипочем. Тяжкое это дело – воевать. Мальчишеский задор быстро пропадает. На смену ему приходят злость и желание поскорее все закончить. Добить фашистскую гадину в ее логове и вернуться домой, к жене и детям.

24 марта 43-го года мне исполнилось двадцать два года. Две двойки. Круглая, можно сказать, дата. Отметить ее толком все никак не удавалось. Собрались наконец отметить в воскресенье 4 апреля. Полк наш тогда был отведен на переформирование в город Осташков Калининской области[31]. Свободного времени много. Собрались и поехали на природу, благо было недалеко. В двух километрах от аэродрома протекала речушка, названия

которой я уже не помню. Что-то на «с»[32]. Речушка была рыбная. Поехало нас человек пятнадцать, на трех машинах. Где река, там и рыбалка. Рыбачили мы по-своему, без удочек. Глушили рыбу. Гранатам предпочитали реактивные снаряды, которые поднимали сразу много рыбы. Дело нехитрое – установил детонатор на максимальное замедление, свернул ветрянку, и кидай в воду. Через двадцать две секунды взрыв. Поехало нас, как я уже писал, много, поэтому и рыбы нужно было много. Хотелось наваристой ухи, такой, чтобы ложка в ней стояла. По ухе у нас был свой специалист капитан Гаранин, заядлый рыболов. Такую уху варил, что ложку слопать можно было. Глушил рыбу Женя. Ему это по должности полагалось, как инженеру по вооружению. Каждый занимался своим делом. Кто ветки для костра рубил, кто место для застолья готовил, кто рыбу сачком собирал, кто чистил… Только я один бездельничал. Не потому, что командир, а потому, что именинник. У именинника своя задача – горючее обеспечить. Я стоял недалеко от Жени и ждал, пока он подготовит снаряд[33] и бросит его в воду. Рыба всплывает не сразу после взрыва, а чуть погодя. Интересно наблюдать. Донаблюдался – снаряд взорвался у Жени в руках. Женю разнесло в клочья, а меня и капитана Котова ранило осколками. Меня в левую щеку и в левую же ногу, а Котова в голову и в грудь. Остальных разметало взрывной волной, но без последствий. Такая вот трагедия. Кто мог ожидать? Женя делал все правильно, он был опытным офицером. Бракованный снаряд. Такие попадались. Случалось, что самолеты подрывались от собственных снарядов. Не знаю, что было тому причиной – вредительство или случайность какая-то. Обидно. Больно. Гибель товарища – это всегда больно, а так вот, ни за понюх табаку, особенно. Из всего нашего полка Женя ждал конца войны сильнее всех. Были у него на то причины личного характера. А вот как получилось.

В 53-м году мне припомнили это происшествие, причем представили все так, будто я уехал на рыбалку с передовой и заставлял Женю ставить замедление в пять секунд, из-за чего он и погиб, не успев бросить снаряд в воду.

Меня тут же переправили в Москву, в Кремлевскую больницу, где прооперировали. Щека зажила быстро, а вот нога доставила хлопот. Осколки повредили голеностопный сустав, а суставы, как сказал оперировавший меня профессор Очкин[34], «дело поганое». На восемь месяцев я выбыл из строя. Обидно было невероятно. Так рваться на фронт и так по-глупому пострадать. В больнице люди смотрели участливо, думали, что меня ранило в бою. Мало кто знал, как оно было на самом деле. Я никому не рассказывал. Стыдно было. И никогда это ранение нигде не упоминал, сделал

вид, что забыл его. Так и писал в анкетах: «В период пребывания на фронтах ранений и контузий не имел». Только вот нога постоянно напоминает о давней трагедии. С каждым годом все сильнее напоминает.

Отец позвонил на второй неделе моего пребывания в больнице. Не спросил, как мои дела, а сказал, что думает по поводу моего разгильдяйства, и на том наш разговор закончился. «Мальчишка! Недоумок! Болван!» Это я еще не все слова привожу, которые в тот день от него услышал. Никогда еще не удавалось мне так рассердить отца. «Я в тебя поверил! Доверил тебе полк! Разве можно тебе доверять?! Люди в три смены работают, чтобы дать фронту как можно больше снарядов, а вы ими рыбу глушите? Из пушек по воробьям еще не начали стрелять? Вам что, авиационного пайка не хватает?!» Каждое слово больно отзывалось в моем сердце. Я молчал и слушал. А что я мог ответить? Сам кругом виноват. Женя Разин погиб по моей вине, Саша Котов тяжело ранен, сам я тоже оказался на больничной койке. Отметил, называется, день рождения, будь он трижды неладен. Только на «Перепились и устроили черт знает что!» я попытался возразить. Сказал, что мы в момент взрыва были трезвыми, не успели еще выпить. Но это не помогло. «Я про все твои геройства знаю! – сказал отец. – Не дорос ты еще до того, чтобы людьми командовать, товарищ полковник». Это «товарищ полковник» очень меня задело. Больше, чем все остальные слова. Сказано оно было с таким презрением, что мне стало не по себе. Никогда еще отец так со мной не разговаривал. Но я понимал, что заслужил такое отношение. Все справедливо. Сам виноват. Идет война, каждый человек на счету, тем более – летчик, а здоровенный бугай, вместо того чтобы бить врага, валяется на больничной койке. И еще один товарищ валяется. А Женя погиб. Не в бою, а на рыбалке. Какая глупость! С тех пор я не то что рыбалку, даже рыбу не люблю. А на уху так вообще смотреть не могу. Взгляну и вспоминаю тот апрельский день, улыбающегося Женю с «РОС-82»[35] в руке. До сих пор.

Потом был приказ отца о моем снятии с должности за пьянство и разгул и за то, что я порчу и развращаю полк. Еще там было сказано: «не давать ему каких-либо командных постов впредь до моего распоряжения». Из командира полка я стал обычным летчиком, находящимся в отпуске по ранению. Отпуск затянулся надолго. Проклятая нога то все никак не хотела заживать, то все никак не хотела слушаться. Доктора обещали, что все образуется. Однако были дни, когда в это не верилось. Ходил на костылях, как журавль. Злился ужасно. Тетя Аня[36] успокаивала меня: «Главное, что жив остался». Но если говорить

начистоту, то я бы предпочел погибнуть вместо Жени. Так мне было тогда плохо, что ничего не радовало. Ходил чернее тучи. Только когда крошечная дочка Наденька улыбалась мне, становилось немного легче на душе. «Улыбайся, милая, ты ведь не знаешь, что натворил твой папаша», – думал я. Отец со мной несколько месяцев не общался. Совсем меня игнорировал. Напрочь. Выражал этим свое недовольство. Галя утешала меня, как могла. Тяжело ей бедной со мной было. Характер у меня и без того не легкий, а тогда был и вовсе невыносимым. Но пока я болел, Галя терпела все мои выходки. Входила в положение. Расстались мы в следующем году. В 44-м.

Странные мысли посещали меня в то время. С одной стороны, я, как все советские люди, желал, чтобы война поскорее закончилась. Перелом уже произошел, мы погнали врага вспять. А с другой стороны, я боялся, что со своей ногой повоевать уже не успею. Такое вот противоречие. Я ж толком еще и повоевать-то не успел! Всего каких-то полтора месяца! Раньше, здоровым, я так не рвался на фронт, как сейчас, с раненой ногой. Где искупать свою вину, как не на фронте? Доктора осторожничали, советовали беречь ногу, но я их не слушал. Поступал наоборот. Ходил как можно больше, пытался бегать, когда сидел, делал какие-то движения. Разрабатывал, одним словом. Нога болела, не слушалась, но я не сдавался.

Глава 3
Конец войны

Как-то раз приехал Ворошилов. Сказал, что надумал навестить меня. Посмотрел, как я прыгаю, сказал, чтобы я не переживал – с такой ногой можно в кавалеристы. Ворошилов был весел. Ругать меня не стал, хотя на правах старого друга отца мог бы это сделать. Вдруг завел разговор о том, как сын Шахурина застрелил дочь дипломата Уманского. Об этом случае тогда говорила вся Москва[37]. Все удивлялись – такой необычный случай. Но в нашей семье больше удивлялись тому, что в антисоветской организации, созданной сыном Шахурина в школе, оказались два сына Микояна – Серго и Вано и мой двоюродный брат Леонид. Ничего антисоветского по сути там не было – обычная мальчишеская глупость, тяга к приключениям, но формально было. И то, что было, подчеркивалось тем, что организация была создана в лучшей школе страны и входили в нее дети известных людей. Около тридцати человек. Тетя Аня очень переживала за Леонида. Боялась, что из-за его отца у следователя к нему будет плохое отношение. Я ее успокаивал, говорил, что Леонид, конечно, дурак, но все же ребенок. Следствие разберется, поймут, что все это от глупости, и сильно не накажут. Так и вышло – все отделались легко. Недолго в тюрьме посидели, потом была высылка. Все сходились на том, что у шахуринского сынка было не в порядке с головой. Ну а остальные просто пошли у него на поводу. То же самое сказал и Ворошилов. И добавил, глядя на меня многозначительно, что высокое положение родителей налагает на их детей двойную ответственность. За себя и за отцов. Я хорошо понял намек. Ворошилов еще сказал, что глупость глупости рознь. Есть, мол, просто глупость, лихая мальчишеская удаль, а есть глупость с гнильцой. Этот намек я тоже понял. И еще понял, что Ворошилов приехал не сам, а по поручению отца. Сразу по двум поручениям. Чтобы убедиться в том, что я сделал выводы из своего поступка, и чтобы намекнуть тете Ане, что ей не стоит очень сильно беспокоиться за Леонида. Сама тетя Аня даже не думала обращаться к отцу с просьбой по поводу сына. Знала, что ничего не выйдет. Отец категорически не любил таких просьб. Ну и что, что родственник? Отец Леонида тоже был родственник, но оказался врагом. Родственник, приятель – это не главное. Главное – это поступки человека. Насчет того, чтобы «порадеть родному человечку», у отца было одно мнение – нет! Никогда он никому

не радел. Мой пример тому подтверждение. Казалось бы, можно было закрыть глаза на тот случай на рыбалке. Поехали мы на нее в свой законный день, не с передовой отлучились. Гибель Жени была несчастным случаем. Можно было мне выговор дать или вообще ничего не давать. А отец снял меня с командования полком, вот так. Был командир полка, стал летчик-инструктор. Летчиком-инструктором меня отправили в другой полк. Тогда было принято командиров, снятых в должности, переводить в другие части, хоть и не всегда это соблюдалось. Но я не имел ничего против того, чтобы остаться в своем полку. Новый полк я тоже хорошо знал. Им командовал Гриша Пятаков, лихой летчик из ставропольских казаков. Но послужить под Гришиным начальством мне не пришлось. Ему пришлось под моим, уже после войны. А в январе 1944-го, когда я наконец-то встал в строй, меня назначили инспектором в 1-й гвардейский истребительный авиакорпус. Я этого назначения не добивался, оно было для меня неожиданностью. Мне было все равно – что инспектором, что инструктором, главное, чтобы летать, чтобы на фронт. Когда первый раз после такого долгого перерыва я поднял машину в воздух, то заплакал от счастья. Сам себе удивился – с чего бы это на слезу пробило? До того последний раз плакал по-настоящему, когда мамы не стало, больше десяти лет назад. Хорошо, что в воздухе, никто не заметил. Дело было не в том, что я стеснялся своих слез, а в медицинской комиссии. Еще решат, чего доброго, что у меня нервы ни к черту не годятся, и запретят летать. С нервами в авиации строго. Чуть что заметят – и небо закрыто. А тут еще совсем недавно случай был, в октябре или в ноябре 43-го. Под Кременчугом разбился, едва взлетев, майор Смирнов, опытный летчик, воевавший с первых дней войны. Среди вещей нашли прощальное письмо, в котором майор написал, что, узнав о гибели жены и дочери, не может жить дальше. В летных кругах случай получил широкую огласку, а медикам дали команду обращать еще больше внимания на психическое состояние летного состава. После этого медики стали лютовать пуще прежнего. Попробуй только пожалуйся на что-нибудь, сразу отстранить норовят. Иногда приходилось посылать их подальше, чтобы не надоедали.

На фронт я отправился в январе, а незадолго до Нового года состоялась встреча с отцом. Она была длинной. Больше часа проговорили. Отец спросил, не пожалел ли я о том, что стал летчиком. Я удивился, с чего вдруг такой вопрос. Ответил, что ни дня об этом не жалею, потому что авиация – это моя страсть. Отец заговорил о том, какая большая работа ждет нас после войны. Восстанавливать разрушенное, строить новое, авиация тоже будет

новой, не такой, как была до войны. Отец очень тяжело переживал то, что в начале войны фашистам удалось получить безоговорочное превосходство в воздухе. Сколько всего было уничтожено! Отец сказал, что мы, летчики, должны создать непробиваемый воздушный щит над нашей Родиной. Чтобы больше никто не смог бы к нам сунуться. Он спросил, что я об этом думаю. Что я мог думать? Ясно, что нужен, а раз нужен, то будет. Сам я, говорю, жизнь свою положу на то, чтобы с воздуха наша страна была надежно защищена. Отец усмехнулся, по-доброму так, и спросил, где бы я хотел продолжить службу после войны. Я ответил, единственное, что можно было отвечать на такой вопрос, не рискуя вызвать отцовского гнева: «Там, куда меня направят!» Отец одобрительно кивнул и сказал: «Тебя надо в Москве держать, чтобы на глазах был». Приободрил меня, дал понять, что видит во мне полезного для общества человека и одновременно дал понять, что ничто из моих прегрешений не забыто. Отец считал, что ничего забывать не стоит. Это я не к тому, что он был злопамятный. Совсем нет. Просто каждый поступок, каким бы он ни был, характеризует человека. Каждый поступок – часть биографии. Как можно что-то забыть? На ошибках учатся. Если забудешь свою ошибку, можешь снова ее совершить. Но мнение о человеке надо составлять исходя из того, чего в нем больше. Ни одна ошибка не должна перечеркивать судьбу. Так считал отец. И еще он считал, что каждый должен отвечать только за свои поступки. Сын не отвечает за дела отца, отец за дела сына. Каждый сам за себя отвечает. Вот пример, к слову. Шахурин, чей сын совершил убийство и самоубийство среди бела дня в центре Москвы, а также создал в школе антисоветскую организацию, оставался на посту наркома авиационной промышленности до 46-года. Он был снят и осужден не из-за сына, а из-за того, что развалил работу. Систематически выпускал некачественную продукцию, не занимался разработкой новых самолетов, в результате чего мы серьезно отстали от американцев в развитии авиации. Летчики бились на неисправных «Яках»[38], а нарком и в ус не дул. Никто не дул, пока я не обратил на это внимание. Отец тогда меня похвалил, сказал: «государственно мыслишь»[39]. Мне очень приятно было слышать от него такие слова. Микоян, несмотря на то что два его сына участвовали в организации Шахурина и высылались из Москвы, остался на своем месте и пользовался полным доверием отца. Хирург Бакулев[40] тоже не пострадал за глупость своего сына. Это при отце, когда главным принципом общественного устройства была справедливость. Во всем. А после смерти отца меня осудили только за то, что я был его сыном. Обвинение

звучало иначе, но суть была в том, что я – сын Сталина. Мне ни за что дали восемь лет, семь из которых я отсидел. А наркому Шахурину, который умышленно гнал в армию дефектные машины, отчего гибли люди, дали семь лет. Это я так, для сравнения нынешнего времени с временами «грубейших нарушений социалистической законности и массовых репрессий»[41]. Да, приходилось сурово карать, но карали всех за дело. Если приезжаешь на прифронтовой аэродром и видишь, что машины стоят рядами по линеечке без всякой маскировки, как в мирное время, то что делать с виновными? Пальчиком погрозить и сказать «ай-я-яй»? Или что другое? Справедливость требует, чтобы суровость наказания соответствовала тяжести вины. Иначе нельзя.

Инспектор-летчик по технике пилотирования – должность особенная. В смысле ответственности. Инспекторами по технике пилотирования абы кого не назначают. Таким эпизодом в биографии можно гордиться. Простым разбором боев тут не обойтись. Указать каждому на допущенные ошибки мало. Надо научить летный состав части летать и драться как можно лучше. Слаженно, результативно, без потерь. Чтобы это был единый стальной кулак, а не пальцы врастопырку. Для этого не только надо уметь летать самому, но и в людях разбираться. Добиться четкой слаженности в бою очень трудно. У каждого летчика своя манера ведения боя. Со своими достоинствами и недостатками. Не характер, подчеркиваю, а манера. Как сказано у Горького, сложности бывают в химии, а не в характере человека. В характере все сложности – притворство. Манера в какой-то мере зависит от характера, но не определяется им целиком. Инспектор должен многое учесть, чтобы дать правильный совет. Можно долдонить под одну гребенку, но это будет неправильно. Люди разные, им надо дать возможность раскрыть все свои преимущества для общего блага. Днем я совершал боевые вылеты, проверял технику пилотирования, разбирал бои с летным составом, ночами анализировал бои, искал слабые места. Даже что-то вроде руководства боевого летчика начал писать, но потом забросил. Некогда было. С командиром корпуса генерал-лейтенантом Белецким у меня сложились хорошие отношения. Тот сразу дал понять, что поблажек мне делать не намерен. Я на иное и не рассчитывал. Примерно с месяц Белецкий ко мне присматривался. Потом вызвал, похвалил, сказал, что у меня есть все качества, необходимые для командования. Много позже я узнал от Поскребышева, что Белецкий очень хорошо обо мне отзывался, рекомендовал меня не на полк, а аж на дивизию! Видимо, его рекомендация убедила отца в том, что я взялся за ум.

В мае 44-го года я получил под командование 3-ю истребительную авиационную дивизию, входившую в 1-й гвардейский корпус, которым командовал Белецкий. Мой друг Володя Луцкий[42] в шутку называл Белецкого моим «крестным отцом». На самом деле так оно и было, ведь он помог мне окончательно вернуть доверие отца. Можно сказать, дал путевку в «большую авиацию». Теперь я уже был ученым. Недаром же говорится, что за одного битого двух небитых дают. Ни на шаг не отступал от правил и инструкций. Не позволял себе даже малейших нарушений. Помнил, что еще одного шанса у меня не будет. Если облажаюсь – отец больше не простит. Ни как отец, ни как Верховный Главнокомандующий. Скажу честно, что Василий Сталин куда больше боялся своего отца, чем полковник Сталин Верховного Главнокомандующего. Признаю, что есть у меня некая лихость. Мог иной раз пренебречь указаниями начальства, наплевать на инструкцию, бывало такое. Но слово отца для меня закон. Высший закон. Уважение, любовь, почтение, восхищение – вот что есть мое отношение к отцу. Каждый человек любит своих родителей, каждому дороги отец и мать, но мое отношение к отцу особенное. Я не могу выразить его словами. Горький с Толстым, может, и смогли бы, а я не могу.

Дивизию я принял, скажу честно, не в самом лучшем виде. Командовал ею до меня генерал-майор Ухов, неплохой летчик, но никудышный, скажу прямо, командир. За год с небольшим Ухов развалил все, что только можно было развалить. Только благодаря стараниям его подчиненных дивизия сохраняла боеспособность. Мне приходилось сталкиваться с Уховым по службе в бытность мою начальником инспекции ВВС. Уже тогда я составил о нем мнение, которое окончательно подтвердилось в 50-м году, когда Ухов был осужден за антисоветскую деятельность. Помимо клеветнических высказываний он допускал множество нарушений по хозяйственной части. Достаточно было во время обеда войти в столовую, чтобы понять, что к чему. Я взялся наводить порядок и быстро его навел. Двух недель хватило. Пришлось перетряхнуть весь командный состав, кое-кого наказать, чтобы другим неповадно было, но дивизия «пришла в чувство». Белецкий выразил мне благодарность. Уверен, что и отцу доложил. Может, не лично доложил, а через Папивина[43], но отец в разговоре со мной сказал: «Приятно слышать, Васька, как тебя люди хвалят». А кто меня мог хвалить, как не Белецкий?

В июне 44-го я был награжден орденом Красного Знамени. Радость мою омрачила окончательная размолвка с женой Галей. Когда мы увиделись во время моего приезда в Москву, Галя сказала, что нам лучше расстаться. Все к тому шло, поэтому я не

очень-то удивился. Настроение, конечно, испортилось. Отец, не признававший разводов, особенно при наличии детей (а у нас с Галей их было двое – Саша и Надюша), высказал мне свое недовольство и обратил внимание на то, что о детях я в любом случае забывать не должен. Я ответил, что дети останутся со мной. Так решили мы с Галей. Много позже, в 47-м году, я узнал, что нашему с Галей расставанию поспособствовала подруга моего боевого товарища Вани Клещева[44]. Встретив где-то Галю (они были знакомы), она наговорила ей на меня с три короба. Будто я изменяю Гале сразу с тремя женщинами и тому подобное. Даже имена и должности этих женщин назвала. Все это было чистейшей ложью. Не знаю, зачем ей понадобилось так поступать. Из зависти? Или просто натура такая подлая? Была у меня мысль узнать, почему меня оклеветали перед Галей, но клеветница к тому времени попала в тюрьму, и встретиться с ней мне не удалось. А то бы спросил. Но причина, конечно, крылась не в клевете, а в том, что у нас с Галей не сложилась жизнь. Если бы сложилась, то любая клевета была бы нипочем. Если веришь человеку, то не станешь идти на поводу у клеветников. Так, например, как я не иду на поводу у тех, кто клевещет на моего отца. А Галя во мне сомневалась. В этом и моя вина была. Когда-то, поначалу, дал повод. С этого все и пошло у нас наперекосяк. А жаль.

В бою под Вильно я чуть не погиб. «Мессер»[45] пошел на таран и повредил мне винтом хвост. Редкий случай. Немцы обычно на таран не решались, кишка у них была тонка для тарана. А этот попался рисковый. Товарищи прикрыли меня, я благополучно посадил самолет. Все обошлось. Сам виноват. Увлекся, подпустил слишком близко. Урок мне был, чтобы не зазнавался, не считал себя асом. Все мы асы, пока по земле ходим.

Новый, 45-й год мы встречали с необыкновенным подъемом. Ясно уже было, что войне конец, и в нашей победе не было сомнений. Мы выстояли. Мы сломали хребет фашистской гадине и добивали ее. Вопрос был только в том – когда? Когда закончится война? Мне почему-то думалось, что в апреле. Интуиция подсказывала. Чуток ошибся, самую малость. Мечтал о том, чтобы штурмовать Берлин. Врага повсюду и везде бить надо, как в песне поется, но штурмовать Берлин – это была заветная мечта всех. Берлин был центром, символом фашизма, головой гадины. Немцы дрались за него, как могли, даже детей под ружье ставили. Пока Берлин не был взят, у врага оставалась надежда. Вспоминали небось, как сами стояли в шаге от Москвы.

Мечта моя сбылась. Сама собой. Я о ней никому не

рассказывал. Но в феврале 45-го я получил новое назначение, командиром 286-й дивизии. Приказы не обсуждаются, и вопросов начальству в армии задавать не принято, но я все же спросил о причине перевода у Белецкого. Неужели, думаю, чем-то не ко двору пришелся, что-то не так делаю? Нередки были случаи, когда к человеку не могли или не хотели предъявлять претензии, но и иметь его в подчинении не хотели. Тогда устраивали перевод на такую же должность в другую часть или в другое соединение. Вроде как избавился, и не обидел. Я очень старался, командуя дивизией. Потому и задал такой вопрос. Чтобы исправить ошибки, которых я не замечаю. Со стороны всегда виднее. Белецкий ответил, что все в порядке, службой моей он доволен. Дело в том, что в 286-й дивизии в ходе подготовки к Берлинской операции планировалось большое перевооружение. Ожидали новые самолеты ЛА-7[46], и надо было срочно переучивать личный состав на новую матчасть. Меня сочли подходящим для этой ответственной задачи. Можно было гордиться, но я решил, что гордиться стану потом, после войны, если сделаю все как надо. Принял дивизию, пересадил целый полк на новые машины, участвовал в последней операции войны. Мои заслуги были отмечены орденом Суворова 2-й степени. Все вокруг были уверены, что вместе с орденом я получу и генеральские погоны. Признаюсь честно, немного надеялся на это и я, потому что в полковниках ходил уже четвертый год. На войне звезды падали на плечи быстро. В год по званию было нормой. А то и по два, это уж как повезет. Но генералом я стал только через год, в марте 46-го. От Поскребышева я впоследствии узнал, что отец несколько раз вычеркивал меня из списков на присвоение очередного звания. И то, когда стал, некоторые шептались у меня за спиной: «Как так! Генерал в двадцать пять лет!» Намекали, что без отца не обошлось. Это мне по документам было тогда двадцать пять, а на деле – за сорок. По жизненному опыту год войны можно за пять лет считать. И вообще все зависит от человека. Писатель Аркадий Гайдар в семнадцать лет полком командовал, а другим в пятьдесят взвода доверить нельзя. Черняховский[47] в тридцать семь лет генералом армии стал, совершенно заслуженно. Боевой генерал. А некоторые товарищи, которые вдвое старше меня, во время войны в военсоветах отсиживались, Киев да Харьков врагу сдавали, а теперь мнят себя великими стратегами[48].

За то, что отец вычеркивал мое имя из списков, я не в обиде. Прекрасно его понимаю. Другому человеку дашь звание, если заслужил, а насчет сына десять раз подумаешь. О том, как это будет выглядеть, тоже подумаешь. Подумаешь-подумаешь, да и

вычеркнешь. Сам бы на его месте поступил бы точно так же. Опять же, «добрые люди» исправно доносили ему о моих поступках. Часто выворачивали их наизнанку, пытаясь выдать белое за черное. Приведу один пример. Когда мы в 44-м стояли под Шяуляем, на аэродроме случился пожар, который был быстро потушен. Двое офицеров получили сильные ожоги. Случилось так, что все машины были в разгоне, не на чем было отвезти их в госпиталь. Тогда я остановил проезжавший мимо гражданский трактор (не помню, чей он был) и велел грузить пострадавших не него. Тракторист начал возражать, тогда я вышвырнул его из кабины и сам отвез ребят в госпиталь. Имел потом объяснение с энкавэдэшниками. Они меня поняли. Дня через три позвонил Поскребышев и спросил, почему я конфискую тракторы. Уже доложили! Я ему объяснил, что и как. В 1953 году, во время следствия, это происшествие снова всплыло, причем в извращенном виде. К трактору добавили объяснения с работниками комендатуры, пытавшимися задержать меня, когда я прилетел из Москвы в Шяуляй в штатском костюме. Причина была простой – горничная, гладившая мне китель перед вылетом из Москвы, зазевалась и прожгла в нем дыру. Годной военной формы под рукой не оказалось, время поджимало, пришлось надеть первый попавшийся под руку костюм. Товарищи из комендатуры удивились, увидев, как из военного самолета на военном аэродроме выходит штатский. Я предъявил документы, но это их не успокоило. Даже фамилия не произвела впечатления, такие это были сверхбдительные товарищи. Пришлось подождать, пока за мной приедут из штаба. Я назавтра забыл об этом инциденте, но на следствии он вдруг всплыл и превратился в гнусную ложь о том, как я в пьяном виде разъезжал по Шауляю на тракторе, давя людей, а будучи за это задержанным, избил дежурного по комендатуре и грозился ее поджечь. Такую чушь порол человек, которому я помог выйти в люди. Человек, которого я считал своим другом.

В ту ночь, когда по радио объявили о капитуляции Германии, у нас в дивизии никто не спал. Не до сна было, хоть усталость была невероятной. Люди не спали несколько суток подряд. После того, как Левитан[49] прочитал акт о капитуляции фашистской Германии, все начали кричать «ура» и стрелять в воздух. Одна из дивизионных связисток залезла в кузов полуторки и начала декламировать стихи. Голос у нее был звучный, сильный, перекрывавший шум, и читала она с выражением:

«А в небе над толпой военной,
С высокой крыши,

В дождь и мрак,
Простой и необыкновенный,
Летит и вьется красный флаг»[50].

Не знаю, чьи это стихи, но стихи замечательные. Врезались в память.

16-я воздушная армия, в состав которой входила моя дивизия, после победы осталась в Германии. Оторванным от дома я себя не чувствовал, потому что часто приходилось бывать в Москве, почти каждый месяц. Впоследствии мне и это поставят в вину. Так, как будто я летал не по служебным делам, а ради собственного развлечения.

Глава 4
Мама

Боль, вызванная ранним уходом матери, не утихает до сих пор. Трудно передать словами, что это было. Так страшно, внезапно. С отцом было иначе. Другой возраст. Я видел, как меняется отец, и понимал, что к чему. Не мог ожидать, что его отравят, но то, что жизнь его близилась к концу, понимал. И я тогда уже был взрослым.

Мама покончила с собой, когда мне было одиннадцать лет. Не ребенок, но еще и не взрослый. Я был развит не по годам, потому что все время вертелся около взрослых. Многое понимал, многое слышал, кое о чем догадывался. Сейчас много чего говорят. Во Владимире[51] меня несколько раз спрашивали – правда ли, что отец застрелил маму? Знаю, кто пустил этот слух, – те же, кто отравил отца и опорочил его память. Мне ли не знать, как все произошло. Мама покончила с собой ночью, когда была одна в своей комнате. Заперлась и выстрелила в грудь, в сердце. Умерла сразу. Я видел, каким огромным было горе отца. Он сильно переживал. Почернел лицом, ходил сам не свой. Отец любил маму, а она любила его. Но это не означает, что между ними все было гладко. Всякое бывало. В любой семье время от времени случаются ссоры. Характеры у моих родителей были похожие. Два кремня, никто не любил уступать. Мама только с виду казалась мягкой, но на самом деле была тверда. Маленьким я боялся ее больше, чем отца. Может, оттого, что она мной больше занималась, выговаривала, наказывала – ставила в угол, чего я просто не выносил. Отец день и ночь работал. Его я видел редко.

Оба были неуступчивыми, оба были вспыльчивыми, случалось, что после ссоры по нескольку дней не разговаривали. Это было. Но никто не мог предположить, что одна из ссор закончится самоубийством матери. Да и ссора сама по себе была пустячной. Отец сказал что-то резкое, мать вспылила – ничего особенного. Наутро никто бы об этом не вспомнил. Отец и мать умели прощать друг другу. Это очень важно – уметь прощать. Не все можно простить, но то, что можно, нужно прощать не задумываясь. Мелочи не должны омрачать счастья. Слово «счастье» я написал не случайно. Мои родители были счастливы. Они любили друг друга, любили меня и сестру. Разве что к брату Яше мама одно время относилась настороженно. Но ее можно было понять. Они просто не сразу привыкли друг к другу. Яша

дичился поначалу, мама воспринимала это как неприязнь, но со временем все сгладилось.

Отступлю в сторону. Приведу один факт, мимо которого не могу пройти. Именно мама познакомила отца с Хрущевым. Если бы не она, то не был бы он сейчас Первым[52]. Так бы и секретарствовал в своей Промакадемии. В лучшем случае. Почти все окружение отца, за редким исключением, вышло в люди с его помощью. И все эти люди сейчас на него клевещут. Те, кто начинал вместе с отцом, например – Ворошилов и Буденный[53], ведут себя иначе. Несмотря на то, что у них меньше поводов быть обязанными отцу. А те, кто обязан ему всем, в том числе и жизнью, наперебой оскверняют его память. Верю, надеюсь, что придет время, когда правда восторжествует. Историю нельзя искажать вечно. Цари пробовали – и что у них получилось?

Слухи ходили разные. Говорили, что мать покончила с собой, приревновав отца к жене коминтерновца Гусева[54]. Жену эту я помню. Красивая была женщина. Я был пацаненок, но все равно на нее засматривался. Звали ее Наташей[55]. Но то, что она была красивой, не означало, что у отца с ней был роман. Не собираюсь углубляться в подробности, но скажу то, что считаю нужным. Отец никогда бы не позволил себе романа с женой своего близкого товарища, с которым дружил, который бывал у нас в гостях. Никогда! Это означало предать дружбу. Это означало подлость. И по отношению к маме это было бы предательством. Пока была жива мама, для отца других женщин в этом смысле не существовало. А Наташа с мамой тоже были подругами, хоть и не очень близкими. Разве Наташа могла бы позволить себе шуры-муры с мужем подруги? Так что про Наташу Гусеву и отца все ложь, от начала и до конца. То, что отец относился к ней уважительно, нельзя истолковывать так, якобы у них был роман. Отец вообще со всеми, кто этого заслуживал, обращался уважительно. И я не помню, чтобы хоть раз слышал дома намек на то, что отец изменяет матери. Такого не было. Было другое.

Мама думала, что отец с ней мало считается. В этом была ее обида. И внушали ей эту чушь некоторые родственники и знакомые. Дело было в том, что отец не выносил, когда к нему обращались с просьбами «помочь», «посодействовать» и др. Есть установленный порядок – и точка. Делать что-то в обход порядка, «помогать» родственнику только потому, что он родственник, отец считал невозможным. Все такие просьбы назвались у него «придворными танцами». «Нечего тут придворные танцы разводить!» – говорил он. К нему с этим подступаться боялись. Знали, что ничего не получится. Редко кто рисковал, по незнанию или от великого нахальства. Все обычно пытались действовать

через маму. Мама делала одну, на мой взгляд, ошибку. Вместо того чтобы сразу отваживать просителей, как это делал отец, она их выслушивала и обещала помочь. Ей казалось неудобным оборвать человека на полуслове. Родственник же или приятель, не чужой совсем человек. Какие-то просьбы, не все, но какие-то, она доносила до отца. Отец, разумеется, отказывал и сердился. Когда он сердился, то не всегда выбирал выражения. Мог быть резким. Мать обижалась. А просители, получив отказ, начинали сетовать: «Ах, Надюша, Иосиф с тобой не считается! Твоя просьба для него ничто!» Не один человек так говорил и не один раз. Часто бывало. Мать обижалась на отца. Пыталась высказать свою обиду. Он ее обрывал и был прав, потому что повода для обиды не было. Мать обижалась. Родня «поддерживала» ее – ах-ах-ах, бедная Надя, Иосиф с ней совсем не считается! С ней ли? Или с теми негодяями, которые пытались использовать материнскую доброту в своих интересах? Мать не делала здесь различий. И напрасно. Ей казалось, что отец отказывает не тому, кто к ней обратился, а ей самой. Это и было главной причиной домашних споров. Мать считала, что отец не уважает хороших людей, а он сердился на то, что его пытались, как он выражался, «объехать на кривой козе». Мать эту «кривую козу» принимала на свой счет, и совершенно напрасно. Незадолго до самоубийства дома накалилась обстановка по поводу одного родственника, которому очень хотелось перебраться с Украины в Москву[56]. Мать несколько раз заводила о нем разговор с отцом, отец ее обрывал, мать плакала. Принципиальность отца она воспринимала как неуважение к себе. Зря так думала, но родня не разубеждала ее, а, наоборот, поддерживала в этом заблуждении. В результате произошло то, что произошло. В этой трагедии нет вины отца. Виноваты те, кто настраивал мать против него. Те, кто пользовался ее доверчивостью, ее расположением. Мать не так хорошо разбиралась в людях, как отец. Впрочем, как оказалось, отец тоже мог ошибаться. Верил тем, кто не заслуживал доверия. Иначе не пригрел бы столько ядовитых змей. Мои записки будут опубликованы не в СССР, которым сейчас управляют негодяи, а за рубежом – в Китае или в Албании, поэтому я могу назвать имена тех, кто предал идеалы социализма. Это Хрущев, Маленков[57], Булганин, Каганович[58], Молотов[59]. Есть и другие, но они мелкая сошка, всех перечислять долго. Рыба тухнет с головы, а голову я обозначил. Особняком в этой шайке стоит Ворошилов. Он дружил с отцом и сохранил о нем хорошую память. Ворошилов ничем себя не запятнал, он честный человек, настоящий коммунист. Коммунист, если он настоящий коммунист, а не просто человек с партбилетом, всегда стоит за

правду. Лжи может быть много, но правда всего одна. Одна на всех.

Мама была слишком доверчивой. Доверчивость ее и погубила. Доверие – сложная штука. Надо очень хорошо знать человека, чтобы полностью ему доверять. В душу-то не заглянешь. Иной раз думаешь – пуд соли с ним съел, знаю как облупленного, а окажется, что все не так. Примеров много. Был у меня товарищ, летчик. Казалось бы – наш человек, хороший товарищ, коммунист. А он взял и в 43-м перелетел к немцам. И дальше воевал против нас. Немцы ценили наших летчиков. После проверки зачисляли в армию, доверяли самолет. А проверяли они известно как. Пистолет в руки и стреляй в коммуниста. Застрелил, значит, кровью с ними повязан. Все просто. Таких летчиков, которые в войну перебежали на сторону врага, было несколько. Единицы, конечно, но эти единицы бросали тень на всю советскую авиацию. Помню несколько фамилий: Арзамасцев, Бычков, Мальцев, Антилевский, Власов (не родственник генерала-предателя, а однофамилец), Никулин, Шиян, Рипушинский. Одну женщину помню – Серафиму Ситник, знал ее лично, считал хорошей летчицей, советским человеком. Женщины-летчицы вызывали у меня особое уважение. Я-то знаю, как тяжела летчицкая доля. Не каждому мужику она по плечу. Не рисуюсь, говорю как есть. Опасно, тяжело, перегрузки и, самое главное, напряжение огромное. Пехотинец оступился – и ничего, дальше побежал. А в небе мельчайшая ошибка оборачивается гибелью. И воздушный бой не чета наземному. Иной раз непонятно, как отбился, на волосок от смерти был. Я не умаляю важность других войск, служить везде нелегко, просто хочу подчеркнуть, что авиация – дело непростое. Опять же, я заметил, что асом (не люблю этого слова, но другого пока не придумали) может стать только тот, кто бредит авиацией. Нужен порыв, влюбленность. Нужно спать и видеть, как взлетаешь и летишь. Случайные люди в авиации не приживаются. Мы таких между собой называли «кассирами». «Не летчик он, а кассир». Значит – пропащий для авиации человек. Не помню уже, кто это придумал.

Были и герои, такие, как капитан Цыганов. Немцы подбили его самолет за линией фронта. Цыганов прыгнул с парашютом, попал в руки патруля, но в ту же ночь бежал из-под ареста и пробрался через линию фронта. Вот это поступок советского человека, героя. Таких героев было много. В сотни раз больше, чем предателей. Я понимаю, что паршивую овцу можно найти в любом стаде, но предательство летчика всегда ранило меня больнее всего. Наверное, потому, что я считал всех летчиков своими братьями. Летное братство – особое братство. Это не

пустые слова.

Отвлекся я, начал писать о маме, а сбился на авиацию. Кому если когда и завидовал, так это тем, кто на фронте отличился, и тем, чьи матери живы. Никто не ждет тебя домой так, как мать, никто так о тебе не беспокоится. Для летчика это особенно важно, чтобы ждали. В трудной ситуации вспомнишь о тех, кто остался на земле, и силы прибывают. Те, кого никто не ждет, погибают первыми. Нарочно не считал, но уверен, что это так. Знать, что тебя ждут, это великая поддержка.

Как бы мне хотелось, чтобы все произошло иначе, чтобы мама осталась жива. Мне не хватает ее до сих пор, хотя я уже давно не ребенок. Помню ее улыбку, ее взгляд, ее руки, пахнувшие душистым мылом. Иногда, нечасто, вижу маму во сне. Она всегда снится к чему-то хорошему. Хоть я и не верю во все эти приметы, но для мамы можно сделать исключение. Очень люблю маму. Она преподала мне один из самых главных жизненных уроков. Я знаю – есть узкий круг близких людей, самых-самых близких, которыми надо дорожить, потому что никто их не заменит. После маминой смерти моя любовь к отцу усилилась, несмотря на то, что я и раньше любил его очень сильно. Своих детей я люблю так же, как любила меня мама. Все готов сделать ради них. Я материалист, не верю в загробную жизнь и прочую чепуху. Но часто представляю, будто мама рядом, будто она откуда-то смотрит на меня. Иногда разговариваю с ней, как с живой. Очень ее люблю. Очень по ней скучаю.

Глава 5
Германия

1 мая 44-го Верховный главнокомандующий И.В. Сталин издал приказ № 70, в котором говорилось: «Но раненый зверь, ушедший в свою берлогу, не перестает быть опасным зверем. Чтобы избавить нашу страну и союзные с нами страны от опасности порабощения, нужно преследовать раненого немецкого зверя по пятам и добить его в его собственной берлоге». Эти слова помнят все фронтовики.

Мы добили зверя в его берлоге. Надо было строить новую жизнь. Честно говоря, служить в Германии мне не хотелось. Там все было чужим, а на это чужое я уже насмотрелся. Но не мне решать. Приказ. Этого требовала обстановка. Никто из летчиков, штурмовавших Берлин, не вернулся сразу домой. Наша армия осталась в Германии, 2-я воздушная армия генерал-полковника Красовского расположилась в Австрии, 4-я воздушная армия генерал-полковника Вершинина – в Польше. Красовский звал меня служить к себе, но я отказался. Не видел смысла в том, чтобы без какой-то цели переходить из одной армии в другую. И еще понимал, почему Красовский меня звал. Дело в том, что он был сильно обязан отцу. Всем – и жизнью, и карьерой. Красовский начинал служить еще в царской армии, участвовал в Первой мировой, дослужился до унтер-офицера. Это унтер-офицерство ему пытались припомнить в Гражданскую войну. Несмотря на то, что он с первых дней революции сражался в Красной Гвардии[60]. Отец помог Красовскому отбиться от нападок, поручился за него. Видимо, потому Красовский и хотел, чтобы я служил под его началом, – отплатить добром за добро. Но я не хотел ходить в любимчиках.

Больно слушать обвинения в адрес отца. Хоть кто-то бы выступил против, в его защиту. Хоть кто-то бы вспомнил, как отец ему помог. А он ведь многим честным людям помогал отбиться от вражеских нападок.

Сложилось так, что именно Красовский сменил меня на посту командующего ВВС МВО. Я был рад этому. Мое «хозяйство» попало в хорошие руки. До меня доходило, что в качестве моего преемника рассматривалось несколько человек, например генерал-лейтенант Соколов-Соколенок[61]. Не имею причин сказать о нем плохо, но он больше профессор, нежели летчик. Такого нельзя ставить командовать авиацией целого округа.

Сначала мне казалось, что после Победы я заскучаю, но я

ошибся. Дел было невпроворот. Вот когда в полной мере пригодился мне опыт, полученный в инспекции ВВС. На какое-то время я превратился в завхоза. Решал хозяйственные вопросы – размещение, снабжение, строительство. Особо следил за тем, чтобы мои бойцы вели себя порядочно с местным населением. Тогда разные были настроения. Многие считали, что все немцы враги и человеческого отношения не заслуживают. Не только солдаты и офицеры, маршалы с генералами так считали. Приходилось напоминать, что фашист и немец – это разные понятия, что не все немцы враги. Про Тельмана[62] напоминал, про Энгельса[63], про то, что Красная Армия с мирным населением не воюет. Про боевую учебу тоже не забывал. Мои летчики тренировались регулярно. С горючим случались перебои, приходилось иногда надавить, чтобы получить свое. В 53-м мою заботу о боевой подготовке личного состава пытались представить таким образом, будто я получал горючее, предназначавшееся другим дивизиям, и продавал его на сторону. Я рассмеялся в лицо следователю, когда услышал эту чушь. Ладно, из столовой могли продать на сторону, то есть кому-то из местных, несколько буханок хлеба. Такое бывало, и с этим нещадно боролись. Но кому я мог продать тонны горючего? В Германии, в нашей зоне, в 45-м? Кому, кроме наших войск, оно было нужно? Кто там еще ездил или летал, кроме нас? Если, говорю, вы взялись выбивать лживые показания из моего начальника АХО, так хоть выбивайте с умом, так, чтобы им поверить можно было. Лучше бы про фотопулеметы[64], но ведь это неинтересно. Трудно представить, что фотопулемет можно продать кому-то на сторону. До такой явной чуши даже мои следователи не додумались. Хотя, признаюсь, фотопулеметы пару раз получал в обход других дивизий, было такое. В том, что касается боевой подготовки личного состава, я не останавливался ни перед чем. Надо, значит, будет. Нет ничего важнее боевой подготовки. Весь смысл жизни военного летчика в готовности номер один. Когда сидишь в кабине и ждешь команды. Только одна мысль – выполнить приказ. И высшая радость – вернуться с победой. Чтобы сам невредим и все, кто с тобой вылетал, тоже вернулись. Вот пишу сейчас, а мысли переносят меня в кабину самолета. Здоровье уже не то, чтобы летать, да и не пустят меня. Но в мыслях или во сне я летаю часто. Ощущение полета – это как праздник. У меня отобрали все – свободу, призвание, положение. Теперь хотят отобрать отца. Разве я не знаю, почему меня выпустили на год раньше. Знаю. Поняли, что сломать меня не получится, и решили действовать иначе. Не угрозами, а уговорами. Для того и свободной жизни понюхать дали, чтобы

был посговорчивее. Выпустили, квартиру дали, путевку, деньги какие-то выделили, обещали вернуть все, что отобрали в 53-м. Только согласись с тем, что мы правы, осуди отца. К Якову тоже примерно так же подступались. Но в нашем роду предателей нет. Не такие мы люди. Не так воспитаны.

Когда война закончилась, у всех нас было такое чувство, будто мы к жизни вернулись. В полном смысле этого слова. Все радости стали нам доступны. Каждый день радовал. Любовь, опять же. Поскольку я был свободен, с Галей мы расстались, я позволял себе интересоваться женщинами. Интересовался не просто так, а с дальним умыслом. Подбирал себе подругу жизни, новую жену. Без жены дом не дом, да и детям моим нужна была женская рука. А то с ними получалось совсем как со мной после гибели мамы. Отец на работе, дети растут под присмотром горничных и охраны. Люди, конечно, свои, детям плохого не сделают, но дело не в этом. Нужна материнская ласка, материнский присмотр. Надежды на то, что удастся помириться с Галей, у меня уже не было. Мы разошлись окончательно. Галя даже из Москвы уехала. Я, признаться, был очень удивлен, когда она в первый раз приехала ко мне на свидание, да еще и дочку Надю с собой привезла. Думал, что забудет меня с концами после ареста. А вышло наоборот. А те, на кого надеялся, поспешили меня забыть.

В Дальгове[65] у меня был роман с медсестрой Соней Лукьяновой. Чувство наше вспыхнуло в одночасье, но так же быстро и догорело. Наверное, мы были слишком разными людьми. И Соня меня почему-то боялась. Не в том дело, что я ее пугал чем-то. Такого, разумеется, не было. Она просто боялась и не верила, что полковник, комдив, сын Сталина может иметь к ней какой-то интерес, кроме того самого. А мне Соня очень нравилась. Она была веселая, задорная, голосистая. Пела так, что заслушаешься. Сам я петь толком не умею, но красивое пение слушать люблю. Вскоре Соня вышла замуж за майора-танкиста. Я так понимаю, что с ним ей было просто и понятно. Я человек простой и никогда не кичился тем, чей я сын, но некоторые люди придавали этому слишком большое значение. Я это сразу чувствовал по тому, как они со мной держались. А про Соню сначала думал, что она застенчивая, но, как оказалось, ошибся. Кто на молоке обжегся, тот на воду дует. Я решил, что теперь стану искать себе жену в других кругах. Скоро нашел. Стоит только захотеть по-настоящему, и найдешь.

Мне понравилась Катя, дочь маршала Тимошенко[66]. Она была старшей в семье, рано осталась без матери. Катя казалась мне серьезной, ответственной женщиной, способной стать не

только мне женой, но и матерью моим детям. У Кати самой была мачеха, она должна была понимать, что к чему. И отзывались о Кате хорошо, уважительно. Мне в таких делах советчики не нужны, но я помню, как отец однажды сказал мне грузинскую поговорку. В переводе она звучит так: «Когда выбираешь жену, надо больше верить не глазам, а ушам». У нас с Катей было много общих знакомых. Тех, к чьему мнению можно было прислушаться. Сыграло свою роль и место, где разгорелся наш роман. Сочи – море, курорт, легкая атмосфера. Это был первый мой настоящий отпуск с начала войны. Когда не лечишься, не отсыпаешься впрок, а просто наслаждаешься отдыхом.

Не стану долго распространяться о причинах, по которым у нас с Катей не сложилось. Скажу, что тут уже я повода не давал. Если и изменял ей с кем-то, так только со службой. Но мы с Катей были очень разными людьми. И взгляды на жизнь у нас сильно различались. Это открылось не сразу, а после того, как мы начали жить вместе. Одно время я успокаивал себя тем, что стерпится да слюбится, но не слюбилось. Обидно было ошибиться с выбором во второй раз, но что тут поделаешь. Все кругом не сложилось. У нас с Катей не сложилось, у нее с Сашей и Надей тоже. Катя обижалась, замыкалась в себе, подолгу ни с кем не разговаривала, что делало домашнюю обстановку невыносимой. Жизнь учит нас терпению и прощению, но нельзя терпеть и прощать бесконечно. Терпения хватило на два года.

Победа и возвращение к мирной жизни были огромной радостью. Но эту радость омрачало беспокойство за отца. Неимоверное напряжение военных лет не могло не сказаться на его здоровье. Отец всегда производил впечатление крепкого человека. Он на моей памяти никогда не болел, а в 45-м у него начало подниматься давление, сердце начало прихватывать. Но отец, несмотря на это, продолжал работу. В феврале был в Ялте, в июле в Потсдаме. В Потсдаме я увидел его другим, постаревшим, уставшим. Сердце больно сжалось, я осознал, что отец не вечен. Понял, что когда-нибудь настанет день, когда мы простимся навеки. Отец по моим глазам понял, о чем я думаю. Усмехнулся, погрозил мне пальцем и сказал, что не спал несколько ночей. Не мог уснуть ни на минуту, потому что ехал на поезде через разоренные войной области. Я понял. Это была очень тяжелая картина. Особенно для такого чуткого человека, как отец. Люди разные. Один увидит руины и спокойно поедет дальше. А другой подумает о людях, которые когда-то здесь жили, о том, что пришлось им вынести, о том, какое это ужасное горе – война. Отец, кроме этого, еще и думал о том, как бы поскорее все восстановить. Восстанавливать разрушенное начинали еще во

время войны. Буквально на второй день после освобождения. Но в 45-м еще мало что успели сделать. Я предложил отцу полететь из Потсдама в Москву на самолете. Сам вызвался сесть за штурвал. Еще со времен авиашколы была у меня такая мечта, прокатить отца на самолете. Но все никак не удавалось. Отец отказался. Сказал, что еще не все успел рассмотреть и что планирует на обратном пути провести в вагоне несколько совещаний. «Все только начинается», – сказал отец на прощание. Я сначала понял его слова так, что, мол, страну восстанавливать только начинаем. Лишь после того, как американцы сбросили бомбы на Хиросиму и Нагасаки, я сообразил, что имел в виду отец. Он имел в виду, что война не закончилась. Настоящее противоборство двух систем – социализма и капитализма только начинается.

Отец запрещал врачам и подчиненным распространяться о состоянии своего здоровья, но у меня был уговор с Поскребышевым. Тот тайком извещал меня, если отцу становилось плохо. К счастью, с осени 45-го здоровье отца пошло на поправку, заметно улучшилось. «Это японцы не давали мне покоя, – шутил он. – Как только их разбили, стал хорошо себя чувствовать».

Хорошо выразился писатель Фадеев в своем «Разгроме»: «был человеком особой, правильной породы». Эти слова как нельзя лучше подходили к отцу. Именно что особой. Именно что правильной.

Сейчас меня хотят заставить отречься от отца, а тогда, пока он был жив, пытались опорочить меня в его глазах. Пытались не раз и не два. Кто-то из зависти, кто-то преследовал далеко идущие цели. Причем делалось все искусно. Не напрямую, а намеками, оговорками. Например – случай с «Паккардом»[67]. Я про себя потом прозвал этот чертов «Паккард» троянским конем, потому что от такого «подарка» мне вышли неприятности. Генерал Чуйков[68], как страстный автомобилист, собрал в своем штабе много хороших трофейных и нетрофейных машин. Среди них был серый «Паккард», который очень мне понравился. Я повосхищался им вслух. Сказал, что хороша машина, да и только. Не намекал и, тем более, не требовал, чтобы ее отдали мне, в мой штаб. Побираться и вымогать не в моих привычках. Но технику я люблю и понимаю. Почему бы не восхититься, если машина того заслуживает? Кое-кто решил извлечь из этого свою пользу. Пишу «кое-кто», потому что имени человека, устроившего эту интригу, я так и не узнал. Машину мне передали по распоряжению Жукова[69], но я не могу утверждать, что он был организатором интриги. Возможно, что его использовали без ведома. Я обрадовался, машина была хорошей. Плохая бы мне не

понравилась. Начал ездить на ней. Вдруг звонок отца. И сразу первым вопросом: «Василий, это правда, что ты вытребовал себе «Паккард»? По какому праву?» Я сразу понял, что к чему. Раз «вытребовал», значит, кто-то пытается мне ножку подставить. Объяснил отцу, как все было. Следующий вопрос: «А не кажется ли тебе, что слишком бурно восхищаешься этой американской машиной?» Нет, говорю, не кажется. Разве нельзя сказать, что машина хороша, если она и в самом деле хороша? Что тут такого? Отец очень не любил, если ему вопросом на вопрос отвечали. Я это знал, но тут случайно вырвалось. По моему тону и по тому, как смело я разговаривал, отец понял, что я ни в чем не виноват. Он сам в то время еще ездил на «Паккарде», его ЗИС[70] только-только до ума доводился. «Если машина хорошая, то сказать можно», – согласился со мной отец. «Я завтра же верну машину Жукову!» – сказал я. Сегодня бы вернул, прямо сейчас, но разговаривали мы поздно ночью. «Не надо возвращать! – осадил меня отец. – Дали, так пользуйся. А то люди подумают, что ты считаешь этот автомобиль слишком плохим для себя». «Паккард» пришлось оставить. На «Паккардах» тогда не только отец ездил, а все члены Политбюро.

С «Паккардами» мне вообще не везло. В 1952 г. я приобрел в личную собственность «Паккард». Чин по чину, заплатил, оформил документы. На следствии одного из моих адъютантов заставили оговорить меня – сказать, что якобы эта машина приобреталась для автомотокоманды ВВС Московского округа, а я решил ее присвоить, потому что она мне очень понравилась. Я сразу вспомнил ту послевоенную историю. Похоже ведь. И не только марка автомобиля совпадает, но и общий дух. Душок. Гнилой душок лжи. Мое пребывание в Германии дало возможность врагам обвинить меня в присвоении трофейных ценностей. Выплыли откуда-то целые грузовики с добром. «Где все то, о чем вы говорите? – спросил я у следователя. – Если я присвоил все это барахло, то где оно? Дома? На даче?» На это следователь, как заправский фокусник, вытащил из папки новую бумажку. Протокол допроса, в котором рассказывалось, как я заставлял адъютантов и жену торговать незаконно полученным трофейным добром. Целое «трофейное дело» раздули! Но трофейное дело конца 40-х[71] было правдой, а не выдумкой, как в моем случае.

1 марта 1946 года мне было присвоено звание генерал-майора. Поскребышев по секрету рассказал, что меня добавил в список отец. Сам, своей рукой. Все так привыкли к тому, что отец меня вычеркивает, что и в списки включать перестали. «Поздравляю! Ты первый генерал в нашем роду! – сказал отец во

время телефонного разговора, который состоялся на следующий день. – Как говорили раньше: «Дай бог не последний». Я оценил шутку отца. Он никогда не был генералом. В 43-м году он стал маршалом, а в июне 45-го генералиссимусом. Когда я поздравил его с присвоением этого звания, отец недовольно сказал: «Зачем оно мне? Это Конев[72] с Рокоссовским[73] придумали, чтоб я был генералиссимусом. А Жданов предложил Москву в город Сталин переименовать. Как будто мало одного Сталинграда». Скромность отца – это не миф. Он на самом деле был очень скромным человеком. Все видели, как он одевался, многие помнят обстановку его кабинета и его дачи. Отец привык обходиться самым необходимым и от своих товарищей, и от нас, детей, требовал того же. Если кто-то из близких знакомых бывал уличен в пристрастии к роскоши, отец едко его высмеивал. Он мог одним словом пригвоздить так, что человек запоминал на всю жизнь. Если же тяга к роскоши принимала выраженный характер, переходила границы, следовало наказание, подчас весьма суровое. Трофейное дело – наглядный тому пример. Оно показало, что в Советском Союзе нет никого, для кого законы не писаны. Но отец никогда не требовал от других того, чего не делал сам. Это было для него невозможно – самому купаться в роскоши, а других призывать к скромности. Сейчас распускаются самые невероятные слухи об отце. В том числе и о каких-то немыслимо роскошных пирах, которые он якобы устраивал. На самом деле то были обычные банкеты, посвященные разным событиям. Праздничный стол, банкет же – это праздничный обед, но никакой немыслимой роскоши не было. Или роскошью считают то, что для того, чтобы сделать приятное иностранным гостям, готовили какое-нибудь их национальное блюдо? Но это же простая дань уважения, принятая во всем мире. Поляки, когда устраивали банкет, угощали нас пельменями. Немецкие товарищи – борщом. Нам было приятно.

Скромность отца сочеталась с человечностью. Есть у меня один способ определения душевных качеств человека. Вывел я его, наблюдая за людьми и сравнивая их реакцию на трагические события. Случись какое происшествие, одни интересуются только материальным ущербом, а другие непременно спросят о людях. Кто пострадал? Есть ли погибшие? Остались ли у них семьи? Многих интересует только одно – степень ущерба и когда будут ликвидированы последствия. Отец же всегда спрашивал о людях. Мне несколько раз приходилось докладывать ему в мирное время про то, что где-то разбился самолет. Казалось бы – что такое один самолет для товарища Сталина, который думает о судьбах миллионов? Но отец никогда не забывал о людях. Напоминал,

чтобы позаботились о семьях погибших, хоть и знал, что я не забуду, помогу непременно. «Человека не вернуть, но для тех, кто остался, надо сделать все возможное», – говорил он. Я тоже такой, как отец, людское горе воспринимаю как свое личное горе. Когда разбивался кто-то из моих летчиков, я ночами не спал, прикидывал, как можно было этого избежать. Ну и вообще старался помогать людям, чем мог. Говорю об этом без рисовки. Незачем мне рисоваться. Был такой случай, когда я командовал дивизией. Сотрудница из столовой пожаловалась на то, что ее дочка второй год не может поступить в Химико-технологический институт, срезается на экзаменах. Мать очень расстраивалась, говорила, что дочери приходится работать, готовится к поступлению она вечерами, видимо, недостаточно готовится. Это была семья летчика, геройски погибшего под Сталинградом. Фамилию я не указываю намеренно. Не хочу, что бы кто-то много лет спустя корил его дочь тем, что в институт ей помог поступить Василий Сталин. Рассказываю с другой целью. Я решил помочь женщине, которую знал с хорошей стороны и уважал. Позвонил в Москву, в горком, Попову[74], с которым был знаком, и попросил помочь дочери героя. Попов все устроил. Через несколько дней мне позвонил отец. Кто-то рассказал ему об этом, причем представили так, будто я оказываю «протекции» молодым девушкам. Ясно с какой целью. Я объяснил, почему решил помочь девушке, которую никогда не видел. Отец смягчился и сказал: «Товарищам из приемных комиссий надо обращать больше внимания на биографию абитуриентов. А то они привыкли только плохое выискивать, хорошего не замечают. Семье героя нужно оказывать особое внимание».

Ворошилов рассказывал мне, как при знакомстве (кажется, это было в 35-м) отец спросил у Чкалова[75], почему тот избегает пользоваться парашютом, а непременно старается посадить машину. У Чкалова на самом деле была такая привычка. Он ответил, что любой ценой пытается сберечь машину, поскольку летает на опытных образцах, существующих в единственном экземпляре. Отец на это заметил, что жизнь Чкалова дороже любой машины, и приказал ему при необходимости непременно пользоваться парашютом. Жаль, что Чкалов не прислушался к этому совету и продолжал поступать по-своему. Когда у него в декабре 38-го в полете вдруг заглох мотор, возможность прыгнуть и спастись была. Но Чкалов решил спланировать и разбился.

Служить в Германии было непросто. Приходилось строить все на пустом месте, каким была Германия после ожесточенных боев. Это вызывало ряд сложностей. Многого не хватало. Заключительный этап войны потребовал огромнейшего

напряжения не только от армии, но и от народного хозяйства. Все мы понимали, что врага надо добивать как можно скорее. Был риск, что союзники могли спеться с фашистами. Отец этот риск всегда учитывал и не доверял Рузвельту и Черчиллю так, как доверял товарищу Мао. Жизнь в очередной раз доказала его правоту. Не успела война закончиться, как американцы начали угрожать нам атомной бомбой. Про их секретные переговоры с фашистами в 45-м тоже известно. Потому мы торопились. Лозунг «Все для фронта, все для победы!» весной 45-го приобрел особое значение. Опять же, надо было кормить население освобожденных районов, устраивать там жизнь. Надо было строить военные городки, потому что мы пришли сюда надолго. Хозяйственный вопрос стоял с особой остротой. В его решении следовало учитывать много интересов. Случалось и поспорить. Если кто-то другой мог поспорить и забыть об этом, то со мной так не получалось. Стоило мне где-нибудь повысить голос или стукнуть кулаком по столу, как сразу шел слушок о моей «грубости». Не скрою, что я могу и накричать, и голос повысить, и кулаком по столу дать. Мародеров и трусов случалось и ударить. Сгоряча. Но я солдат, офицер, а не гимназистка. И вообще в армии суровые нравы. Некоторые генералы могли собственноручно застрелить подчиненных, не выполнивших приказ. Такое тоже бывало. Это армия. Это война. Любезничать не принято. Я был такой же, как и все, даже помягче других. Никогда не начинал с крайностей, доходил до них лишь в том случае, если меня не хотели понимать. Сталкивалось много интересов, ничего толком не было налажено. Все налаживалось и устраивалось на ходу. Не все люди оказались способными сразу же переключиться с военных требований на мирные. Четыре года воевали, не четыре месяца. Одним казалось, что раз война закончилась, так можно делать свое дело спустя рукава. Другие никак не желали понимать реалий мирного времени. Очень много проблем было с транспортом, потому что сразу же после Победы началась переброска людей и техники на восток, бить японцев. Я очень мечтал схватиться в воздухе с сынами микадо. Говорили, что среди них было много асов. Но не пришлось. А вот с американскими летчиками удалось познакомиться поближе, поговорить, правда, через переводчика, потому что иностранные языки даются мне плохо. Помню, как сильно удивил меня вопрос одного американского полковника, почему нашим летчикам запрещена вынужденная посадка. Насколько я понял, у американских летчиков было принято садиться на вынужденную по любому поводу, при самом незначительном повреждении. Я объяснил, что такого запрета нет, просто нашим летчикам стыдно

садиться с царапиной на фюзеляже. Американец на это сказал, что самолетов много, а жизнь одна. Я ответил, что с таким подходом в авиации делать нечего. Переводчик, как я понял, постарался смягчить мой ответ, но у американского полковника все равно вытянулась физиономия. Не спорю, жизнь летчика, да и вообще человеческая жизнь, ценнее машины. Но с мыслью о том, что жизнь одна, в бою делать нечего. Говорю это как специалист по этому вопросу. С такой мыслью долго не пролетаешь.

Мои поступки намеренно раздувались завистниками и прочими недоброжелателями. Чуть ли не до небес. Повышу на кого-то голос, начнут говорить, что я его избил. Ударю кулаком по столу, значит, устроил погром. Кто-то из штаба разнесет машиной шлагбаум, говорят, что за рулем был Василий Сталин. Можно было бы посмеяться над дураками, махнуть рукой, пускай брешут что хотят. Но почти по каждому поводу мне приходилось давать объяснения командующему 16-й воздушной армией генерал-полковнику Руденко[76]. Не могу сказать, что Руденко пристрастно ко мне относился. Все выглядело справедливо. Поступил сигнал, надо дать объяснения. Но мне казалось, что пора бы уже понять, чего стоят все эти сигналы. Педантичность, с которой Руденко все протоколировал, тоже вызывала удивление. На мой взгляд, проще было порвать лживый рапорт, чем требовать у меня письменных объяснений, подшивать все в папочку. Я объяснял это тем, что Руденко был аккуратист из аккуратистов. Не мог допустить, что он собирает материал на меня. Сам он ко мне никогда не придирался. «Как вы это объясните?.. Хорошо. Разберемся» Были ли проверки по каждой кляузе, я не знаю, но кое-что проверялось, опрашивались очевидцы и причастные лица. Последствий для меня никаких не было, потому что ни одна кляуза не подтверждалась. Однако от адъютанта начальника штаба ВВС маршала Фалалеева[77] я знал, что обо всех поступивших на меня сигналах Руденко докладывает в Москву. Однако, значения этому не придавал. Раз командующий армией считает, что обо всем, что со мной происходит, надо докладывать наверх, то так тому и быть. Предполагал, что на этот счет могло быть негласное распоряжение отца. В отношении Руденко меня некоторые товарищи предупреждали. Советовали быть настороже, потому что Руденко считал себя несправедливо обиженным в 1942 году, когда за самоуправство он был снят с командования ВВС Калининского фронта по распоряжению отца[78]. Но я считал, что никакой обиды тут быть не может. Поняв, что Руденко осознал свою ошибку, отец назначил его командующим авиационной группой Ставки[79] и в дальнейшем его карьере не препятствовал. Однако позже, уже будучи

командующим ВВС МО, я узнал, что Руденко пытался от меня избавиться. Делал он это крайне дипломатично – настойчиво рекомендовал меня на повышение в Главное управление ВВС. С учетом моей службы начальником инспекции продолжение службы в управлении выглядело обоснованным. Почему вижу здесь подвох? Потому что иначе Руденко сказал бы мне, что рекомендует меня в управление. Нет смысла скрывать такое. Сам я, когда собирался рекомендовать кого-то из подчиненных на повышение, говорил им об этом. Это идет на пользу делу. Видя, что его заметили и оценили, человек старается еще сильнее. А тут несколько однотипных характеристик с одной и той же рекомендацией – и молчок. Наводит на размышления. Могу предположить, что причиной стало мое обращение к отцу по поводу поставок армии дефектных истребителей Як-9[80]. Но я до этого делился своими мыслями с Руденко и его начальником штаба. Мои соображения не были встречены с должным вниманием. «Надо разобраться», – услышал я в ответ. Поняв, что Руденко этим заниматься не станет и хода делу не даст, я обратился к отцу. Тем более случай представился удобный – мы с отцом встретились в Потсдаме, и он сам стал расспрашивать меня про авиационные дела. Согласен, ни один командир не любит, когда подчиненный докладывает наверх через его голову. Но на это Руденко обижаться не мог. На это мог обижаться Новиков[81], которого я обошел, обратившись прямо к отцу. Но его я обошел намеренно, поскольку понимал, что так будет лучше.

Рекомендации Руденко остались без внимания[82]. В июле 46-го я был назначен командиром 1-го гвардейского истребительного авиационного корпуса. Ощущение было такое, будто я вернулся домой. Здесь я служил инспектором по технике пилотирования, командовал дивизией. Встретили меня, как родного. С первого же дня я с головой окунулся в дела. Первый этап обустройства на месте уже был пройден, но работы еще оставалось много. Во время одной из наших встреч отец сказал мне, что организаторские способности он ценит очень высоко. Выше может быть только преданность делу большевизма. «Руководить тем, что кто-то создал до тебя, не так уж и сложно. Самое сложное – организовывать самому», – были его слова. Я понял так, что назначение командующим корпуса – это мое испытание. Впервые в жизни мне доверили по-настоящему большое дело. Нельзя ударить в грязь лицом, надо показать, на что я способен. Отца волновало, хватает ли мне знаний. «Не думаешь пойти в академию?» – спросил он. Я ответил, что пока не думаю. Я прошел эту академию за время войны. Тем более что тогда мне были нужны другие знания, которыми я овладевал

самостоятельно. Надо было разбираться в строительстве, в марках бетона, в других хозяйственных вопросах. Помню, как удивилась Катя, когда увидела на моем столе учебник по архитектурным конструкциям. «Зачем тебе фундаменты? – спросила она. – Ты что, решил сменить профессию? Это из-за ноги?» Нога у меня часто побаливала, и Кате казалось, что виной тому мое легкомысленное отношение. Не берегу, мол, ногу, переутомляюсь, ношу неудобные сапоги. Я ответил, что речь идет не о смене профессии, а о приобретении еще одной. В этом я брал пример с отца. Отец считал, что надо разбираться в том, чем руководишь. Иначе как можно принимать решения и отдавать приказы? Сам он знал столько, что все удивлялись. А если вдруг чего-то не знал, то прежде, чем принимать решение, изучал вопрос досконально. Не стану ссылаться на других, хотя от многих людей слышал, насколько поражены они разносторонними и глубокими знаниями отца. Скажу от своего имени. Мне не раз приходилось обсуждать с отцом вопросы, касавшиеся авиации. Мы разговаривали на равных. Можно было подумать, что отец полжизни провел за штурвалом, а другую половину – в конструкторском бюро. С Артемом[83] он точно так же разговаривал об артиллерии. Отец во всем разбирался – от строительства электростанций до атомной бомбы. Но в то же время ему не была присуща самонадеянность. Все вопросы он обсуждал с товарищами, если было нужно, просил дать консультацию. Сейчас пытаются представить так, будто бы он во все вмешивался и всем руководил, не имея понятия о предмете. Это совсем не так. Пусть лгуны дадут себе труд вспомнить, сколько совещаний по самым разным вопросам проводил отец. Да, за ним, как за Главным, оставалось последнее слово. Но прежде, чем это последнее слово было сказано, отец узнавал мнение других. Его можно было переубедить. Отец прислушивался к возражениям, если доводы были вескими. Он не был самодуром, как это пытаются представить сейчас. Успехи, которых достиг Советский Союз под руководством отца, подтверждают, что отец был талантливым, знающим, опытным, предусмотрительным руководителем. Самодуром был Николай Второй, который довел страну до края пропасти. Самодуром был Троцкий[84], который едва страну туда не столкнул. Для отца не было ругательного слова хуже, чем «троцкист».

За всеми делами я старался выкроить время для развития спорта. Спорт очень важен, тем более для военных, тем более для летчиков. Он помогает поддерживать хорошую физическую форму, тем самым являясь частью боевой подготовки. Кроме того, спорт несет в массы соревновательный дух. В хорошем смысле

этого слова. Спорт побуждает к развитию и совершенствованию. Также он является хорошим способом проведения досуга. Лучше на стадионе посидеть, болея за любимую команду, чем торчать в душной пивной. Разве я мог тогда предположить, что мои старания по развитию спорта впоследствии будут названы «разбазариванием государственных средств на мероприятия, не имевшие необходимости для боевой подготовки подразделений»? Любовь к спорту я унаследовал от матери. Она очень любила физкультуру и спортивные игры, внушала нам с сестрой, что здоровый дух может быть только в здоровом теле, приучила делать зарядку. В Зубалове[85] мама устроила нам настоящую спортивную площадку, чтобы мы не отлынивали от занятий. Сама все придумала, сама начертила и следила за тем, чтобы все было сделано по ее плану. Каждый раз, думая о строительстве какого-нибудь спортивного объекта, я вспоминал нашу зубаловскую спортплощадку. Личный состав знал, что я сторонник занятий спортом, и старался соответствовать. От командира многое зависит. Не все, но многое. Люди двигаются в заданном тобой направлении. Я не только спортом занимался, я и учиться побуждал. Требование у меня было, чтобы все офицеры имели десять классов образования. Иначе нельзя. Авиация – передовой, технически сложный род войск. Неучам в авиации делать нечего. По этому поводу у меня был однажды разговор с Жуковым. Он поинтересовался, зачем я предъявляю к офицерам требования, не установленные ни инструкциями, ни приказами. Я объяснил свою точку зрения. Не надо, мол, кивать на войну – не успели. Война закончилась, будьте добры доучиться. А позже, уже в бытность командующим ВВС МО, я издал такой приказ.

В Германии я окончательно «созрел» как командир. Другого слова подобрать не могу. Переключился с военного режима на мирный, созидательный, набрался опыта, многому научился. С благодарностью и признательностью вспоминаю те годы. Это были годы окончательного взросления. Не надо понимать так, что до этого я считал себя мальчишкой. Все мальчишество было выбито из меня в первые же дни войны. Просто накопившийся опыт перерос в нечто новое, произошел скачок в моем развитии.

В 47-м я навсегда распрощался с Германией. Отбыл из Виттенберга[86] в Москву. Получил новое назначение.

Глава 6
Возвращение в Москву

Москва – мой родной город. Люблю Москву. Во время войны Москва сильно изменилась. Мало стало людей на улицах, маскировка изменила облик столицы, аэростаты в небе, кресты на окнах. После Победы я с огромной радостью наблюдал за тем, как Москва становилась прежней. Такой, какой я ее помнил. В каждый свой приезд, проезжая по знакомым улицам, я отмечал перемены. К моменту моего возвращения от военного облика уже ничего не осталось. Готовилась отмена карточной системы. В 1946 году это сделать не удалось из-за сильной засухи. Перенесли на 1947 год. Вместе с отменой карточной системы планировалось закрыть коммерческие магазины[87]. Отцу коммерческие магазины сильно не нравились. Я несколько раз слышал от него замечания насчет того, что это не по-советски. Открыть эти магазины уговорил Микоян, его идея была. Объяснялась их необходимость тем, что люди с высокими заработками должны иметь возможность купить себе что-то сверх карточной нормы. С одной стороны, верно, потому что это были наши советские люди, а не какие-то буржуи. С другой стороны, вся эта затея сильно напоминала о нэповских[88] временах и, по мнению отца, все же нарушала принципы социальной справедливости. «Получается, что деньги главнее порядка», – говорил отец. Под порядком он имел в виду карточную систему, нормы, которые государство установило для населения. Однажды я позволил себе сказать, что коммерческие рестораны можно было бы и оставить. Ресторан – это не магазин, а место, куда приходят культурно провести время. Почему бы людям со средствами не иметь возможность отдохнуть в более хороших условиях. «С этого все и начинается», – строго сказал отец. Дальше он свою мысль развивать не стал. Но я и так понял, что он хотел сказать. Сначала одно различие между людьми, потом другое, третье, а потом революция.

Новое назначение меня немного удивило. Я стал помощником командующего ВВС Московского военного округа генерал-лейтенанта Сбытова[89] по строевой части. Честно говоря, я считал себя способным на большее. И считал, что уже доказал это во время командования корпусом. У Сбытова в 57-й авиационной бригаде я когда-то начинал свою службу после окончания авиашколы. Правда, в то время я его совсем не знал, только видел издалека несколько раз. Теперь же представился случай познакомиться поближе. Сбытов произвел на меня

хорошее впечатление. Он был строгим, но, как говорится, «душевным». Любил пошутить, не был буквоедом, хорошо разбирался в людях. Дело свое тоже хорошо знал, иначе бы не командовал авиацией самого главного округа страны. Меня Сбытов встретил хорошо. После официального представления состоялось знакомство с руководством ВВС в узком кругу. Понаслышке я знал всех, потому что авиационный мир тесен. Как шутят летчики, все мы вышли из Качинской школы. Но лично был знаком с немногими. Мне сразу показалось, что обстановка в Московском округе приятная. Так оно и было. От обстановки, отношений между офицерами, отношения между ними и командующим зависит многое. В первую очередь – настроение, с которым служишь. В дружеской обстановке служить приятно. Мне казалось, что нигде уже я не встречу такого сердечного братства, какое было у нас в 32-м полку. Но в Московском округе было примерно то же самое. Приятная неожиданность. Мне почему-то казалось, что здесь будет как-то натянуто, чересчур формалистично. Столичный округ, как-никак. А оказалось иначе. Во время разговора с новыми сослуживцами зашла речь о генерале Жарове[90], начальнике заказов вооружения, арестованном по авиационному делу. «Жарова давно надо было расстрелять! Совсем зарвался. Какой запрос ни пошлешь, на все один ответ: «Не имеем возможности из-за отсутствия такового». Надо приехать лично, кланяться, просить, унижаться», – сказал Сбытов. Мне приходилось слышать, что Жарова не любили. Я не сталкивался с ним лично и думал, что нелюбовь к нему вызвана тем, что он не летчик, а интендант. Еще генерал-майором он считался интендантской службы, а генерал-лейтенанта уже получил в авиации. Интендантов нигде не любят. Это традиция. Принято считать, что все они ловчилы и хапуги. Хотя мне встречалось много порядочных интендантов. Не от должности зависит на самом деле, а от человека. Но, как оказалось, Жарова не любили не за его «происхождение», а за его характер. Все сошлись на том, что порядок в авиации давно надо было навести. Я без всякой задней мысли поинтересовался у Сбытова, почему он не доложил о замашках Жарова руководству. «Дурака свалял, – честно признался Сбытов. – Да и времени не было кляузы разводить – война». Мне это показалось немного странным. Доложить времени не было, а регулярно ездить к Жарову и кланяться время было. Но я промолчал, тем более что товарищи вспомнили о том, с каким трудом «выбивали» когда-то у Жарова механизмы дистанционного управления для «пешек»[91], с «пешек» перешли на «тушки»[92], а дальше зашел обычный спор между истребителями и бомбардировщиками. Беззлобный, но с

подковырками. Я шутил и смеялся вместе со всеми, а сам думал о том, что запросы, приходящие из войск, мало регистрировать в канцелярии. Надо еще и ставить на контроль. На настоящий контроль. То есть не просто проверять, не остался ли запрос без ответа, а смотреть, что именно ответили. Если отказали, то разобраться, почему отказали, правильно ли отказали. Может, даже отдельный учет отказов завести, чтобы никто никому не кланялся. Я понимал, почему приходилось кланяться. Знали, что интенданта от авиации прикрывает главком, вот и кланялись.

Когда я изложил отцу эти свои соображения, то удостоился похвалы. «Молодец, Василий, начинаешь мыслить как руководитель», – сказал отец. И на примере «авиационного дела» объяснил мне, как надо вскрывать такие гнойники. «Помнишь про гидру? – спросил отец. – Рубишь ей голову, а вместо нее три отрастает. Геракл их прижигал, но это долго. Правильнее рубить все головы разом, чтобы одна не успела помочь другой. Поэтому вместе с остальными я приказал арестовать и заведующих отделами Управления кадров ЦК. Иначе бы они начали вытягивать Шахурина и его шайку». Затем отец похвалил Яковлева[93]. «Вот настоящий советский человек! – с восхищением сказал он. – Человек, который любит свое дело, предан ему и не гонится за должностями. Верю, что он создаст нам много хороших самолетов!» Я дружил с Яковлевым и знал, что год назад он попросил освободить его от должности замминистра авиационной промышленности, потому что эта работа отвлекала его от конструирования новых самолетов[94]. Отец ценил людей дела. Но Яковлева он ценил не только за преданность делу, но и за его знания. Яковлев был его советником по всем техническим вопросам, касавшимся авиации.

Я не спрашивал отца, почему меня вдруг назначили помощником командующего по строевой части. Старался исполнять службу как следует, понимал, что отец продолжает ко мне присматриваться. Я догадывался, что прохожу проверку, потому что работа помощника по строевой части видна как на ладони. Сбытов дал мне неделю на то, чтобы освоиться, но я с первого же дня включился в работу, решив, что осваиваться стану в ходе дела.

Несколько раз мне звонил новый командир корпуса. Советовался, спрашивал моего мнения по разным вопросам. На пятый или шестой раз мне это надоело. Я в резкой форме напомнил ему, что теперь он командует корпусом и должен принимать все решения без оглядки на прежнего командира. Также я поинтересовался, не хочет ли новый командир намекнуть на то, что я не сдал ему корпус как положено? Звонки

прекратились, но доброхоты сразу же донесли Сбытову о том, что я кричал на кого-то по телефону матом. Сбытов попросил меня быть сдержаннее и намекнул на то, что сейчас я должен быть особенно осторожен в выражениях и поступках. Я спросил, почему именно сейчас? «Не исключено, что в скором времени вы займете мое место, но пока об этом не то что разговаривать, думать нельзя», – сказал Сбытов. Всему, мол, свое время. Я с удвоенной энергией взялся за дела. Если Сбытов сказал правду, то в грязь лицом ударить нельзя. Интересовался не только строевой частью, но и всей жизнью округа. Бывало, натыкался на непонимание. Некоторым товарищам казалось странным, что я «лезу не в свое дело». Не будь я сыном Сталина, они бы еще, чего доброго, решили, что я шпион.

На службе я пропадал дни и ночи. Кате очень не нравилось, что она меня совсем не видит. Ей почему-то казалось, что в Москве мы будем вести «светскую жизнь» – бывать в театрах, на приемах, в гостях. Нашего возвращения в Москву Катя ждала очень сильно. Я еще не знал, где буду служить дальше, а она уверенно говорила: «В Москве». Я шутил – а может, на Дальний Восток отправят или в Туркмению. Катя хмурилась и говорила, что на Дальний Восток она со мной не поедет. Я не обижался, думал что она говорит так, потому что беременна. Она тогда была беременна Светланой. Но потом понял, что беременность тут ни при чем. Катя была нацелена на возвращение в столицу. Другие варианты ее совершенно не устраивали. В Москве Катя принялась сожалеть о том, что мы не видимся с отцом. Захотела показать ему внуков, уговаривала меня приглашать его в гости, напрашивалась через меня на приглашение в Кунцево[95]. Я несколько раз объяснял ей, что у нас заведено иначе. Отец очень занятой человек. Он не приезжает в гости ни ко мне, ни к Светлане. У него можно бывать только с его разрешения или по его приглашению. С его разрешения – это по делу. Напрашиваться на приглашение не стоит. Бесполезно. Катя меня не понимала. Я приводил ей в пример ее отца, тоже очень занятого человека. Это не помогало. Катя была убеждена, что отца настраивала против нее мачеха. Дескать, если бы не она, то отец бы чаще виделся с Катей. С Катей вообще было тяжело. Она помнила все обиды, ничего не прощала. Вдобавок имела привычку придумывать обиды на пустом месте. Из-за одного слова могла сделать скандал. Ревновала меня, хоть я и не давал ей повода. Очень болезненно воспринимала, если я выпивал. На то у нее были свои причины, не связанные со мной. Узнав близко Катин характер, я старался вести себя так, чтобы не огорчать ее. Скажу честно, не всегда мне это удавалось. Если у Кати было плохое настроение,

то ей все белое казалось черным. Есть такие люди, которые при близком знакомстве сильно проигрывают. Катя оказалась из них. Вначале она произвела на меня хорошее впечатление, но с каждым месяцем совместной жизни оно все портилось и портилось. Отец Катю не любил, скажу прямо. К Гале он относился иначе. Спрашивал о ней, интересовался ее здоровьем, когда она болела. О Кате же он предпочитал не вспоминать. А когда узнал, что дочку по Катиному настоянию мы решили назвать Светланой, очень едко поинтересовался: «Это совпадение, или вы мне подражаете?». Намек был ясен – Катя занимается глупостями, а я иду у нее на поводу. Отец терпеть не мог, когда люди старались подчеркнуть свою близость к нему, угодничали перед ним. Он считал подобное поведение неискренним. Считал, что так ведут себя те, кто носит камень за пазухой. Часто приводил в пример Паукера[96]. «Каким верным казался Карл, тенью моей был, а когда я не назначил его вместо Ягоды[97], сразу же переметнулся к троцкистам». Окончательно мнение отца о Кате испортилось, когда она 21 декабря позвонила отцу и настойчиво добивалась того, чтобы его с ней соединили. «Вы что, не поняли, кто с вами разговаривает?! Это Екатерина Семеновна, невестка товарища Сталина! Я хочу лично поздравить его с днем рождения! Понимаете – лично?!» Поскребышев мне передал свой разговор с ней слово в слово. Я не знал, куда деться от стыда. Вернувшись домой, сурово отчитал Катю, но она меня не поняла. Снова, как и в случае с отцом и мачехой, решила, что ее «обижают», «унижают», что с ней не считаются. Началась форменная истерика. Несмотря на позднее время, Катя бросилась собирать вещи, стучать чемоданами. Устроила переполох, а потом упала на кровать и разрыдалась так громко и страшно, что пришлось вызвать врача. А утром вела себя так, будто это я ее обидел, а не она меня подвела. Ходила насупленная, отворачивалась, молчала. И с этого дня все у нас стало окончательно нехорошо. Я завидовал товарищам, которых дома встречали теплом и лаской. У меня было такое чувство, будто меня на пороге обливали ледяной водой. Домой возвращаться не хотелось. Ночевки в кабинете стали привычным делом. Потом я и вовсе переехал на Гоголевский бульвар[98]. Рождение сына Василия не укрепило наш брак. Когда мы выбирали имя для сына, я передал Кате слова отца, сказанные по поводу подражательства. Но она заявила, что подражать никому не собирается, что ей нравится имя Василий и сын похож на меня как две капли воды. «Я все равно стану звать его Василием! – упрямилась она. – Хоть как назови, а для меня он Васька!» Пришлось согласиться. То была моя последняя уступка Кате. Можно сказать, что

прощальная. Но это случилось позже, а в 47-м еще была надежда, что у нас с Катей все наладится. Слабая, но была. Я не был чересчур привередливым в этих делах. Мне хотелось немногого. Чтобы был дом, уют, тепло, ласка. Обычные человеческие желания. Особенно начинаешь ценить все это после того, как побываешь в тюрьме. Ничего особенного я не требовал, но Катя и этого мне дать не могла. К моему огромному сожалению. Однажды зашел у меня разговор по душам с Артемом. Мы с ним теперь виделись редко, но когда уж встречались, говорили подолгу обо всем, что нас волновало. Я воспринимал Артема как брата. То, что он был не родным сыном отца, а приемным, ничего не меняло. Мы выросли вместе, дружили с детства, доверяли друг другу. Отец очень любил Артема, ставил мне его в пример. «Вот Артем молодец, академию окончил», – говорил он. Мне в академию не хотелось. Я отшучивался тем, что отец сам никаких академий не заканчивал. Иногда, под хорошее настроение, моя шутка проходила, но случалось и так, что отец хмурился и начинал рассказывать о подпольной работе. Рассказывал он скупо, без рисовки. Больше не о себе самом рассказывал, а о товарищах – Камо[99], Вано[100], Саше Цулукидзе[101], Ладо[102] и других. Но вернемся к нашему разговору с Артемом. Выслушав мой рассказ про невеселое семейное житье, Артем помолчал, он всегда немного молчал перед тем, как сказать что-то важное, привычка такая, а затем сказал: «Знаешь, Васька, мне кажется, что Катя выходила замуж не за тебя, а за сына товарища Сталина». Не только мне, но и другим людям это было ясно. Катя действительно выходила замуж за сына товарища Сталина. Обида на отца и мачеху грызла ее. Ей хотелось их превзойти, переплюнуть, стать выше их. И тут в Сочи ей подвернулся я. Я не мог предполагать тогда, что Катя относится ко мне вот так. Напротив, думал, что дочери маршала нужен именно я, а не какие-то выгоды. Выгод у нее и со стороны отца было предостаточно. Дочь маршала, причем одного из самых видных наших маршалов. Вот так я думал, но оказалось, что я ошибался. Я жалел Катю, ей в жизни крепко досталось. Сначала ее воспитывал отчим, к которому ушла от Катиного отца ее мать. В семью отца Катя попала, когда ей было четырнадцать или около того. Получила мачеху и брата с сестрой. Трудно к ним привыкала. Кажется, так и не привыкла, только с отцом у нее немного наладились отношения. Но Катя не могла простить отцу того, что он заставлял ее указывать в анкетах вместо родной матери мачеху. Так был обижен на первую жену за ее измену[103]. Житейские невзгоды одних людей делают добрее, а других ожесточают. Катя относилась к последним. Саше и Наде[104] с

Катей было нелегко. Катя была с ними строга до невозможности. Разумеется, дети ее не любили, хоть и делали вид, что любят, чтобы не огорчать меня. Атмосферу дома Катя создала тяжелую. Для всех, в том числе и для нее самой. Не думаю, что она поступала так нарочно. Просто у нее не получалось иначе. Иначе она не могла. Может, все это было оттого, что Катя ничем не интересовалась и не увлекалась по-настоящему. Не было у нее дела, которое бы могло стать смыслом ее жизни. Как для меня авиация. Ничто ее особо не интересовало, а жаль. «Когда неярко в сердце горит, много сажи в нем накопляется», – писал Горький. Эти слова можно отнести к Кате. Охрана и горничные прозвали ее «Царевной Несмеяной». Очень меткое было прозвище. Катя и впрямь вела себя, как царевна, и никогда не смеялась. Разве что в первый месяц нашего знакомства я слышал ее смех. А потом могла только чуть дрогнуть губами. Это у нее означало улыбку. А если еще и кашлянет при этом – то заливистый смех. Вроде хотел поведать, что на сердце лежало, а вышло так, будто жалуюсь на Катю. Не жалуюсь. Не обвиняю. Где-то в глубине души люблю ее до сих пор. Как и Галю. Я всех своих жен люблю. Каждая из них когда-то была для меня радостью, праздником. Не их вина в том, что праздник длился недолго. Не важно. Важно то, что праздник был в моей жизни. В нашей жизни.

Отдавая все силы работе, я особенно увлекся развитием спорта. Мне это по должности было положено. Помощник по строевой части отвечает за развитие спорта и физподготовки среди личного состава. В военное время на спорт особо внимания не обращали. Считали, что все силы должны быть отданы победе над врагом. С армии у нас все берут пример. После войны брали особенно, потому что тогда армия была всем. Я не ставил своей целью узкую задачу развития спортивного движения в рамках ВВС Московского округа. Я смотрел шире. Хотел дать толчок развитию спорта во всем Советском Союзе. Заодно побуждал к достижениям личный состав, улучшал физподготовку, внушал людям чувство гордости за родной округ. Чувство гордости многогранно. Оно складывается из многих факторов. В том числе и из победы на соревнованиях «своей» команды или «своего» спортсмена. С радостью вспоминаю до сих пор, как болели ребята за наших футболистов! А сколько было от этого пользы! Приедет Толя Акимов[105] в какую-нибудь отстающую часть, выступит там, а спустя месяц-другой у части показатели резко пойдут в гору. Тоже ведь способ воспитания личного состава. Толя любил рассказать о своих достижениях, а потом сказать: «А теперь вы своими достижениями похвастайтесь, не все же мне одному соловьем заливаться». Если хвастаться было нечем, людям

становилось стыдно. Я давно, еще в бытность свою инспектором, понял, что стыд – очень сильная струнка. Надо только правильно за нее задеть. Пристыдить так, чтобы она там в душе тренькала беспокойно. Чтобы человек задумался и сделал выводы. Иной раз лучше не отчитать, а пристыдить. Не учить, что надо делать, а только показать направление. Самые крепкие выводы те, к которым человек сам приходит.

Как мы болели! Как сильно мы радовались успехам наших спортсменов! А как мы все переживали, когда 5 января 50-го в небе над Свердловском потерпел аварию самолет Ли-2 с нашими хоккеистами на борту! Мы потеряли таких игроков, как Юра Тарасов, Ваня Новиков, Юра Жибуртович и других, всего одиннадцать наших хоккеистов погибло. Плюс врач, массажист и шесть членов экипажа. Люди летели в Челябинск на матч всесоюзного первенства, но не долетели. Командир решил садиться в Свердловске. Самолет направляли с земли, но из-за технической накладки произошла трагедия. Метель погубила не один самолет. Плохая видимость хуже вражеских зениток. Самолет разбился при посадке. Узнав про эту аварию, я сразу же вспомнил Ваню Клещева, разбившегося в декабре 42-го под Тамбовом. Схожие обстоятельства. Мне тоже случалось летать в метель. Вел самолет, руководствуясь каким-то внутренним чувством. Это даже не интуиция, а какое-то звериное чутье. Сам того не ведая, я спас Витю Шувалова[106]. Витя из Челябинска, я подумал, что челябинцы не забыли еще ему перехода в ВВС. В спорте переход из одной команды в другую считается чуть ли не предательством, хотя надо понимать, что предательством тут и не пахнет. Все команды советские, какое может быть предательство? Но у болельщиков свои представления. Я решил, что Шувалову не стоит лететь в Челябинск. Беспокоился, что отношение к нему могло перекинуться на всю команду ВВС. Шувалов не полетел и остался жив.

Спорт – сложная штука. Может, кому-то и кажется, что в спорте все просто, но на самом деле это не так. Нет ничего простого, если серьезно занимаешься делом. Опять же, повсюду натыкаешься на личный фактор. К примеру, если захочешь заполучить толкового, дельного врача, который, кроме того, еще и спортивный энтузиаст, то будь готов общаться по этому поводу с командующим округом. Пока не проявишь интереса, о заместителе начмеда никто и не вспомнит. Но стоит только просочиться сведениям, что его хотят забрать в Москву, как все заартачатся[107]. До войны в советском спорте было два главных соперника – динамовцы и армейцы. «Спартак», «Локомотив», не говоря уже о «Воднике», не могли составить им конкуренцию.

Армия у нас большая, и одного спортивного клуба для нее мало. Я считал, что спорт надо развивать не только в рамках видов войск, но и в округах. До войны всесоюзные секции[108] больше гнались за массовостью, чем за результатом. Хотя в 37-м в Антверпене[109] наши спортсмены выступили достойно. После войны отношение к спорту изменилось на государственном уровне. Советским спортсменам была поставлена задача выйти на международную спортивную арену и подтвердить преимущество социализма над капитализмом своими достижениями. В спорте стал важен результат. Результат важен не только с политической стороны. Результат побуждает других превзойти его. Результат способствует развитию спорта. В 48-м, перед самым Новым годом, советские спортсмены получили подарок от ЦК. Вышло постановление о спорте[110], в котором было сказано, что спорт дело государственное, надо развивать его активнее, надо обеспечить завоевание советскими спортсменами в ближайшие годы мирового первенства по важнейшим видам спорта. Это постановление оказалось очень своевременным. Советскому спорту был дан мощный толчок. Все, в том числе и я, с удвоенной энергией взялись развивать наш советский спорт. На момент выхода постановления я уже был командующим ВВС Московского округа. А начинал спортивную работу я еще помощником командующего. Очень активно начинал. Скажу честно, что не всегда и не у всех мои инициативы встречали понимание. Даже от руководителей высокого ранга порой приходилось слышать, что сначала мы восстановим народное хозяйство, а потом уже будем заниматься спортом. Развитие спорта невозможно без строительства спортивных объектов, а этого почему-то многие не понимали. Относились к спорту с обескураживающей простотой. Зачем строить еще один стадион? Разве мало в Москве стадионов? Зачем нужно создавать «особые условия»? На плацу тоже можно бегать и прыгать. И так далее. Все это были отговорки, потому что ни строительных материалов, ни рабочих рук, ни техники в то время не хватало. Разрушенное войной восстанавливалось гигантскими темпами, много нового строилось. Задачу четвертой пятилетки[111] отец сформулировал предельно ясно – восстановить и превзойти[112]. Очень часто для решения незначительных вопросов требовалось мое вмешательство.

Потом меня обвинили в том, что вместо того, чтобы заниматься своими непосредственными обязанностями, я в целях популяризации своего имени и создания себе мнимого авторитета, занимался строительством различного рода спортивных сооружений, нарушая при этом финансовую

дисциплину и нанося вред народному хозяйству. Что ни слово, то ложь. Разве спортивно-массовая работа не относилась к числу моих обязанностей? Что за «популяризация своего имени»? Какая чушь! Они бы еще написали, что я свою фамилию «популяризировал»! Когда я слышал, в чем меня обвиняют, то часто вспоминал слова Берии, сказанные про Ягоду и Ежова[113]: «При Ягоде следователи думали, что в протокол писать, а Ежов их думать отучил, при нем эти протоколы никем не читались». Интересно, читались ли кем-то протоколы моих допросов? Или же организаторов этого фарса интересовал только приговор? Скорее всего, только приговор и интересовал. «Скажи спасибо, что не расстреляли», – сказал мне Хрущев. Он считает, что я ему должен быть благодарен. За что? За семь лет, проведенных в заключении? Или за поругание памяти отца? Я прекрасно понимаю причину такого отношения Хрущева к отцу. Помимо желания возвыситься над отцом, как-то превзойти его хотя бы и после смерти, Хрущев мстит мне за своего сына[114]. Еще при жизни отца он сказал мне с обидой, что его сын погиб, потому что его не прикрывали в небе эскадрильи. Я видел, что Хрущев искренне переживает гибель своего сына, поэтому посоветовал ему думать о том, что он говорит, и не говорить глупости. Отцу об этом инциденте я рассказывать не стал, пожалел Хрущева, но вместо благодарности заслужил ненависть. Как только представилась возможность, Хрущев отыгрался на мне, ни в чем не виновном человеке. Вряд ли кто-то сочтет это правильным, сочтет оправданным. Постоянно возвращаюсь мысленно к тому, как мой отец, умевший так хорошо разбираться в людях, мог держать около себя не одного, а нескольких предателей. Пытаюсь объяснить себе это, и в записках своих тоже пытался. Умом понимаю, что такое было возможно, потому что так оно и было. Но в то же время недоумеваю – как, почему? Самому мне никогда не нравились ни Хрущев, ни Булганин, ни Маленков, ни Вознесенский[115], ни Каганович. Хрущев и Булганин отталкивали своим чрезмерным угодничеством. Когда-то они спешили поздороваться со мной первыми, наперебой говорили любезности, поддакивали. Мне не нравятся угодливые люди, я не выношу подхалимства. Маленков, наоборот, был слишком чванным. Ходил, задрав нос, смотрел на всех свысока, только с отцом вел себя как младший товарищ со старшим. На меня смотрел волком. Чувствовалось, что он не может простить мне того, что я обратил внимание отца на поставку в армию самолетов с дефектами. Вознесенский до той поры, пока его не разоблачили, тоже смотрел на всех свысока и частенько срывался на грубости. Однажды на меня попробовал сорваться, но получил отпор. В общении с Кагановичем сразу

чувствовалось, что говорит он совсем не то, что думает. В последние годы жизни отец доверял Кагановичу все меньше и меньше. Кроме того, Каганович любил говорить за глаза гадости. «Лазарь снова всех измазал», – говорил Ворошилов, когда Каганович в очередной раз лил на кого-то грязь. К его мнению не прислушивались, но он все равно продолжал гнуть свою линию. Меня после смерти отца начали упрекать в том, что я, дескать, жил слишком роскошно, на широкую ногу, хотя мне было далеко до дочери Кагановича[116]. Хорошее впечатление производили Молотов и Ворошилов с Микояном. Микоян к тому же был отцом моего товарища, летчика Серго Микояна. К остальным членам Политбюро я относился нейтрально, не задумываясь о том, что они за люди. Раз уж отец доверяет им, то, значит, они этого достойны. Относительно некоторых было ясно, что они занимают свое место лишь потому, что не нашлось более подходящей кандидатуры, но от таких отец старался избавиться. Он не любил плохо организованных людей. Сам был организованным и считал организованность одним из главных достоинств человека. Помню, как сказал отец, встречая челюскинцев[117]: «Вы показали себя храбрыми, но одной храбрости мало, храбрости нужно добавить организованность. Соединение храбрости и организованности делает нас непобедимыми». Из-за организованности, к слову будь сказано, отец выдвигал на руководящие посты Маленкова. В организованности Маленкову нельзя было отказать, что правда, то правда. В том, как обстоятельно было сфабриковано мое дело, чувствовалась его рука.

В 47-м году спортивные дела в ВВС обстояли не лучшим образом. Говорю об этом не для того, чтобы набить цену тому, что я сделал. Просто констатирую факт. Спорт в ВВС был, если так можно выразиться, в загоне. Толком никто им не занимался. Какое-то внимание обращали на футбольную команду. Только футболисты и напоминали всей стране о том, что в ВВС есть спортивные команды и, вообще, спортсмены. Но и футболисты наши были не в первых рядах. Это я еще мягко выразился. Среди команд высшей лиги желто-голубые[118] шли последними. Ладно, хоть в первую группу выбились, ведь до этого два года играли во второй. Тогда, разумеется, никто не мог подумать, что через шесть лет команда будет расформирована, не просуществовав и десяти лет. И я тоже так не думал. Я думал о том, что команду, как и весь спорт в военной авиации, нужно поднять на высокий уровень. Хочешь подтянуть разболтавшуюся часть – первым делом смени командира. Снял Тарасова[119], поставил вместо него Капелькина[120]. Тарасов – хороший спортсмен, но нрав у него очень крутой, а дисциплины при этом в команде не было

никакой. Такой вот парадокс. В мае 47-го в Сталинграде во время матча с местным «Трактором» на поле вспыхнула драка. Зачинщиками были наши футболисты, поэтому нам засчитали поражение при счете 2:2. Тарасов получил строгий выговор по партийной линии. За дело получил. Первым зачинщиком был он сам[121]. Мне такой тренер был не нужен. Проигрыш тбилисским динамовцам с позорным счетом стал последней каплей. Было ясно, что надо принимать меры. Сережа Капелькин подходил на тренерскую должность лучше остальных кандидатур. Сережа прекрасный футболист, хороший футбольный стратег, дисциплинированный человек, характер спокойный. Ребята его уважали. Тренера, как и любого командира, должны уважать, а не бояться. Страх – всему помеха. Страх парализует, лишает инициативы. Замена тренера была всего лишь первым шагом. Но далеко не последним. Я доверял Капелькину, надеялся на него, но не стал перекладывать на него все заботы о команде. Потом еще напишу о том, что я сделал и как мне мои дела впоследствии припомнили на следствии, вывернув все наизнанку. Основной вклад в развитие спорта в ВВС я внес, когда стал командующим. У командующего больше возможностей, чем у помощника по строевой части. И я этими возможностями активно пользовался. На общее благо, а не ради того, чтобы потешить свое самолюбие. Самолюбие тешат ничтожества, а я себя ничтожеством не считаю.

Придет время, и меня обвинят в создании штатных спортивных команд ВВС. Обвинят! Что плохого в штатной спортивной команде, защищающей честь авиации? И, если уж на то пошло, то при чем здесь я, если решение о создании в армии штатных спортивных команд принимал начальник Генштаба генерал армии Штеменко?[122] Вскоре после смерти отца штатные спортивные команды сократили под видом сокращения Вооруженных сил, хотя их-то как раз можно и нужно было оставить. А на меня потом «повесили» около сотни вылетов, которые совершили мои летчики, перевозя спортсменов на соревнования и сборы. Советские летчики перевозят советских спортсменов на советские соревнования – и это считается нарушением? Шуму вокруг этого было поднято больше, чем вокруг «трофейного дела».

В январе 48-го генерала Сбытова направили на учебу в Академию Генерального штаба. После учебы в Академии он был назначен начальником кафедры ВВС Бронетанковой академии[123]. После войны, с учетом всех ее ошибок, подготовке офицерских кадров уделялось огромное внимание, и на преподавательскую работу старались направлять специалистов, хорошо знающих свое дело и имеющих большой, разносторонний

командирский опыт. Сбытов был не только хорошим командиром, но и прекрасным наставником. Он не просто командовал нами, а старался способствовать нашему развитию. Многое объяснял, советовал что-то прочесть, устраивал лекции и семинары. Став командующим, я брал пример в первую очередь со Сбытова.

Меня назначили временно исполняющим обязанности командующего ВВС МО. Назначение оказалось для меня неожиданным. Я расценивал его не как очередную высоту в своей карьере (карьера, как таковая, никогда меня не интересовала), а как показатель проявленного ко мне доверия. Любое свое назначение я расценивал именно так. А это особенно. По двум причинам. Во-первых, должность была очень ответственной. Во-вторых, я был назначен временно исполнять обязанности. И неизвестно было, останусь ли я на этой должности. «Надо посмотреть, на что ты годишься», – сказал мне отец.

Глава 7
Капитолина

Моей последней, третьей по счету, жене Капитолине[124] я хочу отвести целую главу в моих записках. После отца и матери Капитолина стала самым дорогим мне человеком. Так вот получилось, что найти женщину, ставшую для меня всем, ставшую мне настоящей верной подругой, мне удалось только с третьей попытки. Три попытки, совсем как в сказках. В детстве я очень любил слушать сказки, которые рассказывала мама. Когда подрос стал стесняться этого. А зря. Сейчас бы с удовольствием послушал бы, да некому рассказывать.

«Что это гражданка Васильева к вам на свидания ездит? – удивлялись во Владимирской тюрьме. – Вы даже не расписаны». Но свидания разрешали. Капитолина приезжала ко мне регулярно. Вообще-то, во Владимирской тюрьме свидания заключенным не разрешают, но для меня делали исключение. Но все свидания проходили в присутствии сотрудников, и передачи, которые привозила мне Капа, только что сквозь сито не просеивали. Боялись, что она будет передавать мне какие-то письма. Чьи именно письма, я так и не понял. Но вся бумага, в которую были завернуты продукты, отбиралась. Продукты заворачивали в другую бумагу, а ту уносили. Не иначе как гладили утюгом, подозревая, что мне пишут что-то молоком. Сало, которое привозила Капа, подолгу тыкали иглой. Я поначалу удивлялся. Что с того, если бы кто-то с воли написал мне что-то тайком. Потом сообразил, что среди моих врагов нет единства. Каждый из них сам за себя, и каждый боится, что «товарищ» (здесь намеренно беру это слово в кавычки) подставит ему подножку. Например – уговорит меня очернить соперника. Потому так и следили. Чехарда, которая последовала после моего ареста – скорый расстрел Берии, разоблачение группы Молотова – Маленкова – Кагановича, игры с Жуковым, которого Хрущев терпел, пока тот был нужен, вся эта чехарда доказывает мою правоту. Никакого единства в нынешнем Президиуме нет. Клубок змей, лучше названия и не подобрать.

Доходили до меня слухи о том, что Капитолина поспешила бросить меня, узнав, что отец серьезно болен и скоро умрет. За неделю до его смерти ушла от меня. Это неправда. Во-первых, до тех пор, как отцу не дали яд, никто не мог подумать о его скорой кончине. Да, отец был уже не молод, он болел и в 53-м выглядел не так, как в 45-м. Года берут свое, но никто не ожидал, что это

случится так скоро. Но после того, как отец снял меня с командования округом, я крепко задумался. Предчувствия у меня были нехорошие. Особенно они усилились после того, как от отца убрали Поскребышева. То есть вынудили отца его убрать, подстроив «пропажу» документов. Я чувствовал, что все идет не так. Порой мне казалось, что я вообще не понимаю, что происходит. Иногда я склонялся к мнению, что отец пытается усыпить бдительность врагов. Иногда я готов был отчаяться. Несколько попыток завести откровенный разговор пресекались отцом. Да и не обо всем у нас было принято говорить. Были вещи, которые товарищу Сталину с командующим ВВС Московского округа обсуждать не полагалось. На душе было неспокойно, и я на всякий случай решил обезопасить Капитолину и детей. С нами жили Саша с Надей и Лина, дочь Капитолины от ее бывшего мужа. Лину я удочерил, стала она Васильевна. Саша в то время, можно сказать, с нами не жил, потому что учился в суворовском училище в Калинине[125] и домой приезжал редко. Капитолина, в отличие от Кати, прекрасно поладила с Сашей и Надей. Чувствовалось, что она их искренне любит, и они к ней тоже относились так же. В самом начале нашего знакомства она удивилась, как Галя могла оставить детей со мной. Но я сказал, что так для всех будет лучше, и об этом мы больше не говорили. Я решил, что для Капы с детьми будет лучше, если мы сделаем вид, что расстались. Пусть она съедет с Гоголевского, и некоторое время мы поживем так. Квартиру в Чапаевском переулке ей дал по моей просьбе Яснов[126], председатель Моссовета. По воле случая, эта квартира оказалась рядом с парком, в котором так и не был построен спортивный центр ВВС. Капитолина поняла меня, и мы притворились, что «расстались». Не люблю притворяться, но иногда приходится. Через неделю умер отец. Последующие события подтвердили, что предосторожность моя оказалась не напрасной. Я поначалу даже был против того, чтобы Капитолина приезжала ко мне на свидания. Считал, что незачем нам показывать нашу близость. Мало ли что. Но она со мной не согласилась и сумела меня переубедить. Главный ее довод был такой – хотели бы, где угодно ее с детьми достали. Я не рассказывал Капитолине, чего наслушался во время следствия, чтобы не волновать ее. Обошлось, и хорошо. По-человечески мне было приятно, когда ко мне приезжали на свидания. Передачи меня особо не интересовали, потому что во Владимирской тюрьме кормили хорошо. Без разносолов, но сытно. Главное – пообщаться с человеком с воли, знать, что о тебе помнят, узнать новости.

Отцу Капитолина понравилась. Это я понял сразу же, когда

познакомил ее с отцом. Для отца личное мнение, которое он составлял о человеке, было важнее того, что ему про этого человека рассказывали. Но в случае с Капитолиной и впечатление было хорошим, и до клады ват и отцу про нее хорошо. Капитолина – простая девушка, далекая от тех кругов, в которых вращались Галя и Катя. Ее биография, ее спортивные достижения вызывали и продолжают вызывать уважение. Кроме того, она умеет сразу же расположить к себе. У нее приветливая улыбка, добрый взгляд. Недаром же Саша и Надя хорошо ее приняли. Держалась Капитолина просто, естественно. Для отца было очень важно то, что она никогда не пыталась навязывать ему свое общество. Во время встреч держалась скромно, никогда нигде не козыряла принадлежностью к нашей семье. Первый муж Капитолины был армянин. Жили они в Ереване, там Капитолина выступала за «Динамо». Там же она познакомилась с кавказскими традициями и порядками. Сама почти не пила, но могла тост красивый сказать. Отцу и это нравилось, он говорил про нее: «Наш человек». И когда представлял ее товарищам, то говорил: «Это Капитолина, моя невестка». Отца с Капитолиной я познакомил не сразу, мы уже довольно долгое время жили вместе, когда приехали к отцу на сухумскую дачу. «Зачем ты так долго ее от меня прятал?» – удивился отец, намекая на то, что был бы рад познакомиться с Капитолиной и раньше. То, что Капитолина была немного старше меня, и то, что у нее был ребенок от первого мужа, никакого значения для нас не имело. Нам было хорошо вместе.

Свел нас спорт. Сначала я узнал, что есть такая пловчиха Васильева, которая плавает как рыба. Я потом еще называл Капу «моей золотой рыбкой». Захотел на нее посмотреть. С дальним умыслом захотел, потому что старался примечать хороших спортсменов. А тут еще «свой» человек – сотрудник Военно-воздушной академии. Увидел и влюбился. Капа такая, что в нее с первого взгляда влюбляешься. Я ей тоже понравился, и мы сразу поняли, что судьба свела нас не просто так. Я материалист, но верю, что есть какие-то не то чтобы предопределенности, а незримые пути, дороги, которые сводят людей вместе или же разводят навсегда. «Твое от тебя не уйдет», – гласит грузинская пословица, вариант русской «Чему бывать, того не миновать».

Я уговорил Капу перейти на тренерскую работу. Напирал на то, что личных достижений у нее хватает. Сколько рекордов установила, сколько соревнований выиграла – пора бы и опытом делиться. Она согласилась, но с условием, что продолжит участвовать в соревнованиях. На том и порешили. Капитолина – человек ответственный. Все, за что берется, делает добросовестно.

Получилось так, что тренерская работа стала отнимать у нее все больше сил и времени. На себя почти ничего не оставалось. Поэтому Капитолина не смогла принять участие в Олимпиаде в Хельсинки в 52-м[127]. Она мечтала об этом со времени нашего знакомства. О том, что Советский Союз начнет участвовать в Олимпийских играх, говорили уже с 48-го года, когда в Лондон[128], на разведку, отправилась делегация, которую возглавили Ревенко[129] и Бакланов[130]. Вернулась делегация с хорошими новостями. Еще не было создано нашего Олимпийского комитета, а спортсменам уже была дана установка тренироваться с прицелом на Олимпиаду. Я был хорошо знаком с заместителем председателя Спорткомитета Костей Андриановым[131], которого поставили руководить Олимпийским комитетом. До войны Костя руководил Московским спорткомитетом. На этом посту он успел многое сделать. Можно сказать, что совершил спортивную революцию в столице. Мы дружили. Когда требовалось, Костя помогал мне советом. По части спорта опыт у него был большой и разносторонний. Я брал пример с отца. Окружал себя толковыми людьми, хорошими специалистами и ценными советчиками. Костя был одним из таких. И характер у него был «спортивный», свойский, открытый. Я мог бы попросить Костю включить Капитолину в состав нашей делегации. Делегация в Хельсинки поехала огромная, около тысячи человек. Принять участие у Капы не получилось, так пусть хоть побывает, посмотрит. Для опыта, как тренеру, ей бы это очень пригодилось. А Костя мне бы не отказал. Хотел попросить, но потом передумал. Сообразил, что ничего хорошего из этой поездки для Капитолины не выйдет. Одно расстройство. Горько смотреть, как другие делают то, о чем мечтал ты сам. Тогда я просто сообразил, а сейчас испытал на своей шкуре. Когда в небе над моей головой пролетают самолеты, то у меня слезы на глаза наворачиваются. Когда мы ссорились (с кем не бывает), Капа могла упрекнуть меня в том, что я оборвал ее спортивную карьеру. Ссорились мы редко, недолго, и после ссоры скоро мирились. Так скоро, что непонятно было, зачем ссорились. С Капой мне было лучше и легче, нежели с Катей. Капа отходчива, плохое забывает, помнит только хорошее. На все плохое у нее один ответ: «Ну и пусть!» Трудностей она не боится и вообще очень сильная женщина. Не могу ответить, чего у меня к ней больше – любви или уважения.

Я ни от кого не скрывал своего отношения к Капе, и этим не преминули воспользоваться. Чем дольше я живу, тем чаще вспоминаю слова отца, сказанные мне в детстве, когда я напроказничал в школе: «Помни, Василий, ты – Сталин, с тебя

спрос особый». Да, особый. Как в хорошем, так и в плохом смысле. Когда в Марфино[132] вокруг пруда установили скульптуры спортсменок, кто-то углядел в них сходство с Капитолиной, и пошли разговоры о том, что я наставил ей «памятников». Сходства на самом деле не было никакого, и я не знаю, кто служил моделью скульптору. Знаю точно, что это была не Капа. Про Марфино всегда ходили какие-то слухи. То говорили, что я на самом деле строю там свою «резиденцию». Спутали меня с кем-то, потому что «резиденций» у меня никогда не было. Да и кто бы мне позволил устроить «резиденцию» в несколько гектаров, с парком и прудом? То рассказывали о каких-то невероятных оргиях, которые я со своими адъютантами устраивал там. Кляузники совсем не учитывали того, что в набитом людьми профилактории оргию при всем желании устроить невозможно. Тут же станет всем известно. Но кляузникам было не до логики. Главное, сказать гадость, пустить подленький слушок. Уж очень многие не могли простить мне того, что я отвоевал для ВВС такой «лакомый кусок», как Марфино. Кто только на него не зарился, начиная с управделами ЦК Крупина[133] и заканчивая адмиралом Юмашевым[134]. Я был настойчив, и у меня был козырь. Летному составу положен регулярный отдых в профилактории? Вот и отдайте нам Марфино, мы там еще и пионерский лагерь устроим. Отдали. Получить средства на приведение профилактория в порядок оказалось не легче, чем получить сам профилакторий. После войны сильно экономили. Была негласная, неизвестно откуда пошедшая традиция урезать любую смету на треть. И так, мол, сойдет, достаточно. Мне пришлось много раз объяснять, что строим мы не на год-два, а надолго, может, и на сто лет, поэтому строить надо основательно. Так, чтобы через пять или десять лет не перестраивать. Экономия она же не только умная бывает, но и дурная. Урезать все подряд – дурная экономия. Сделать наспех, кое-как, а потом переделывать, обходится дороже, чем сразу сделать как следует.

Мы с Капитолиной бывали в Марфино. Нам там нравилось. Там всем нравилось – и летчикам, и их детям, и спортсменам. Мне было очень приятно видеть улыбающиеся лица. В Марфино всегда царила какая-то праздничная атмосфера.

Про таких, как Капа, раньше говорили «добрый ангел». Войдя в нашу семью, она настолько прониклась любовью и участием, что не только заменила мать Саше с Надей, но подружилась со Светланой и даже пыталась сглаживать противоречия, которые были между сестрой и отцом. А это было непросто. Впрочем, и поддерживать хорошие отношения со Светланой тоже было

непросто. Мне это не всегда удавалось. А Капа старалась. Такой уж она человек. Ей хорошо, когда всем вокруг хорошо. Это свойство хороших людей. Поначалу меня очень удивило, что у такого доброго, общительного человека, как Капитолина, почти не было подруг. Были одна или две, хотя казалось, что их должно быть в десять раз больше. Но скоро я понял, что Капитолина предпочитает дружить по ленинскому принципу: «лучше меньше, да лучше» – и допускает близко только самых достойных людей. К тому же постоянные тренировки занимали у нее много времени, почти не оставляя свободного времени.

За все время нашего знакомства Капитолина ни разу не позволила себе обратиться ко мне с какой-то просьбой, касающейся других лиц. У Кати такие просьбы были постоянно. Она знала, что «порадеть знакомому человечку» не в моих правилах, но тем не менее просила. То за одну свою подругу, то за другую. Доводы у нее были такие: «Ты должен помочь». Должен, именно так. На каком основании, непонятно. Разумеется, я все эти просьбы отклонял, что не добавляло лада в наши отношения. Несколько раз я пытался говорить с Катей, объяснял ей мои правила, мои принципы. Казалось, она все понимала. Но проходило какое-то время, и я снова слышал: «Ах, Василий, ты должен помочь Танечке! Она моя лучшая подруга!» А то, что у Танечки отец генерал-полковник, во внимание не принималось. Почему он не помогает своей дочери? Потому что у нее слишком большие запросы. Но любой отказ Кате оборачивался неделями обид. С Капитолиной было много проще. Поспорим – и уже через полчаса смеемся. Я сам по натуре человек веселый (теперь уже надо сказать, что когда-то был веселым), и Капитолина точно такая же. «Как мы с тобой не встретились раньше?» – удивлялся я. «Надо было обоим хлебнуть лиха, чтобы научиться ценить свое счастье», – отвечала Капитолина. Про первого своего мужа она ничего не рассказывала, за исключением того, что он был на руководящей работе и сильно ее ревновал. Принято считать, что раз ревнует, то, значит, любит, мне и самому ревность не чужда, но у первого Капиного мужа с этим делом было слишком. Примерно так же, как у жены Ворошилова Екатерины Давидовны[135], которая просто замучила своего мужа подозрениями. До смешного доходило. В 39-м или в 40-м году товарищи из НКВД заметили подозрительного мужчину, околачивавшегося возле здания наркомата обороны. При задержании выяснилось, что это не мужчина, а переодетая Екатерина Давидовна. Она решила проследить за тем, во сколько ее муж уезжает домой. Подозревала, что он не сразу едет домой, а заезжает к любовнице. Когда Капитолина решила перейти из

«Динамо» в другое общество, муж вообразил, что этот переход имеет любовную подоплеку и так замучил ее своими нападками, что она ушла от него и вернулась в Москву. Вот так мы, оба хлебнув лиха, нашли друг друга и были счастливы. Жаль, что счастье наше длилось недолго, всего каких-то четыре года. Тюрьма все разрушила. Тюрьма стала стеной, разделившей мою жизнь напополам. Теперь я вынужден помнить, что могу принести беду своим близким. Оттого и стараюсь делать вид, что близких у меня нет. На днях дочь Надюша поставила мне на вид, что я черствый. Мало проявляю внимания к тем, кто поддерживал меня в заключении и беспокоился обо мне. Надюше всего семнадцать. Она еще ребенок и много не понимает. Я не стал объяснять причин моей «черствости». Не стал объяснять, что не хочу навлекать беду на тех, кто мне дорог. С марта 53-го у меня странное состояние. Сердце как будто бы сжалось и не может разжаться. До того я был другим. Капитолина называла меня «реактивным», намекая на то, что всего, чего мне хотелось, я привык добиваться не быстро, а молниеносно. Смерть отца и годы заключения изменили меня не только внешне, но и внутренне. Подчас не узнаю себя – неужели это я, Василий Иосифович Сталин? Кто это со мной сделал? Как? Теперь уже никто не назовет меня «реактивным». Я стал осторожным. Иногда мне кажется, что я слишком осторожничаю, но иначе уже не могу. Хочется верить, что настанет день, и я сброшу эту осторожность, забуду о ней. Возможно, мне удастся забрать с собой детей и Капитолину, но пока еще рано загадывать. Как же хочется наконец вздохнуть полной грудью, говорить во весь голос, перестать скрывать от окружающих то, что лежит на душе. Верю, что такой день настанет, только не знаю когда.

Все, кто хорошо знал Капитолину, называли ее «талантливой». Меня всегда интересовало, что есть талант. Некий дар природы или результат упорного труда. Горький говорил, что талант – это вера в себя, в свою силу. Так оно, скорее всего, и есть. Если веришь в себя, если прилагаешь все силы для достижения цели, то непременно ее достигнешь. Талант – это целеустремленность, помноженная на труд. Если бы я своими глазами не видел бы, сколько тренируется Капитолина, то не поверил бы, что такое возможно. В воде она проводила больше времени, чем на суше. Есть тренеры, которые больше объясняют, чем показывают. Капитолина считала, что должна показывать все сама. Она и ее напарница Аня Макарова добились того, чтобы пловцы ВВС начали одерживать победы на соревнованиях. Потом меня обвинят в том, что якобы я переманивал по указке Капитолины подающих надежды пловцов из других клубов.

Обещал им золотые горы, шел на нарушения, лишь бы иметь «чемпионскую» команду. Все это ложь. Капитолина не указывала мне, кого переманивать, и я никого не переманивал. Спортсмены приходили сами, потому что хотели выступать за нас. Потому что знали, как у нас заботятся о спортсменах. Ничего особенного не было, не надо повторять чужие сказки. Просто я старался создать людям нормальные условия для жизни и работы, относился к ним с уважением. Люди это ценили. Хорошее отношение ценят все. Если в других клубах вниманием окружались только чемпионы, то у меня был другой принцип. Я старался уделять внимание всем спортсменам. Не делил их на «перспективных» и «бесперспективных». При правильном отношении, при правильном подходе любой спортсмен, если он не лентяй, способен дать хороший результат. Так считал не только я, но и все наши тренеры, в том числе и Капитолина. «Не бывает плохих слесарей, бывают плохие наставники», – говорил мой учитель слесарного дела старый рабочий с Пресни Матвей Федорович Дощицын. Так же считали и у нас в ВВС – не бывает плохих спортсменов. Помню, сколько усилий потратила Капитолина на эстонца Гунара Мяги. Ей говорили, что он «бесперспективный», то есть хороший пловец, но не чемпион. Советовали махнуть рукой, отступиться, но она не сдавалась. Летом 51-го в Киеве Мяги установил рекорд в плавании вольным стилем на полторы тысячи метров. Вот уж было радости. Капитолина – настоящий тренер. Победам своих учеников она радуется больше, чем личным достижениям. Так и должно быть, иначе учить никого не захочется. На следствии меня то пытались обвинить в том, что я создавал Капитолине льготы, держал ее на особом положении, то в том, что я по ее наущению взялся строить бассейн. И так далее. На самом деле Капитолина никогда не позволяла себе вмешиваться в мои дела – советовать, указывать, настаивать на чем-то, чего-то просить. Более того, когда я предложил ей стать заместителем председателя секции плавания[136], она наотрез отказалась. Сказала, что любит тренерскую работу и ни за что не променяет ее на «сидение в президиумах». Капитолине следователи, ведущие мое дело, уделяли внимания больше, чем двум другим моим женам. Доходило до абсурда. Так, например, Капитолину пытались обвинить в том, что во время соревнований в Берлине в 45-м она занималась спекуляцией продуктами и обменом их на драгоценности. Откуда восемь лет спустя могло взяться подобное обвинение? Как следствие надеялось его доказать? Не знаю. Поняв, что с Берлином ничего не вышло, следователи передвинули свою «версию» на шесть лет вперед. Стали говорить о том, что у них есть сведения, будто бы

Капитолина через свою мать спекулировала продуктами, которые получала с моей дачи. Я тогда очень порадовался своей предусмотрительности. Не «разведись» мы с Капитолиной, обвинений могло бы быть больше. И они могли бы быть серьезнее. Обвинение можно придумать какое угодно. Не могу сказать, что я испытывал глубокую приязнь к Берии. Отношения между нами были очень непростыми. Но тем не менее я никогда не поверю в то, что Берия в 20-е годы мог быть английским шпионом. И в то, что он хотел восстановить капитализм в СССР, я тоже никогда не поверю. Белыми нитками все это шито! Из пальца высосано! Полная чушь! Писательница Галина Николаева[137], которую я знаю со Сталинграда, говорила, что у подвига и воображения нет границ. Со временем я убедился и в том, что у человеческой подлости тоже нет границ. К сожалению.

Есть много людей, за которых я благодарен судьбе. Благодарен за то, что она свела меня с ними, позволила чему-то у них научиться. В числе этих людей и Капитолина. Мне очень жаль, что наше счастье было таким недолгим. И жаль, что сейчас его уже не вернуть. Все изменилось. Кто-то из древних греков очень верно подметил, что в одну и ту же воду нельзя войти дважды.

Глава 8
Командующий ВВС Московского округа

Служба в должности командующего ВВС Московского округа началась у меня с того, с чего не должна была начинаться. С конфликта с непосредственным начальником, маршалом Мерецковым[138]. Мерецков – человек непростой. Характер у него непростой и судьба такая же непростая. Он всю жизнь провел в армии. Начинал комиссаром в Гражданскую, постепенно дорос до начальника Генштаба. Мерецков не очень хорошо разбирается в людях. Если бы разбирался, то не стал бы якшаться с такими, как Уборевич[139]. Уборевич, будучи арестованным, дал показания на Мерецкова. Мерецкова арестовали, из тюрьмы он написал отцу письмо с просьбой разобраться. Отец решил, что Мерецкова можно освободить. Не знаю, убедился ли отец в его невиновности или решил, что он заслуживает возможности искупить свою вину. Если отец видел, что человек еще способен исправиться, то давал такую возможность. Некоторых завлекали во вражеские сети обманом, не все в этих сетях окончательно запутались, многие, осознав свою вину, помогали следствию. «Если человек один раз оступился и осознал, то можно простить», – говорил отец, делая ударение на словах «один раз». К тем, кто оступился повторно, никакого снисхождения не было. Ошибки случаются всегда и везде. Еще древние римляне говорили, что человеку свойственно ошибаться. Следователи тоже люди и тоже могут допускать ошибки. Ошибки, а не намеренное обвинение ни в чем не повинного человека, как это было в моем случае. Сейчас вывернули все таким образом, будто при отце сажали всех без разбору. Не разбирали, кто прав, а кто нет. И отец якобы этому потворствовал. Зачем это ему было надо, я так и не понял. Потворствовал, и все тут! Даже заставлял сажать как можно больше. Невиновных. На самом же деле все было не так. Я знаю несколько случаев, когда отец помогал невинно осужденным восстановить свое честное имя. Если ему жаловались на ошибки следствия, он давал поручение разобраться и доложить. Приведу один пример, хотя могу привести с десяток. В 37-м были выявлены недостатки в работе Центрального аэроклуба. Когда начали вникать, за недостатками проступило нечто большее. В летном деле недостатки, недочеты и разгильдяйство чреваты гибелью людей, поэтому к состоянию дел в аэроклубе было

проявлено особое внимание. Люди, кстати, тоже гибли. Разбилось два или три самолета, из-за нарушения правил погибли две парашютистки. Девчата пытались превзойти друг друга в затяжном прыжке и увлеклись. Обе раскрыли парашюты слишком поздно, почти у самой земли. Затяжной прыжок очень опасное дело, требующее мгновенной реакции и умения четко оценивать обстановку. Нельзя допускать людей к затяжным прыжкам, тем более к соревновательным, до тех пор, пока нет полной уверенности в том, что они к этому готовы. Но главное было не в этом, а в том, что в аэроклубе действовала хорошо законспирированная троцкистская организация. Враги готовили террористический акт, собирались атаковать с воздуха ноябрьский парад на Красной площади. Главой организации был руководитель аэроклуба Дейч. Когда-то он начинал в ЧК вместе с Дзержинским[140] и Петерсом[141]. Работал председателем Одесской губчека[142], начальником Главупра[143] шерстяной промышленности наркомлегпрома[144], был членом КСК[145]. Дейч считал себя птицей высокого полета. Когда за недостатки в работе его перебросили руководить аэроклубом, затаил обиду. Не раз заявлял во всеуслышание, что должен был стать наркомом, а вместо этого стал главным спортивным комиссаром. Вроде бы в шутку заявлял, а на самом деле всерьез. Но дело не в Дейче и его шайке, а в том, что к ним случайно оказался причислен хороший парень, журналист Евгений Рябчиков. Он был настолько подавлен случившимся, что смирился с незаслуженным наказанием и отбывал срок в Норильске. Бывают такие люди, которых несчастье пригибает к земле. С Евгением был знаком конструктор Яковлев. Он не знал, что тот был арестован. Уже во время войны узнал, что Евгений осужден и отбывает срок в Норильске, хотя считает себя невиновным. Яковлев – человек честный, с хорошо развитым чувством справедливости. Говорю об этом, потому что хорошо его знаю. Мы дружили, несмотря на разницу в возрасте (он на 15 лет старше меня). Во время одной из встреч с отцом Яковлев рассказал ему про Рябчикова. Сказал, что знал его как честного комсомольца, настоящего советского человека, и попросил разобраться. Месяца не прошло, как несправедливо осужденный человек вернулся домой. Просьбы такого характера, касающиеся восстановления справедливости, отец никогда не оставлял без внимания. И с НКВД спрашивал строго за ошибки и перегибы. Говорил: «Заставь дурака богу молиться, он и себе лоб расшибет, и другим».

О дураках, расшибающих лбы, можно говорить бесконечно. Жизнь то и дело подкидывает примеры. Во время командования округом[146] я решил, что нужно уделять больше внимания женам

офицеров. Дал команду развивать самодеятельность, организовал для женщин занятия по истории партии, обязал посещать политинформации, семинары проводил, занятия по стрельбе. Жена офицера – тоже боец, должна уметь стрелять. Получил двойную выгоду. Жизнь у офицерских жен стала интереснее, а от этого атмосфера в гарнизонах заметно улучшилась. Меньше стало сплетен, измен, ссор. Когда человек делом занят, ему о чем-то плохом думать некогда. Семейные конфликты не пустячное дело. Они сильно сказываются на боеготовности офицеров. Вместо того чтобы выспаться, всю ночь ссорился с женой, утром сел в самолет злой и невыспавшийся и разбился. А было несколько случаев падений, когда всерьез подозревали самоубийство. Когда начинали интересоваться бытом погибших летчиков, выяснялась одна и та же картина – измена жены, переживания. Я таких поступков не понимал. Самоубийство не выход из положения, а трусливое бегство от трудностей. Но если уж подперло, то зачем гробить машину, создавать опасность для других? У каждого офицера есть табельное оружие, можно застрелиться. Или решение разом покончить со всеми хлопотами приходило прямо в небе, и искушение было так велико, что люди ему поддавались? Не знаю, я во время полетов ни о чем постороннем не думаю. Не могу думать. В 50-м с моими летчиками несколько месяцев работал профессор из психиатрической клиники. Расспрашивал, записывал, изучал, как полеты влияют на психику. По его поводу мне звонил кто-то из заместителей министра, объяснял, что дело очень важное и ручался, что лишнего профессор спрашивать не станет. Не знаю, к каким выводам пришел тот профессор. У меня на этот счет свое мнение. Небо проявляет человека. В небе сразу видно, кто чего стоит. Слетает напускное, видно истинное лицо. И полеты, насколько мне известно, на психику не влияют. Если, конечно, человек не трус и паникер. Но речь сейчас не об этом, а о том, что некоторые офицерские жены так сильно втянулись в общественную работу, что забросили свои домашние дела и обязанности. Этим сразу же воспользовались злопыхатели, начавшие рассуждать о том, что от самодурства командующего страдают офицеры. Дома не убраны, дети не кормлены, потому что генерал Сталин сверх всякой меры нагрузил женщин общественной работой. При желании любой полезный почин можно очернить. Все можно очернить. Тем более все знали, что отец ко мне относится строго, поблажек не делает, вот и пытались, критикуя меня, продемонстрировать ему свою «принципиальность».

Вернусь к тому, с чего начал, – к конфликту с Мерецковым. После освобождения отец поставил Мерецкова командовать

армией. Показал тем самым, что доверяет ему полностью. Вскоре Мерецкова назначили командующим Волховского фронта. После позорного провала двух операций[147] Мерецков был снят с должности командующего фронтом и стал командовать армией. Отец верил в то, что Мерецков настоящий коммунист и талантливый военачальник. Ошибки могут быть у любого. Важны не столько ошибки, а то, что за ними стоит. Вскоре Мерецков снова стал командовать Волховским фронтом. Дальше ему сопутствовала удача. Получил маршала, отличился в разгроме японцев, стал командовать округом. Но, видимо, в глубине души таил обиду на свой арест и понижения в должности. Все, кому довелось служить с Мерецковым, в один голос говорят, что он очень памятлив. Про остальные черты его характера рассказывать не стану. Скажу только, что он не относился к числу начальников, с которыми хочется служить. Таких, например, как Конев. Конев – полная противоположность Мерецкову.

Мерецков воспринял мое назначение весьма настороженно. Держался со мной подчеркнуто холодно. Вмешивался во все дела, старался держать под личным контролем каждую мелочь. Поначалу я этому не удивился. Не с каждым командиром сразу же складываются задушевные отношения, как это было, например, у меня с генерал-лейтенантом Сбытовым. Да и то, чей я сын, тоже удерживало многих на определенной дистанции. Тотальный контроль в первые дни службы на новой должности можно было объяснить сомнением. Справлюсь ли я? Ведь я раньше никогда еще не занимал должность такого уровня. Но по прошествии двух недель избыток внимания со стороны командующего округом начал меня раздражать. Что я ему – курсант? Зачем он суется даже в те вопросы, в которых толком не разбирается? В авиации Мерецков понимал ровно столько, сколько положено понимать сухопутному стратегу. Две недели – достаточный срок для того, чтобы составить мнение о подчиненном. Как о знатоке своего дела, так и о человеке. Мне, например, этого срока всегда хватало с лихвой. Но Мерецков продолжал гнуть свою линию. Дошло до того, что мои заместители, минуя мой кабинет, шли прямиком к нему. А я слышал потом: «Подпишите. Товарищ Маршал Советского Союза распорядился!» Долго так продолжаться не могло. Я пришел к Мерецкову и прямо спросил, почему он мне не доверяет. Какие у него к тому основания? А если доверяет, то почему так себя ведет? Мерецков рассердился, напомнил мне про субординацию (формально я ее нарушил) и сказал, что не привык давать объяснения подчиненным. Проявил свой характер. Я тоже проявил свой. Положил ему на стол рапорт. Мерецков порвал его,

но тут уже сообразил, чем может закончиться дело, и стал разговаривать спокойнее и мягче. Повел на мировую. Голос у него при этом оставался недовольным, а взгляд недружелюбным. Ясно было, что мы с ним не сработались и никогда уже не сработаемся. Станем поддерживать вооруженный нейтралитет. Но я считаю, что худой мир лучше доброй ссоры и потом я служил у Мерецкова в округе, а не к дочери его сватался, чтобы переживать по поводу его отношения ко мне. Главное, чтобы не мешал работать. В армии говорят: «Плохой командир мешает подчиненным работать, средний не мешает, а хороший помогает».

Я папиросу у себя в кабинете выкурить не успел, как мне позвонил Булганин. Тогда он был со мной крайне предупредителен. Совсем недавно отец назначил его министром Вооруженных Сил. Булганин очень старался показать себя с наилучшей стороны. Булганин спросил, что у меня произошло с Мерецковым. Я рассказал. Булганин пригласил меня на следующий день приехать к нему. То, что он пригласил и Мерецкова, я не знал. Удивился, когда увидел его в приемной. Булганин вел себя в тот день с нами не как министр, а как папаша, увещевающий поссорившихся сыновей. Наговорил каждому из нас комплиментов, сказал, что за Московский округ при таких командирах у него душа не болит, а в конце предложил мне переехать из штаба округа в здание Центрального аэропорта. Определенная логика в этом предложении была. Штаб командующего ВВС округа изначально должен был находиться при аэродроме. Это очень удобно. Но я понимал, что такое предложение Булганин сделал по другой причине. Он просто «разводил» нас с Мерецковым, чтобы впредь между нами не было столкновений. Надо отдать ему должное, сделал он все очень дипломатично. Все делается исключительно в интересах службы. Никаких уступок, никаких потачек, никому не обидно. Я очень обрадовался и Мерецков, судя по всему, тоже. С глаз долой, из сердца вон, и много кабинетов в здании освобождается. Больше Мерецков в мои дела не вмешивался. Вскоре он представил меня к ордену Ленина за успехи в службе. Но получил я орден Красного Знамени. Так решил отец. Он знал от Булганина, что произошло у меня с Мерецковым. «Рано тебе орден Ленина, – сказал отец. – Мерецков поспешил». Вскоре Мерецкова перевели командовать Беломорским округом[148], и наши пути разошлись. Мой конфликт с Мерецковым отец со мной никогда не обсуждал, хотя дал понять, что ему о нем известно. Из этого я могу сделать вывод, что отец счел мое поведение правильным. Разумная, полезная дерзость нравилась отцу. «Дерзкий человек был Камо», – с одобрением говорил он и вообще часто употреблял слово

«дерзкий» в положительном смысле. Плохую дерзость отец называл «наглостью».

Когда в 31-м принималось решение о строительстве Московского метрополитена, Каганович считал, что станции надо делать простыми, без каких-либо украшений. Но отец в ответ на это сказал, что такая скромность хороша в личной жизни. Каганович любил окружать себя красивыми вещами, и ему за это порой доставалось от товарищей. Станции метрополитена по замыслу отца должны были стать демонстрацией крепнущей мощи Советского Союза. Экономической мощи. Отец видел станции большими, красивыми, поражающими воображение. Он вообще считал, что свое должно, обязано быть как можно скромнее, а вот все народное, государственное должно быть величественным. Вопросом: «Разве советские люди этого не заслужили?» – он отметал все возражения. В самом деле – заслужили. Советские люди своим трудом, своим невероятным подвигом в годы войны заслужили того, чтобы жить и работать в достойных условиях. Здание Центрального аэродрома после войны являло собой печальное зрелище. Оно было сильно запущено и совершенно не годилось для того, чтобы в нем разместился штаб ВВС. Требовался капитальный ремонт. Ничего излишне роскошного и дорогостоящего не было, но на следствии часто звучало слово «дворец». Удивляться нечему. Если обычный финский дом считался «особняком», то здание штаба можно было назвать «дворцом». Однажды я не выдержал и поинтересовался у следователя, почему до сих пор не привлечены к ответственности товарищи, которые построили Сельскохозяйственную выставку[149]. Они же настроили множество дворцов, хотя можно было обойтись и сараями. Следователь начал кричать, что нельзя сравнивать выставку и штаб ВВС. Почему нельзя, я так и не понял. Вернее, все понимал. Относительно меня было дано распоряжение, которое рьяно исполнялось. Человека, в должностные обязанности которого входит подписание финансовых документов, легко обвинить в нарушениях. Признаю – за каждым кирпичом, за каждым мешком известки я не следил. Не имел возможности уследить. Допускаю, что какая-то часть материалов могла уходить на сторону без моего ведома. К каждому мешку часового не поставишь. Но в целом контроль за строительством и ремонтом объектов был при мне поставлен хорошо. Самому мне не в чем себя упрекнуть. Разве что в том, что успел я построить далеко не все, что собирался. Я вообще многого не успел. Это очень горькое чувство – знать, что смог бы, успел бы, если бы не обстоятельства. Особенно горько сознавать это, когда ты из генерала превращаешься в арестанта, а из Василия

Иосифовича Сталина в Василия Павловича Васильева[150]. Нет, здесь я не прав – мне было очень радостно сознавать, что враги боятся моей, нашей фамилии настолько, что присвоили мне выдуманную, производную от моего имени. И отчества моего они тоже боялись, иначе бы я не стал Павловичем. Значит, сила на моей стороне. Враги не могут оценить величия моего отца. «Для лакея не может быть великого человека, потому что у лакея свое понятие о величии», – писал Толстой в «Войне и мире». Но они прекрасно понимают собственное ничтожество. Понимают, что заключенный Василий Сталин – это живое обвинение в их преступлениях. Потому и превратили меня в «Васильева». Я никогда не произносил этой фамилии. Всегда назывался Сталиным. «Васильев», – поправляли меня начальники, но это им быстро надоело. Да и стыдно им было. Я по их глазам это видел. Оттого и относились ко мне не так, как к другим заключенным.

Но вернемся в 48-й год. Я – командующий ВВС Московского округа. Командующий самым передовым видом Вооруженных сил самого главного округа Родины. На моих плечах лежит огромная ответственность. Я прикрываю Москву и подступы к ней с воздуха. У меня в подчинении более десяти тысяч человек. Цифру называю условно, чтобы можно было представить масштаб моей ответственности. Ворошилов шутил, что самое сложное в армии – это командовать взводом. Все остальное, дескать, много проще. В этом я с ним не соглашусь. Чем больше человек у тебя в подчинении, тем сложнее командовать. Отвечать за десять бойцов и за десять тысяч – несопоставимая разница. Только став командующим ВВС округа, я в полной, нет, далеко не в полной, но все же в какой-то сопоставимой мере смог прочувствовать ответственность, лежащую на моем отце. Я отвечал за авиацию одного из военных округов страны. Отец – за всю страну, за весь передовой мир. Пока командуешь полком или дивизией, не понимаешь масштабов настоящей ответственности. Все надо испытать на собственном опыте. Хотя бы приблизительно.

Дел у командующего было невпроворот. Надо было обеспечивать защиту округа с воздуха, обучать и переучивать личный состав, осваивать новую технику, строить новые аэродромы, развивать службу тыла, заниматься бытом. Если бы не мои заместители и мои адъютанты, я бы не справился. Должен отметить, что мне несказанно повезло. Я принял командование у такого хорошего командира, как генерал-лейтенант Сбытов. Мне достался хорошо отлаженный, полностью работоспособный механизм. Этому можно было только радоваться. Мне есть с чем сравнивать. Приходилось принимать «наследство», которое находилось в несравнимо худшем положении. Но в целом

порядка в авиации всегда было больше, чем в других видах войск. Говорю об этом не в укор кому бы то ни было. Просто констатирую факт. Это выражение я перенял у Власика. Он говорил мне: «Василий, я тебе не отец, чтобы тебя воспитывать. Я не воспитываю. Я просто констатирую факт. Твое поведение никуда не годится…» Что греха таить, доставлял я Николаю Сидоровичу хлопот, было дело. Только в авиашколе я взялся за ум, да и то не сразу, а через какое-то время. Летное дело способствует развитию чувства ответственности, учит обдумывать каждый свои шаг, каждое действие. Понимаешь, что такую сложную машину, как самолет, абы кому не доверят, и стараешься соответствовать. Стараешься оправдать доверие. Когда мой сын Саша колебался, стоит ли поступать в суворовское училище, я сказал ему, что главное в жизни – это оправдать оказанное тебе доверие. На мой взгляд, учеба в суворовском должна была пойти Саше на пользу, закалить его. Военное училище – лучший способ воспитать характер. Я считаю, что настоящий мужской характер может воспитываться только в суровых условиях. В армии, в подпольной работе, во всем таком, что выбивается из привычной житейской колеи. Сталь закаляется в огне. Характер закаляется в испытаниях. Правда, вскоре после моего ареста Галя забрала Сашу из училища. Оно и к лучшему. Саше все равно бы пришлось забыть о военной карьере. Не то сейчас время, чтобы внуку товарища Сталина дали возможность служить. Но у Саши большие способности. Уверен, что все, за что бы он ни взялся, у него будет получаться. Надеюсь, что Саша будет достойным наследником своей фамилии, продолжателем дела своего великого деда[151]. Думая о своих детях, не могу представить их сорока– или пятидесятилетними. Для меня они всегда будут оставаться детьми. Сорок лет Саше исполнится в 81-м году. Какая жизнь тогда будет? Мне в 81-м исполнится 60. Солидный возраст, но еще не старость. Отец в 60 лет выглядел на 40, был бодр и крепок. Помню, как, поздравляя отца, не мог поверить в то, сколько ему лет. Другие в этом возрасте выглядели дедами. Седые волосы, сутулая спина, старческий, потухший взгляд. Отец совершенно не походил на старика даже в 70. Его стальная воля не давала ему распускаться, стариться. Разве что с возрастом движения стали не такими энергичными, как были раньше. Дни рождения отца были и моими праздниками. Я всегда старался подарить какой-нибудь особенный подарок. Больше всего, помнится, отец порадовался, когда я пригласил на торжество по случаю его дня рождения актрису Театра оперетты Таню Санину[152], жену Всеволода Боброва[153]. Таня спела для отца из «Сильвы» «Частица черта в нас…». Пела она задорно, с

огоньком, и к тому же была красивой женщиной, так что отцу очень понравилось. Он ценил красоту и талант. Раз уж вспомнил Боброва, то скажу о нем несколько слов. Бобров – достойный человек, верный друг из тех, что не забывают в беде. Мы с ним нередко спорили по спортивным вопросам, иногда даже ссорились, потому что характеры наши схожи, но эти трения на наших отношениях не сказывались. Бобров был «локомотивом», тянувшим за собой футбол и хоккей в ВВС. Не припомню ни одного случая, чтобы он «дал козла»[154]. Боброва я в шутку называл «основоположником футбола и хоккея ВВС». На самом деле так оно и было. В команду Московского авиаучилища[155] он пришел в 44-м. С Таней у Боброва длилось недолго. Когда она ушла от него к адъютанту главного интенданта МВД генерала Горнова[156], Бобров сильно переживал, я боялся, как бы он пить не начал, но обошлось. Хотелось мне заполучить для команды ВВС другой «локомотив» – Николая Старостина[157], но это дело оказалось непростым. За Старостина мне пришлось побороться с Берией. У того к Николаю была давняя неприязнь, потому что Николай наотрез отказывался переходить из спартаковцев в динамовцы. Берия к нему после суда в Бутырку приезжал и предлагал тренировать динамовских футболистов в обмен на освобождение. Старостин был зол на то, как с ним обошлись. Сейчас, отсидев без вины семь лет, я его еще лучше понимаю. К тому же Берия собирался освободить одного Николая, а его братьев оставить в лагерях. Не то посчитал, что освобождать всех сразу будет слишком, не то хотел оставить их там для давления на Николая. Но, так или иначе, Николай отказался. Наотрез. Берия ответил: «Как знаешь. Не хочешь тренировать московских динамовцев, будешь тренировать колымских». Старостин тренировал лагерную команду в Комсомольске-на-Амуре. Мне удалось привезти Старостина в Москву, но вот оставить его здесь я не сумел. Берия доложил отцу, представил все так, будто бы из желания заполучить тренера я покрываю преступника. Отец сказал мне: «Брось это дело», и Старостина выслали. Только после смерти отца и своего ареста я в полной мере смог оценить отцовскую мудрость, позволявшую ему предвидеть события. Отец понимал, что прямое и демонстративное нарушение закона (так выглядел случай со Старостиным) впоследствии может быть использовано против меня. Если уж Берию обвинили в том, что он шпионил на англичан и готовил свержение Советской власти, то освобождение Старостина могло бы превратиться в многолетний и разветвленный антисоветский заговор со всеми вытекающими последствиями. И жизнь самого Николая была бы загублена окончательно. Ему бы наверняка пришлось сесть вместе со мной.

Главным моим делом была боевая подготовка личного состава. Не стану разбирать подробно, потому что не имею права разглашать секретные сведения, но скажу, что мне удалось многое сделать. За год с небольшим я вывел ВВС нашего округа на первое место в советской авиации. Свой метод я позаимствовал у отца. Главное, не позволять подчиненным довольствоваться былыми свершениями, почивать на лаврах. Надо побуждать людей делать свое дело все лучше и лучше, приносить Родине все больше и больше пользы. Отличился сегодня, отличись и завтра, и послезавтра. Но такая установка вдохновляет людей на свершения только в том случае, если они видят, что их ценят и о них заботятся. Вот и весь секрет. Помогло мне и то, что я был боевым, а не «кабинетным» летчиком. Четко понимал, чего надо требовать от летного состава и сам тоже старался соответствовать своим же требованиям. Квалификацию «Военный летчик 1-го класса» я не в кабинете высидел. Я ее в небе заслужил.

Глава 9
За что мне обидно

«Обидно мне, что отец никогда не порадуется моим успехам», – сказал мне в сентябре 41-го Тимур Фрунзе. Я часто вспоминал эти слова Тимура после смерти моего отца. Успех у меня с тех пор только один – я не сдаюсь и не иду на сделку со своей совестью.

Недавно Артем спросил меня, сильно ли я был задет тем, что мои подчиненные, которых я считал не столько подчиненными, сколько товарищами, дали показания против меня. Я честно ответил, что совершенно этим не задет, не обижен. И совершенно этому не удивляюсь, потому что сам прошел через этот фарс, который назывался «следствием». Мне самому приходилось подписывать протоколы, в которых было написано совсем не то, что я говорил на самом деле. Я сам прошел через весь этот кошмар, я все понимаю, и я ни на кого не в обиде. Более того, я продолжаю считать их своими товарищами. Потому и решил написать об этом. Засвидетельствовать письменно. Мне бы было тяжелее, если бы я знал, что «утянул» следом за собой в тюрьму кого-то еще. Еще одного ни в чем не повинного человека. Я все понимаю, а когда понимают, не обижаются. Обиды – от непонимания. Обидно, когда за добро платят злом. Обидно, когда по отношению к тебе поступают несправедливо. Помню, как звенел обидой мамин голос, когда она рассказывала о том, как ее исключили из партии во время одной из чисток в год моего рождения. Исключили за недостаточную общественную активность. Мама в то время официально нигде не работала. То, что она фактически была домашним секретарем отца, его надежной помощницей, в расчет принято не было. На то, что у нее недавно родился я, тоже внимания не обратили. Мама считала, что ее исключили по глупости, от чрезмерного дурного усердия. Но отец считал иначе. Расценивал исключение матери как вражеский выпад. «Это было дело рук Троцкого и Каменева[158], они уже тогда спелись, только не показывали этого», – сказал отец. Маме помог Ленин, который хорошо знал ее. Одно время она работала в его секретариате. Ленин дал маме хорошую характеристику, написал, что знает ее и всю семью Аллилуевых как настоящих коммунистов. Заодно напомнил о том, что в июле 17-го года он с Зиновьевым[159] прятался у деда[160]. Маму восстановили в партии.

Я знаю, что с теми, кто был арестован вместе со мной,

обращались очень сурово. Так же сурово, как и со мной. Я знаю, что все они говорили правду, но в протоколах следователи записывали совсем другое. Я могу обижаться на то, что некоторые, как выяснилось на следствии, обделывали кое-какие дела за моей спиной. Это, признаюсь, меня неприятно удивило. Но за то, что люди давали «обличающие» меня показания, я на них нисколько не в обиде. Исход моего «дела» был предопределен еще до моего ареста. И приговор выносился не на суде, а в Кремле.

Обидно мне за то, что попрано все хорошее, что сделал мой отец. Обидно мне за советский народ, которым управляют недостойные доверия люди. Обидно за то, что жизнь в Советском Союзе становится все хуже и хуже. Обидно и больно за детей, которых попрекают тем, что они – мои дети, внуки товарища Сталина! Как можно так себя вести? Сказано же – сын за отца не ответчик. А то ведь многих можно попрекнуть родителями. Отец Булганина был управляющим у какого-то нижегородского хлебопромышленника. Отец Молотова был приказчиком. Маленков из потомственных дворян, дед его был полковником. А если у кого-то пролетарское происхождение, то с сыновьями не все в порядке. Или с женами. Только начни копать… Очень не хотелось бы, чтобы мои дети страдали из-за своего происхождения. Я готов на все, чтобы уберечь их от напастей. На все, кроме предательства. Надеюсь, что у моих детей все будет хорошо. Надеюсь, что скоро к власти в Советском Союзе придут достойные люди. Уверен, что придут, потому что иначе и быть не может, но очень хотелось бы дожить до этого. Дожить для того, чтобы услышать с трибун правду об отце. Чтобы прочесть эту правду в газетах. Чтобы побывать на суде над убийцами отца и лично убедиться в том, что они получили по заслугам. «Одно дело знать, что справедливость рано или поздно восторжествует, и совсем другое – увидеть это своими глазами», – говорил мой друг Коля Абрамашвили. Коля погиб в конце 42-го под Сталинградом. Его подбили в бою над вражеской территорией. Коля не пошел на вынужденную, а направил свою горящую машину на колонну немецких танков. Добавил танки к своему личному счету, к двадцати трем сбитым им самолетам.

Удивительно, как иногда может быть истолковано простое человеческое участие в чьей-то судьбе. Несмотря на мою дружбу с сыном Берия Серго, к самому Лаврентию Павловичу я относился неприязненно. Берия был не из тех, кто вызывает расположение, кроме того, мне известны были случаи, когда он из личных побуждений поступал несправедливо. За глаза Берию звали

«человеком в футляре», но смысл в это прозвище вкладывался иной, не такой, как у Чехова. Подразумевалось, что никто никогда не может знать, о чем думает Берия, и то, что на его расположение не очень-то следует рассчитывать. Когда я узнал, что по вине Берии знакомая мне по картинам актриса Ц. бедствует, я решил помочь ей. Муж ее поспорил с Берией по какому-то рабочему вопросу и был вынужден уехать из Москвы. Меня сильно тронуло бедственное положение Ц., о котором мне рассказал мой адъютант майор Степанян, и я поручил ему пригласить Ц. выступить в нашем клубе и впредь время от времени ее приглашать. Я всего лишь хотел поддержать женщину, находившуюся в стесненном материальном положении. С самой Ц. я лично знаком не был. Но вдруг разнеслись слухи о нашем романе. По этим слухам выходило, что это я вынудил мужа Ц. уехать из Москвы, чтобы иметь возможность беспрепятственно встречаться с его женой. Слухи дошли и до отца, и до Капитолины. Пришлось объяснять обоим, что я ни в чем не виноват. Капитолина вдруг проявила несвойственную ей ревность и пригрозила, что уйдет от меня. И уж совершенно неожиданным для меня стало то, что сама Ц. стала требовать у дирекции «Мосфильма» ролей для себя, ссылаясь при этом на близкое знакомство со мной. Пришлось встретиться с ней и попросить впредь так не делать. Заодно и познакомился лично. Ц. произвела на меня хорошее впечатление. Сама она сказала, что о знакомстве со мной никогда нигде не упоминала, это «перестаралась» дирекция «Мосфильма». Я так и не понял, что там было на самом деле, но с тех пор стал более сдержанным в своих порывах. Если хотел кому-то помочь, то думал о последствиях. Мое имя часто звучало там, где не должно было звучать. Слухи, домыслы, подчиненные порой «старались». Некоторые офицеры вместо того, чтобы сказать, что они служат в штабе ВВС Московского округа, говорили: «Я служу у Василия Сталина». Как будто я какой-то барин или царь. При таком поведении может срабатывать психология. Раз офицер сказал, что он служит у Василия Сталина, то, значит, действует от имени Василия Сталина. А Василий Сталин и знать не знает, что подполковник такой-то пытается помочь своей младшей сестре поступить в университет в обход экзаменов. За все время я всего трижды помогал людям с поступлением. Один раз, когда служил в Германии, и два раза в Москве – дочери моего боевого товарища, погибшего при взятии Берлина, помог поступить в университет и одному из родственников с материнской стороны – в аспирантуру. Но время от времени мне звонили и справлялись, знаю ли я такого-то, кто на меня ссылается. Допускаю, что во многих случаях и не

справлялись. Один из следователей попытался было составлять список моих «злоупотреблений» на стороне. Подводил под то, что я вмешивался в действия руководителей различных учреждений, вынуждал их нарушать инструкции и законы. А это можно представить как систематические действия, направленные на подрыв авторитета Советской власти. Вначале следователи пытались все мои действия подвести под 58-ю статью, но когда поняли, что тут у них дело никак не ладится, начали делать упор на злоупотребление служебным положением. «Злоупотребление служебным положением» – широкое понятие. Все что угодно можно туда отнести. Порой по этой статье получались не «дела», а настоящие анекдоты. От излишнего рвения следователей. Помню, как вся Москва обсуждала дело заместителя министра легкой промышленности Седина[161], которого в 49-м осудили за то, что он выписал какому-то безногому инвалиду тысячу рублей материальной помощи, а инвалид оказался жуликом, рецидивистом с поддельными документами. Называется – пожалел липового фронтовика. Разумеется, уголовное дело по этому факту завели не просто так. У Седина были недоброжелатели в министерстве. Кого-то он там обошел по службе. Вот недоброжелатели и расстарались, раздули дело, подняли шум вокруг того, что материальная помощь часто оказывается совсем не тем, кто ее заслуживает, что это далеко не единичный факт, и пошло-поехало. По-хорошему судить надо было только жулика-инвалида, а заместителю министра дать выговор. Но устроили показательный суд, сломали человеку карьеру. Министерство легкой промышленности, созданное в 48-м слиянием нескольких министерств, считалось «змеюшником». Там вечно кипели склоки и дрязги, никто долго не мог на своем месте усидеть, одних снимали, других назначали, чтобы вскоре снять. Я хорошо об этом осведомлен, потому что там работала секретаршей приятельница Капитолины. Потом Седин работал директором на каком-то комбинате. Отец знал его. Во время войны Седин был народным комиссаром нефтяной промышленности и хорошо зарекомендовал себя на этом посту. Возможно, расположение отца сыграло роль в том, что Седин потом получил руководящую должность, а не остался совсем не у дел. Однако в деле Седина шла речь всего о тысяче рублей, а меня обвиняли в растрате миллионных сумм. «Не надо было тебе, Вася, так стараться», – упрекнула меня Капитолина, когда первый раз приехала ко мне на свидание. Она имела в виду, что если бы я ничего не строил или строил бы не так много, то и обвинить меня было бы не в чем. Я объяснил, что от моих стараний ничего не зависело. Раз захотели, поправ закон, посадить меня, то все

равно посадили бы. Только тогда обвинили бы в том, что я мало старался, но результат был бы тем же самым. И приговор был бы тем же самым. Мне приговор показался неожиданно мягким. Я был готов к тому, что получу вдвое больший срок. Да и то, что меня могли приговорить к высшей мере, тоже допускал. Понимал, что вряд ли решатся, но все же допускал. И то, что меня могли втихаря убить в тюрьме, тоже допускал. Не верил, не хотел верить, что может дойти до этого, но допускал. Смерти я не боялся, но умирать не хотелось. Но если уж умирать, то лучше чтобы расстреляли, нежели уморили тайком. У писателя Лавренева, в «Рассказе о простой вещи», который я на днях перечитывал, сказано: «Я погубил доверенное мне дело – я должен теперь хоть своей смертью исправить свою ошибку… Мой расстрел, когда о нем станет известно, будет лишним ударом по вашему гниющему миру. Он зажжет лишнюю искру мести в тех, кто за мной. А если я тихонько протяну ноги здесь, – это даст повод сказать, что не умевший провести порученную работу Орлов испугался казни и отравился, как забеременевшая институтка. Жил для партии и умру для нее! Видите, какая простая вещь!» Сын Сталина не может просто так исчезнуть. Пришлось бы написать в газетах: «приговорен к высшей мере, приговор приведен в исполнение». Люди бы прочли и задумались. «Расстрел так расстрел! – думал я. – Пусть! Мой расстрел выйдет моим врагам боком! После того как они убьют меня, ни у кого не останется сомнений в том, что моего отца они тоже убили. Народ их покарает».

Было время, еще до суда, когда я совсем разочаровался в людях. Думал, что кроме себя самого больше никому верить никогда не стану. Кому можно верить, если ближайшие соратники отца отравили его, а меня посадили за решетку и собираются судить за преступления, которых я не совершал? Но этот период неверия никому быстро прошел. Нельзя жить, никому не веря. Надо верить людям, но верить с большим разбором. Надо помнить, что некоторые негодяи умеют притворяться настолько хорошо, что могут обмануть даже очень проницательных людей, таких как мой отец, не понимаю, как отец мог позволить удалить от себя таких преданных ему людей, как Власик и Поскребышев. Или все-таки то была хитрая тактическая комбинация отца? Он хотел нанести сокрушительный удар по всем разом, но не успел этого сделать? Уверен, что в его личном архиве могли остаться документы, проливающие свет на многое. И уверен, что они давным-давно уничтожены. Я пытался навести справки в ЦГИАМ[162], где у меня нашлись знакомые, но к тем фондам, которые мне были нужны, доступ только по особому

распоряжению. Когда-то я был уверен, что отец оставил мне письмо, которое должно объяснить все то, что происходило в последний год моей жизни. Передал кому-то из верных людей, с тем, чтобы письмо вручили мне после его смерти. Ничего мне никто не вручил. Могли, конечно, зная, что я в тюрьме, отдать письмо Светлане, но это то же самое, что выбросить его. Сестра сделала свой выбор и будет неукоснительно следовать ему. Предательство – это путь, на котором обратной дороги нет. Нельзя быть «бывшим предателем». Предательство не прощается, его нельзя забыть. Раз предав, человек вынужден предавать еще и еще. Больно за отца. Он так любил Светлану. Разве он мог подумать, что она окажется в стане предателей, чернящих его светлую память. Вот за Светлану мне обидно. Обидно, что она моя сестра. Обидно, что в отношении ее отец ошибался. Обидно и больно, что у меня больше нет сестры. Но в глубине души теплится надежда на то, что однажды Светлана придет ко мне и попросит прощения за все, что она натворила после смерти отца. Я только что написал, что предательств не прощается, что предателю нет пути назад, но я знаю, что если Светлана раскается искренне, то я ее прощу. Прощу и попрошу искупить свою вину перед отцом честностью и правдой. Но она не придет. Светлана не такая. А жаль.

Что же касается обид, то они до хорошего не доводят. Вспомнилось, почему отец снял Жукова с должностей Главнокомандующего Сухопутными войсками и замминистра Вооруженных Сил. Главная причина заключалась не в том, что Жуков присваивал себе разработку операций, к которым на самом деле не имел никакого отношения, и не в том, что он слишком вольно обращался с трофейным имуществом. Главной причиной стала обидчивость Жукова. Замечания, которые делал ему отец, Жуков обсуждал с другими, в частности с Василевским[163]. Не опытом делился, а именно что жаловался на то, как несправедлив к нему отец. Это-то его и погубило. Отец считал, что обижаются только слабые и неумные. Когда мне становится обидно, я вспоминаю вот эти слова отца: «Коммунистам некогда обижаться, им надо бороться и побеждать».

Глава 10
Хорошая и плохая инициатива

Инициатива бывает хорошая и плохая, нужная и не нужная. Отец не любил бездумного исполнения приказов. Я этого тоже не люблю. Бездумный исполнитель никогда ничего толком не сделает. Только все испортит. Особенно о дисциплине тоже забывать не следует. Я старался окружать себя людьми, которые четко понимают, где заканчивается инициатива и начинается дисциплина. На первый взгляд все просто. Обозначь границы «от» и «до» и требуй их соблюдения. Однако не все так просто. Как в воздушном бою. Без дисциплины бой непременно будет проигран. Без инициативы тоже. Я старался всячески поощрять инициативу летного состава. С двумя оговорками. Понимай, зачем, с какой целью ты это делаешь. И помни, что ты не один, что у тебя с товарищами общая задача. Не проявляя инициативы, не станешь настоящим летчиком. Вообще никаким специалистом не станешь. Я таким летчикам, которые не проявляли инициативы, советовал переквалифицироваться в вагоновожатые. Трамвай по рельсам ездит, остановки размечены. Думать не надо. Знай себе тормози да трогай. Тех, кто очень уж зарывался, осаживал. Тут тоже тонкость. Различать надо, когда летчик горяч и увлекается (сам такой) и когда он гонится за личным счетом. Горячность в бою на пользу, ее только правильно отмерять надо, как доктор лекарство. А вот из индивидуалистов, мы их еще называли «кустарями-одиночками», толкового летчика не воспитать, как не старайся. И гибли они чаще других. Одиночка в небе – легкая добыча. Жизнь штука сложная. И головой думать надо, и правила соблюдать. Как говорил Коля Гулаев[164], устав, помноженный на здравый смысл, равняется победе. Раз уж вспомнил про Колю, то расскажу одну историю. Коля – летчик, как раньше говорили, божьей милостью. Мы между собой звали его «вторым Чкаловым». Кроме того, Коля хороший товарищ, свойский, добродушный парень. Летом 44-го Колю, только что оправившегося от ранения в руку, и еще нескольких летчиков вызвали в Москву награждать. Коля тогда получил свою вторую Золотую Звезду[165]. После вручения наград, как и положено, устроили банкет. Ребята на радостях хорошо выпили. Вернувшись к себе в горкомовскую гостиницу[166], они по ошибке поднялись вместо второго этажа на третий. Зашли в «свой» номер, а там сидят посторонние люди. Мало того что сидят, они еще и уходить никуда не собираются. Ребята, несмотря на сопротивление, выставили нахалов в

коридор. Кому-то глаз подбили, кому-то нос расквасили, не без этого. Шум был большой, на всю округу. Администрация вызвала милицию. Разобравшись, ребята извинились за вторжение, предложили пострадавшим выпить мировую. На их несчастье, пострадавшие оказались турецкими коммунистами и очень обидчивыми людьми. Пить они отказались, извинений не приняли, нажаловались в ЦК. Мол, мало того что нас на родине преследуют, так еще и в Москве бьют. Турецкое посольство, закрыв глаза на то, что пострадавшие были коммунистами, которых в Турции жестоко преследовали, ухватилось за происшествие и попыталось раздуть дипломатический скандал. Разве капиталисты могут упустить случай лишний раз обвинить в чем-то Советский Союз? Турки ради того, чтобы скандал был погромче, были готовы объявить своих пострадавших земляков дипломатами. Закрыв глаза на то, что те на самом деле коммунисты. Посол обратился в наркомат иностранных дел к Молотову. Отцу о происшествии одновременно доложили из двух наркоматов[167] и из ЦК. Факт налицо, крыть нечем. Вломились наши летчики пьяные в номер к турецким товарищам и устроили там погром. Что спьяну – это не оправдание. Отец в таких случаях говорил одно: «Не умеешь – не пей». Сам он никогда не напивался. Веселел только немного. Отец поручил главкому ВВС Новикову наказать виновных. В таких вот случаях и проявляется истинное лицо человека. Наказать, конечно, следовало, но наказание наказанию рознь. Новиков был штабист, а не летчик. В авиацию он пришел командовать после академии. Оттого, наверное, и не понимал, что такое быть боевым летчиком. И ценности таких асов для фронта тоже не понимал. Выполняя приказ отца, Новиков перегнул палку. Пообещал перевести всех в штрафные части в пехоту. Такое наказание полагалось трусам, уклонявшимся от боя с противником. Оно означало верную смерть, потому что пехотинец из летчика никакой. Нас, конечно, в авиашколе учили окапываться и в атаку ходить, но учили чисто для проформы. Раз военный, то должен иметь представление. Наказание было слишком жестким, если не сказать жестоким. Ребята, в том числе и Коля, такого не ожидали. Думали, что в худшем случае снимут с них по звездочке[168]. Новости в авиации разносятся быстро, тем более такие. Пришлось мне обратиться к отцу и рассказать о том, что творит Новиков. «Я смотрю, что у вас в авиации круговая порука, один хулиган другого защищает», – сказал отец, намекая на мою прошлогоднюю рыбалку. Но особой сердитости я в его голосе не услышал и понял, что ребята в штрафбат не попадут. Началось дело неожиданно плохо, а закончилось неожиданно хорошо. Ничего ребятам не сделали,

даже выговоров не объявили. Только Коле, который почему-то считался зачинщиком, Новиков пригрозил. Сказал, что, пока он жив, Коле больше ни одной награды не видать, как своих ушей. Косвенно Новиков свое обещание выполнил или то было совпадение. Через полтора месяца Колю отправили учиться в академию, и на том война для него закончилась. Что же касается баланса дисциплины и инициативы, то именно их правильное сочетание помогло Коле одержать свою знаменитую победу на Пруте. Колина шестерка на подлете к нашим позициям разгромила группу вражеских бомбардировщиков, шедших под прикрытием. Превосходство в численности немцам не помогло. За считаные минуты было сбито 11 немецких машин, остальные успели удрать назад. 5 из этих 11 сбил Коля.

В мирное время баланс между дисциплиной и инициативой должен быть точно таким же, как и в военное. Некоторые из моих подчиненных проявляли ненужную инициативу. Старались сделать лучше, но на деле получалось хуже. Например, из-за неувязок и оттого, что каждый из исполнителей тянул в свою сторону, как крыловские лебеди[169], строительство спортивного центра Дома офицеров ВВС шло очень медленно, а потом и вовсе остановилось. У нового командования ВВС Московского округа так не нашлось средств на продолжение строительства. Так и стоит едва начатое дело. Я побывал в парке[170] после того, как освободился. Полюбовался на останки начатого мной строительства. Жалкое зрелище. Руины былых надежд, как сказали бы Пушкин или Горький. Спортивный центр мне припомнили в самом начале следствия. Представили так, будто я по своей прихоти впустую истратил 6 миллионов государственных денег. Можно сказать, выбросил на ветер. Незаконное расходование государственных средств мои следователи усматривали во всем. Попутно я испортил хороший парк, лишив жителей Ленинградского района любимого места отдыха. Разрушил старый кинотеатр, вырубил деревья с кустами, теперь на их месте яма с мусором. Правдой было лишь то, что идея строительства действительно принадлежала мне. Но я действовал не самоуправно, а по закону. Заручился согласием министра обороны Василевского и получил у Попова[171] место под строительство. То, что на время строительства парк был закрыт для посещения, было продиктовано необходимостью. Кто станет отдыхать рядом со стройплощадкой? Шумно, пыльно, опасно, детишки могут под самосвал угодить. Денег ушло много, но и строительство задумывалось большим, не копеечным. Допустил я там один промах, не уследил за инициативой подчиненных, которые за моей спиной от моего имени

договорились с генерал-полковником Белокосковым[172] насчет того, чтобы использовать под каркас здания центра демонтированный в Германии ангар. Разумное на первый взгляд решение. Используя уже имевшиеся в распоряжении министерства металлические конструкции, можно было сэкономить значительные средства. К сожалению, исполнители забыли пословицу: «За морем телушка – полушка, да рубль перевоз». Белокосков тоже об этом не подумал. Он очень уважал отца и был со мной в хороших отношениях. Не в притворно-хороших, до поры до времени, как Булганин, а по-настоящему в хороших. Потому и разрешил, не задавая лишних вопросов. Раз надо, так надо. Доставка ангара из Германии в Москву существенно задержала строительство и встала в копеечку. Разгрузка, доставка на стройплощадку и установка оказались весьма непростыми задачами, потому что ни у нас, ни в министерстве не было подъемных кранов достаточной мощности. Пришлось обращаться за помощью в Минтяжстрой[173] к Юдину[174]. Следователь представил так, будто я своим обращением сорвал какую-то важную стройку, которой позарез требовались эти краны. То, что в смете фигурировала «сборка металлоконструкций ангара», тоже вызвало придирки у следствия. Вот что ненужная инициатива делает. Впрочем, подчиненных своих я не виню и имен их не называю. Они хотели как лучше, а следствие и без этого нашло множество поводов для придирок. Свинья грязи найдет, было бы желание выслужиться. А задумка была хорошей – большой спортивный центр. Такой, каких еще не было[175]. «Чем ВВС лучше других видов войск?» – то и дело, спрашивали меня следователи. Я отвечал, что дело не в том, какой вид войск лучше или хуже. Подобная постановка вопроса звучит даже не провокационно, а попросту глупо. Дело в том, что моей жизнью была авиация. Дело в том, что я командовал ВВС Московского округа. Поэтому я занимался развитием спорта в ВВС, а не на флоте и строил дома для летчиков, а не для моряков. Как можно ставить в вину человеку, что он развивал то, чем руководил? Так можно спросить министра обороны, чем армия лучше милиции или медицины. Глупость, но при желании из любой глупости можно сделать дело. И плевать на то, что при мне строительство спортивного центра Дома офицеров ВВС худо-бедно продолжалось, несмотря на все сложности. «Заморозили» его уже после меня и нарочно ничего не строят на этом месте. Не иначе как хотят сохранить для потомков наглядный пример самодурства Василия Сталина, сына товарища Сталина. Сволочи! Другого слова я не подберу. Я и во время следствия их так назвал. И тех, кто дал указание сделать

меня виновным и осудить, и тех, кто это указание претворял в жизнь. Мои следователи старались на славу – сначала писали в протоколы то, чего я не говорил, а потом доводили до состояния, когда я ничего не соображал, и заставляли эту ложь подписывать. Старались, потому что знали, что если будут плохо стараться, то угодят под расстрел. Пример тому был[176].

Скажу о примерах. Я не для себя старался и даже не для ВВС, а для всего советского народа. Хотел, чтобы с меня, с ВВС брали пример. Пусть бы флотский спортивный центр построили, пусть бы Артемьев[177] для пехоты и артиллеристов финские домики строил. Разве плохо? Отец говорил, что коммунист должен служить примером для остальных. Я и служил. Не для себя старался, для народа. Мне самому немного было надо. Старался обходиться самым необходимым[178]. В этом отношении, конечно, Катя сильно «удружила» мне тем, что без моего ведома приказывала от моего имени моим адъютантам отбирать для нее что-то из трофейных вещей. Я про это и знать не знал, тем более что далеко не все из этого отобранного (если верить спискам, предъявленным мне во время следствия) оказывалось у нас дома. Я был загружен делами и на появление дома нового дивана или нового ковра особого внимания не обращал. Ну, купила Катя, и хорошо. Пусть радуется. Денег, которые я получал, хватало для того, чтобы делать крупные покупки, а отчета в расходах я с Кати никогда не спрашивал. Мне это казалось унизительным для нас обоих. Особенно с учетом того, что хозяйкой Катя оказалась рачительной, понапрасну денег не транжирила. Адъютанты мне тоже не докладывали о том, что они «добывали» для Кати, думали, что я и так знаю. Не утверждаю, но и не могу исключить того, что многое из указанного в списках уходило на сторону без Катиного ведома. Примерно так, как это случилось с генералом Серовым[179]. Адъютант генерала производил разные «дипломатические махинации» за спиной своего начальника, прикрываясь его именем. Счет имущества, присвоенного этим ловким хапугой, шел, насколько мне известно, не на вагоны, а на целые составы. Серов проходил по трофейному делу, но следствию удалось вменить ему в вину лишь мраморный камин, перевезенный из особняка гросс-адмирала Редера[180] в московскую квартиру Серова. Отец решил, что камин можно считать трофеем и приказал Абакумову[181] оставить Серова в покое. Жукова он тоже приказал не трогать. Только снял с главкомов и отправил в Одессу[182]. Помнят ли они сейчас отцовскую доброту? Наверное, помнят. Должны помнить. Сам Абакумов, кстати говоря, тоже был хорош гусь. Впоследствии выяснилось, что он присвоил трофейных ценностей больше чем

на полмиллиона рублей. Но больше всего отца возмутило то, что Абакумов переселил из дома в Колпачном переулке 16 семей, для того чтобы устроить там личный особняк. «Ишь, генерал-губернатор выискался!» – сказал отец. На ремонт и обстановку особняка из министерских средств было истрачено более миллиона рублей. В марте 50-го Абакумов приказал сжечь бухгалтерские документы, имевшие отношение к его особняку. Прятал концы в воду, да не все спрятал.

Абакумова и его шайку мне было не жаль – заслужили. Абакумов мне никогда не нравился. Он был невероятно заносчивым, глупым и к тому же удивительно необразованным для министра. Кичился тем, что окончил всего четыре класса училища[183], а до остального дошел своим умом. Не знаю, до чего он там дошел, но он ничем, кроме свой карьеры, не интересовался, не читал книг, не бывал в театрах. Когда я однажды спросил у Абакумова, видел ли он «Чужую тень»[184], которую недавно поставили в МХАТе, он рассмеялся и сказал, что у него эти чужие тени «целыми табунами» за решеткой сидят. Кажется, он так и не понял, о чем шла речь. Жаль только, под шумиху, поднятую вокруг дела Абакумова, врагам удалось очернить в глазах отца такого преданного ему человека, как Власик. В чем его только не обвиняли. И в систематическом пьянстве с агентом иностранных разведок. И в расшифровке перед этим агентом сотрудников госбезопасности, ведущих его разработку. И в краже секретных документов. И в недонесении о заговоре. И в хозяйственных злоупотреблениях. Изворачивались, как могли, и сумели все же обмануть отца. Ума не приложу, как им это удалось, но ведь удалось же. Отец не был легковерным. Он всегда проверял информацию, прежде чем принять решение. Особенно если то была информация, порочившая человека из его ближайшего окружения. Думаю, что залог успеха врагов заключался в их многочисленности и слаженности их действий. Представили отцу ложную информацию и полностью ее «подтвердили». Кое о чем мне известно со слов очевидцев, людей, не доверять которым у меня нет причин. Обвинение Николая Сидоровича в краже секретных документов было организовано следующим образом. После одного из заседаний Бюро[185] на кунцевской даче Власик, в обязанность которого входил осмотр помещений до и после заседания, нашел на полу лист стенограммы. Власик решил, что лист был утерян случайно. Сунул его в карман, чтобы отдать в секретариат, но на выходе был остановлен людьми Игнатьева[186], нового министра МГБ. Найденная в кармане стенограмма была представлена как украденная. Объяснений Власика никто не слушал. Лежала в

кармане, значит – украл. «А что я должен был делать? – удивлялся он. – Стрелять в потолок и звать на помощь?» Обвинение в краже полной стенограммы еще как-то звучало. Но украсть всего один лист, от которого ни никакой пользы, мог только полный идиот. А Власик таковым не был. Но к этому обвинению добавили кое-какие слова, которые якобы были сказаны им при обыске, и в таком виде доложили отцу. Отец поверил, отстранил Власика и отправил его заместителем начальника лагеря куда-то на Урал[187]. Но враги на этом не успокоились. Не мытьем, так катаньем. В декабре 52-го они «прицепили» Власика к делу врачей[188]. Не тех отравителей опасался отец! Не тех! Дело врачей раздули намеренно, чтобы убрать от отца преданных ему людей, усыпить его бдительность и замаскировать свои подлые происки. То, что это дело было сфальсифицировано врагами отца для прикрытия, неопровержимо доказывает тот факт, что сразу же после отцовской смерти оно было прекращено, всех обвиняемых выпустили и восстановили в прежних должностях. Зачем городить огород дальше, если необходимость в нем уже отпала. Если бы врачи, проходившие по этому делу, были виновны, то их бы осудили и после смерти отца. Ворошиловская амнистия[189] таких не касалась.

Грызет меня мысль – неужели убийцы моего отца так и не будут наказаны? Неужели правда больше никогда не восторжествует? Не хочу, не могу в это верить! Надеюсь, что если не советский суд, то хотя бы суд истории воздаст убийцам по их подлым «заслугам»! Одно обстоятельство несказанно радует меня и придает мне уверенности. То, что ренегатам и очернителям не удалось убедить в своей правоте весь социалистический мир. Руководители Китая, Кореи[190], Албании и Югославии не пошли на поводу у предателей. Эти честные коммунисты сурово осудили посмертную расправу над Великим Вождем трудящихся всего мира. Подкуп и угрозы не смогли поколебать их, потому что честные люди ценят правду превыше всего. Настанет день, когда мне не придется так, как сейчас, писать, уединившись, и прятать написанное от чужих глаз. Я смогу выступить с трибуны и заклеймить предателей о всеуслышание. Громко, на весь мир. Я знаю, что такой день настанет. Несмотря на пережитое, на память я не жалуюсь. Я помню все. Я ничего не забыл и не забуду. И я приложу все силы для того, чтобы справедливость восторжествовала, не будь я Василий Сталин, сын Вождя! Люди мне поверят. Я знаю, что поверят. Потому что я говорю правду и потому что я не отрекся от моего отца. Я никогда никого не предавал и не менял своих убеждений, в зависимости от того,

куда подует ветер. Я всегда шел и летел не по ветру, а туда, куда считал нужным. Я уверен, что смогу сказать правду об отце громко, на весь мир. А если вдруг не удастся, такую возможность я, несмотря на свою уверенность, полностью исключить не могу, то пусть потомкам останутся эти мои записки. Уверен, что имя Сталина еще воссияет! Очень обидно, что китайцы с албанцами чтут память отца, а у нас его позабыли. Один человек из аппарата ЦК, чье имя я здесь называть не стану, шепнул мне по секрету, что уже который год рассматривается вопрос о выносе тела отца из Мавзолея и его захоронении на Новодевичьем кладбище[191]. Они надеются, что таким образом смогут заставить народ забыть товарища Сталина. Наивные ничтожества! Память о Сталине в Днепрогэсе и в Магнитке. Память о Сталине в победе над фашистами. Память о Сталине в его великих делах, а не в умах жалкой кучки предателей, подлостью и обманом захвативших власть.

К Китаю у отца всегда было особое отношение. В китайцах он видел самых близких сподвижников. Антимонархическая революция в Китае произошла раньше, чем в России, в 1911 году. Сунь Ятсен[192] был передовым человеком, желавшим добра своему народу, но он не был коммунистом и потому не смог повести за собой народные массы. Ведущую роль коммунизма Сунь Ятсен понял слишком поздно, в конце жизни. Коммунистическая партия Китая была создана без его участия, и поначалу она была не столько коммунистической, сколько националистической. Вдобавок руководство партии недооценивало важность союза с крестьянством, главной силой в Китае, где промышленность была развита очень слабо. Зиновьев, руководивший Коминтерном, провалил работу в Китае. Троцкий, делая вид, что помогает ему, на самом деле вредил. Вместо того чтобы объединить все передовые силы Китая под знаменем Коммунистической партии, он пытался столкнуть их друг с другом. Отец, как мог, препятствовал этому, но в первой половине 20-х годов влияние Троцкого было значительным. Отец обращал внимание китайских товарищей на необходимость тесного союза с крестьянством и предостерегал китайцев против гражданской войны. Гражданскую войну отец считал злом и очень жалел о том, что после Октябрьской революции в России возникло противостояние. «Оголтелых было мало, – говорил он, имея в виду сторонников монархии и буржуазии. – Больше было обманутых и тех, кто пошел на поводу». Троцкий настаивал на обострении обстановки в Китае, отец с ним не соглашался, считая такой подход преждевременным. По словам отца, Троцкий был неплохим тактиком, но никудышным стратегом, которому не

хватало ни терпения, ни дальновидности. Ради сиюминутных выгод он был готов пожертвовать перспективой, отдать молодую компартию Китая на растерзание антикоммунистам. Отец понимал важную роль Китая на Дальнем Востоке и всегда противопоставлял его империалистической Японии, извечному врагу Российской империи и СССР. Помню, с какой радостью приветствовал отец в 49-м образование Китайской Народной Республики. «Теперь половина мира стала социалистической», – сказал он. В декабре 49-го товарищ Мао[193] приехал в Москву на юбилей отца. Ему был оказан самый теплый прием. Товарищ Мао очень походил на отца. Был, как и отец, простым в общении, но за этой простотой чувствовалась большая внутренняя сила, сила настоящего коммуниста. Сын товарища Мао[194] воспитывался в Советском Союзе, воевал с фашистами. Узнав, что я тоже воевал, товарищ Мао долго расспрашивал меня о войне. В конце нашей беседы он пригласил меня посетить Китай и сказал, что китайцы очень признательны советским летчикам за их помощь в борьбе с японским империализмом[195]. Товарищ Мао вспомнил добрым словом генералов Полынина[196] и Мачина[197], сказал, что китайский народ их никогда не забудет. Я сказал, что знаю обоих. В Берлинской операции участвовали 5-й истребительный авиакорпус генерал-майора Мачина и польские летчики, которыми командовал генерал-лейтенант Полынин. Отец по этому поводу пошутил, что это напомнило ему родную Грузию. Стоит только разговориться двум грузинам, как у них непременно найдутся общие знакомые. Мао сказал, что на его родине тоже все друг с дружкой знакомы и чем скорее коммунисты всего мира перезнакомятся и сплотятся, тем скорее они победят. Расстались мы друзьями.

В семьдесят лет отец был бодр и выглядел молодо. На вид ему нельзя было дать больше пятидесяти. Он был бодр, крепок, деятелен. Казалось, верилось, что впереди у него еще много лет жизни. Я не мог предположить, что всего через четыре с половиной года отца не станет. Да и сам он не предполагал такого, строил планы на десять-пятнадцать лет вперед. Как жаль, что этим планам не суждено было сбыться…

Я побывал в Мавзолее на следующий день после своего возвращения в Москву. Мое появление на Красной площади вызвало небольшой переполох среди сотрудников Шестого управления[198]. Я думал, что меня не пустят к отцу, но меня пустили. Правда, за мной перекрыли доступ, так что я смог провести в Мавзолее четверть часа в одиночестве. В условном одиночестве, потому что одного меня там не оставили. Был караул и несколько товарищей в штатском. Товарищи вели себя

очень деликатно. Рассредоточились по углам и стали незаметными, слились со стенами. Глядя на отца, я вспомнил 6 марта 53-го года, Колонный зал Дома Союзов. Вспомнил, как нескончаемым потоком шли люди, как Булганин постоянно косил глазами в сторону, будто не мог смотреть на отца, а у Хрущева то и дело дергалась щека. А Молотов и Маленков все время переглядывались и переминались с ноги на ногу. Видно было, что они ждут не дождутся окончания траурной церемонии. Когда-то Молотов был соратником Зиновьева. Отец никогда ему этого не вспоминал, считал верным товарищем, преданным делу революции. А при желании мог бы и вспомнить. Маленкова по рекомендации Кагановича вывел в люди отец. «Старательный товарищ», – говорил отец о Маленкове. В годы войны Маленков шефствовал над авиационной промышленностью. Только расположение отца спасло его от суда по «авиационному делу». Отец счел, что Маленков слишком много на себя взвалил, потому и не обеспечил должного контроля за выпуском самолетов. Маленков всего лишь был выведен из состава Секретариата ЦК, а мог бы пойти под суд. Очень скоро он вернул себе расположение отца. Для меня всегда было загадкой, чем этот ничем не выдающийся человек, лишенный всяческих талантов, мог понравиться отцу. Старательностью? Или просто остальные были еще хуже? На безрыбье и рак рыба? Загадка, на которую уже никогда не получить ответа. Как не удалось получить ответа на вопрос о том, кто в 42-м подготовил покушение на отца. Враги действовали умно. Выбрали психически больного человека, который по какому-то недосмотру оказался в армии. Общались с ним через подставных лиц, чтобы не оставить следов. Сколько ни бились следователи, никакой полезной информации им узнать не удалось. Покушавшийся твердил одно – приходил к нему полковник Иванов, пехотинец, среднего роста, шатен, с усами и шрамом на левой щеке. Разговаривал по душам, ругал Сталина, предложил убить. За это обещал золотые горы и все прочее, что в сказках дуракам обещают. Дураку повезло – по недосмотру охраны он сумел встать у Лобного места, якобы на пост. Всем отвечал, что прислан на усиление. Дело было накануне праздника[199], поэтому ему поверили. Боец как боец, документы в порядке. Да и кто мог подумать, что средь бела дня можно устроить такое. Он ошибся и обстрелял из винтовки машину Микояна. Чувствовалось, что его инструктировали хорошо. Одиночную машину Калинина[200] он пропустил, знал, что Сталин на одной машине не ездит. Дождался, пока поедут сразу несколько, тогда и начал стрелять. Калинин после очень волновался, как бы на него чего не подумали, раз он проехал

беспрепятственно. Но на него не думали. Когда стало ясно, что толковых показаний от покушавшегося не добиться, понадеялись на то, что он сможет опознать «полковника Иванова». Ясно было, что никакой тот не полковник и не Иванов и что усы со шрамом у него фальшивые. Но оставался голос, рост, жесты, по которым можно было опознать человека. Не было уверенности в том, что это за заговор – сугубо внутренний или поддерживаемый немцами, но ясно было, что «полковник Иванов» кто-то из своих. Целых восемь лет надеялись, что покушавшийся кого-то опознает, что-то вспомнит, профессора им занимались, а когда поняли, что это бесполезно, расстреляли[201].

В 55-м году, до суда, ко мне приезжал помощник Маленкова Суханов. К тому времени все уже поняли, что я не собираюсь отрекаться от отца. Заставить меня подписать состряпанную фальшивку они не могли. Никто бы не поверил, что я подписал ее по своей воле. Им нужно было другое. Нужно было, чтобы я выступил публично. Чтобы я принародно обвинил отца во всех «преступлениях», которые эти негодяи ему приписали. Когда поняли, что силой им меня не сломить, решили сломить посулами. Ко мне много кто приезжал, сам Маленков тоже наведывался, но никто не искушал меня так умело, как Суханов. Отвели меня в баню, выдали чистый гражданский костюм, привели в незнакомый кабинет, где за столом, накрытым по всем правилам, меня ждал Суханов. Водочки мне налил даже. Я бы с ним пить не стал, понимал, что неспроста, но он провозгласил первый тост за товарища Сталина. Как тут не выпить. Выпили, закусили и начал Суханов меня обольщать. До этого все посетители, включая и Маленкова, только пугали. Признавайся, такой-растакой, а то расстреляем. А я знал, что они меня не расстреляют. Я им был нужен живой. Как Тельман Гитлеру. Тот все надеялся, что Тельман сдастся и выступит в его поддержку, потому и держал в тюрьме больше десяти лет. Расстреляли бы меня – народ сказал бы: «Вот, отца отравили, сына расстреляли». Уверенности в себе врагам мой расстрел не добавил бы. Им нужно было, чтобы я переметнулся бы на их сторону. Суханов же поступил иначе. Сначала посокрушался, что я такой молодой, а жизнь свою загубил. На это я ответил, что жизнь мою я не губил. Это кто-то другой хочет меня погубить. А он мне заявляет, что все еще можно исправить. Вплоть до того, что дело прекратят, меня выпустят, восстановят в звании, работу дадут. От меня требуется только одно – осудить «преступления» отца, поддержать Хрущева с Маленковым. «Будет съезд по этому вопросу, и на нем вы должны выступить», – сказал Суханов. И добавил, что тем, кто признает свои ошибки и исправляет их, Советская власть

оказывает снисхождение. Мол, все понимают, что сын за отца не ответчик и так далее. А мне за сговорчивость будет награда. Я для интереса спросил, какую работу они мне собираются дать. Понимал, что в ВВС меня ни за что не вернут, потому что к самолетам меня и близко подпускать нельзя, вдруг улечу за границу. Но наобещать могут все, что угодно. Язык он без костей. «Вас возьмут в отдел пропаганды и агитации ЦК, заместителем заведующего, – ответил Суханов. – Там как раз сейчас кадровые перестановки». Такому предложению я вполне мог поверить. Во всяком случае, выглядело оно логичным. Буду я в ЦК, под неусыпным присмотром, но вроде бы на «хорошей» должности. Когда я отказался, Суханов не закончил разговор. Просто сменил тему. Стал рассказывать о том, как изменился Советский Союз за то время, пока я сидел в тюрьме. Послушать его, так просто райская жизнь началась. Я ему не верил, и правильно делал. После освобождения я первым делом прошелся по магазинам. Впечатление было совсем не то, что в 53-м. Товаров поубавилось, очередей много. Десять лет назад было лучше. Как с продуктами, так и с промтоварами. Отец при его огромной занятости находил время для того, чтобы присматривать за торговлей. Не только в Москве, но и по всей стране. Отец стремился к тому, чтобы трудящиеся ни в чем не испытывали бы недостатка. При отце советские рабочие не бунтовали, и солдатам не приходилось в них стрелять[202]. Люди, которые чувствуют заботу о себе, бунтовать не станут. Трудности были и при отце. Но они были оправданными, объективными. Трудности были обусловлены текущим моментом, а не чьим-то разгильдяйством и пренебрежением к людям. Люди все понимают. «Человека обмануть можно, народ нельзя», – говорил отец.

Возражать Суханову я не стал. Понимал, что он еще не все сказал, и ждал, когда он снова заговорит о деле. Соглашаться на посулы я не собирался, просто было любопытно, что он еще скажет. Суханов долго заливался соловьем. Когда закончил, насупился и сказал, что из-за моего упрямства могу пострадать не только я, но и мои дети. Я опешил от такой подлости – при чем тут дети? Но сказал, что решения своего не изменю, потому что тогда своим детям в глаза смотреть не смогу. Суханов поморщился и сказал, что при таком упорстве я из тюрьмы никогда не выйду. На том разговор и закончился. Больше меня никто не уговаривал. Осудили, дали восемь лет и сделали вид, что забыли обо мне. Но я знал, что никто обо мне не забыл. Так оно и вышло. А про Суханова я на днях узнал, что его осудили за присвоение облигаций, изъятых при обыске у Берии[203]. Не грози другому тюрьмой, сам туда попадешь. Думаю, что ему, такому

холеному да вальяжному, на нарах пришлось несладко.

Возвращаюсь к вопросу об инициативе. В тюрьме я никакой инициативы не проявлял. В каком-то смысле можно сказать, что сидел сложа руки, хотя на самом деле работал. Поняв, что участь моя решена в Кремле и не зависит ни от моих показаний, ни от моего поведения, я решил набраться терпения и ждать. Любая инициатива, проявленная в то время, обернулась бы против меня. Да и что я мог сделать? Объявить голодовку? Кормили бы насильно через шланг. Да и глупость это, а никакой не протест. Истерика. Отец рассказывал, что говорил Камо: «В тюрьме надо хорошо кушать, чтобы силы были убежать, а не голодать». О голодовке, как и о том, чтобы покончить жизнь самоубийством, у меня и мыслей не было. Это не по-коммунистически, не по-Сталински, не по-мужски. «Жди, Василий, – сказал я себе. – Наберись терпения и жди. Твое время придет».

Я верил, что мое время придет. Выстоять мне помогали воспоминания. Воспоминания об отце, воспоминания о моих любимых женщинах и детях, о моих товарищах, обо всем, что осталось по ту сторону забора. Вдохновившись рассказами отца, я подумывал о побеге. Но шанса на побег у меня не было. Стерегли меня все эти годы очень бдительно. Побоялись отправить в лагерь, держали во Владимирском централе. Никакой инициативы не хватило бы для того, чтобы убежать оттуда при таком надзоре, какой был за мной. Да и опыта нахождения на нелегальном положении у меня не было. Если бы даже удалось убежать, то очень скоро меня взяли бы. Угадать, куда бы я в итоге явился, было несложно[204]. Выбора у меня не было. Границу с моей ногой не перейти, да и охраняются границы хорошо. Угнать самолет мне бы тоже не удалось. Так что вычислить мой маршрут после побега не составляло труда. Нельзя было считать, что у меня есть даже маленький шанс. Поэтому я ждал. Работа тоже помогала. За работой время идет быстрее. Работа и воспоминания. После суда стало полегче. Меня оставили в покое. Не таскали на допросы и очные ставки. Началась размеренная жизнь. Если существование в тюрьме можно назвать «жизнью». Говоря «в тюрьме», я имею в виду неволю вообще. Недолгое время, проведенное в госпитале, тоже было тюрьмой, потому что лежал я в одиночке и ко мне, кроме медиков, никого не пускали[205]. В палате постоянно присутствовал дежурный. Что бы я ни делал и что бы со мной ни делали, дежурный не отворачивался – наблюдал. Но тем не менее некоторые медики к своим обычным словам ухитрялись добавить шепотом что-то ободряющее или полезное. Одна из сестричек сказала, что ее отец служил у меня в дивизии и передает мне привет. Другая шепнула

мне, что меня решено «выписать» раньше, чем это сказал врач. Она, как я догадался, намекала на то, чтобы я пожаловался на ухудшение самочувствия и тем самым продлил бы свое пребывание в госпитале. Но я так делать не стал. Такое притворство не в моих привычках. К тому же мне хотелось как можно скорее покинуть госпиталь. Невыносимо было слышать шум вольной жизни. Палату мою полностью изолировали от отделения, но звуки сюда все равно доносились. Эти звуки будоражили душу и искушали убежать, хотя я понимал, что убежать не удастся. Охрана моя была организована хорошо. Один человек в палате, как минимум двое за дверью, под окном, несмотря на то что на нем была решетка, тоже кто-то ходил. Думаю, что выходы из отделения и из корпуса тоже были перекрыты. Медсестра однажды сказала дежурному не помню уже по какому поводу: «У нас сейчас здоровых больше, чем больных». «У нас» – это в отделении. Надо было понимать так, что охраны моей было больше, чем больных. Примерно так оно и было, с учетом того, что и смена находилась рядом. Дежурного в палате сменяли каждые восемь часов. Если ему надо было выйти, он подзывал кого-то снаружи на замену. Лежать было скучно, газет мне не давали, радио слушать не разрешали. Приносили книги из госпитальной библиотеки, но все не то, что я просил. Попросил Горького, принесли Некрасова. Попросил «Разгром» Фадеева, принесли пьесы Островского. Непонятно – нарочно издевались или просто те книги, что я просил, были на руках и мне вместо них приносили что придется. От скуки я пытался завести разговор с охранниками, но на такой важный пост ставили хорошо подготовленные кадры. Охранники молчали как рыбы и жестов никаких не делали. Вообще никак не реагировали на мои слова. Очень неприятное состояние, когда ты пытаешься завязать разговор, а тебе не отвечают. Я быстро бросил это занятие. А то еще они могли подумать, что я перед ними заискиваю, пытаюсь зачем-то добиться их расположения. Должен сказать, что, за исключением некоторых следователей, все, с кем я имел дело в заключении, обращались со мной уважительно. У многих и сочувствие во взглядах проглядывало. Люди понимали, за какую «вину» я арестован. Они все понимали и все помнили. Можно оклеветать товарища Сталина с высокой трибуны, с трибуны съезда партии, но нельзя стереть народную память. Очень человечным показал себя начальник Владимирской тюрьмы[206] полковник Дедин[207]. Он распорядился, чтобы в моей камере покрыли пол досками, для тепла. Кроме тепла они долго радовали меня моим любимым запахом свежего дерева. В тюрьме начинаешь ценить то, на что на воле не обращал внимания,

воспринимал как данность. Дедин поступил так по своему желанию, без какой-либо просьбы с моей стороны. Я и не думал, что такое возможно. Все проверяющие, которые ко мне приезжали, хмыкали при виде дощатого пола, но никаких мер по этому поводу не принимали. Этот пол был не моей «привилегией», а проявлением хорошего отношения ко мне со стороны тюремной администрации. Причем проявлением бескорыстным, потому, что у администрации не было никакой заинтересованности во мне. Они бы, конечно, предпочли, чтобы я отбывал свое «наказание» в каком-то другом месте, но, коль уж меня отправили к ним, обращались со мной хорошо. Заместитель Дедина по оперативной работе Давид Иванович Крот разрешил мне заказать с воли инструменты для слесарной работы. Он понимал, что мне надо чем-то себя занять. Опять же, польза от меня была. Скажу без ложной скромности, что я неплохой слесарь. А в таком большом хозяйстве, как Владимирская тюрьма, работа для слесаря всегда найдется. Слесарил я с огромным удовольствием. Если человек по своей натуре технарь, как я, то слесарное дело непременно придется ему по душе. Слесарному и токарному делу я научился еще в юности. Столярить тоже могу, но не особо люблю. Люблю только запах стружки, свежего дерева. А так рубанку предпочитаю напильник. Я же Сталин.

«Где бы ты ни оказался, ищи настоящих людей и опирайся на них», – учил меня отец. Я так и делал. Настоящих людей в тысячи раз больше, чем ненастоящих, подлых. В этом я убедился на своем опыте.

Глава 11
О разном

«Ну вот», – сказал отец, когда началась война в Корее. Я понял его слова так – ну вот и пришло время повоевать с американцами. Недолго союзники оставались союзниками. Нет смысла объяснять, сколь важное стратегическое значение имеет для нашей страны Дальний Восток. Только вот утвердиться там по-настоящему, как следует, мы смогли только в 45-м, после разгрома Японии. Разумеется, американцам это не могло понравиться. Как не могло понравиться и то, что Азия повернулась к социализму. Уже в 48-м году было ясно, что в Корее будет война. Ситуация, в которой один народ разделен надвое, неправильна. То же самое было у нас с Украиной, Белоруссией, Молдавией. Было ясно и другое, что чем дальше, тем сильнее американцы укрепятся на Корейском полуострове и тем труднее будет выбивать их оттуда. «Осталось немного, – думали все, глядя на карту. – Поднажать – и спихнем американцев в океан». Многим задача казалась очень простой, но отец не разделял этих «победоносных» настроений. Напоминал горячим головам (в том числе и мне), с каким трудом в 20-м году выбивали Врангеля из Крыма. А ведь тогда было проще. Белая армия была деморализована, солдаты массово переходили к красным или просто дезертировали, иностранные капиталисты все меньше и меньше поддерживали Врангеля, потому что понимали, что бросают деньги на ветер. Но тем не менее повозиться пришлось изрядно. Так что не стоило рассчитывать на легкую победу в Корее. Отец понимал, что американцы и корейская буржуазия не уступят ни пяди земли без серьезного сопротивления. Долго ждать было нельзя еще и потому, что американцы точили зубы на коммунистическое корейское государство. Не хотелось, чтобы они ударили первыми и застали нас врасплох. Нельзя забывать, что у американцев с 45-го года была атомная бомба. Вскоре она появилась и у нас[208]. Воевать не хотелось. Слишком уж свежа была память о недавно закончившейся войне. Раны еще не затянулись. Но выхода у нас не было. Американцы с самого начала повели себя в Корее непорядочно. В декабре 45-го с американцами и англичанами была достигнута договоренность о том, что Корея будет единым государством. Но в мае 48-го, американцы устроили марионеточные проимпериалистические выборы в Южной Корее и привели к власти реакционный режим Ли Сын Мана. Это был

прямой вызов.

Получив приказ о подготовке пилотов для выполнения особого задания, я оценил важность задачи и решил не поручать этого дела кому-то из заместителей, а заняться им лично. Нашим летчикам предстояло сражаться на реактивных самолетах. Новая техника, новый подход, новая тактика. Приходилось идти непроторенным путем, доходить до всего своим умом. Опыта не было, опыт формировался в процессе овладения реактивной техникой. Я старался одним из первых осваивать новые самолеты. Не только для того, чтобы подать пример личному составу, но и для собственного удовольствия. Никогда не забуду свой первый полет на МиГ-15. Совсем другое ощущение. Летишь и осознаешь, что авиация поднялась на новый уровень. На должности командующего ВВС округа легко превратиться в «кабинетного» летчика. Дел столько, что совсем не до полетов. Становиться «кабинетным» летчиком я не хотел, поэтому летал постоянно. Не в похвалу себе, а просто для сведения всем, кто не имеет отношения к авиации, скажу, что освоение новых машин – дело весьма серьезное и опасное. Не один летчик-ас разбился на незнакомой или плохо знакомой машине. Напутствуя личный состав перед вылетом на новых самолетах, я всегда рассказывал, как разбился на Ла-5 мой товарищ Миша Лепина. Миша был очень хорошим и очень опытным летчиком. В 43-м во время учебного полета Мишин самолет попал в плоский перевернутый штопор. Мише не удалось его выровнять.

Я просил отца отпустить меня в Корею, но он отказал. Сказал, что мое место здесь, в Советском Союзе. Мне очень хотелось помочь нашим корейским братьям и хотелось драться с врагом на МиГ -15. Я в полной мере оценил боевые качества этой замечательной машины. Хотелось проверить их в деле. Испытать новый самолет и себя. У каждого человека есть предел возможностей, практический потолок[209]. Мне хотелось убедиться в том, что своего практического потолка я еще не достиг. Ни как летчик, ни как командир. Став командующим ВВС Московского округа, я начал задумываться о том, как бы я хотел, точнее, как бы мог завершить свою военную карьеру. И так, и сяк прикидывал, «примеривал» себя к разным должностям. В результате понял, что смогу, наверное, командовать всеми ВВС страны, а вот выше уже не потяну. Выше уже надо быть штабистом, стратегом, а я больше летчик и организатор, нежели стратег. Могу участвовать в разработке крупных операций, но руководить разработкой вряд ли возьмусь. И вообще, там, где заканчивается авиация, заканчивается и мой интерес. Говорю об этом откровенно, не таясь. Возможности свои привык оценивать

правильно, так, как есть. Пишу здесь об этом не просто так, а к разговору, который состоялся у нас с отцом в мае 49-го, сразу же после того, как мне было присвоено звание «генерал-лейтенант авиации». Помню номер постановления – 1880. «Два пропеллера в десятке» – подумал я, когда читал постановление. Так номер и запал в память, хотя на цифры у меня память и не очень хорошая. Отец поздравил меня и пошутил, что до маршала мне теперь рукой подать, и стал расспрашивать про то, как идет моя служба. Он не просто интересовался, как и что. Спрашивал подробно, вникал в детали. Про то, что я уже успел сделать спрашивал и про мои дальнейшие планы. Я сразу понял, что этот разговор отец завел неспроста. Обычно он спрашивал: «Ну, как идет служба? Знаю про твои подвиги…» В зависимости от того, отличился я или допустил какую-то оплошность, слово «подвиги» могло звучать по-разному, одобрительно или иронично. Долго мы говорили. Потом отец помолчал, раскурил трубку и спросил, не думаю ли я о переходе на партийную работу. Причем так спросил, что было ясно, что он интересуется моим мнением. Иногда подобные вопросы задавались отцом чисто для проформы, решение уже было принято. Но я по голосу отца и по его взгляду понял, что сейчас он решения еще не принял. Даже советовать ничего не собирается, просто спрашивает. Я честно признался, что никогда не думал о партийной работе. «Так уж и никогда?» – прищурился отец. Когда он прищуривался, взгляд у него становился пронзительным. Трудно выдержать такой взгляд. Я решил обратить дело в шутку. Сказал, что в детстве, заходя на даче в отцовский кабинет, я иногда мечтал о том, как вырасту и буду с серьезным видом сидеть за столом и работать. Отец тоже пошутил в ответ. Сказал: «Так вот, оказывается, каким было твое настоящее призвание». А потом сказал, что он спрашивает не про сегодняшний день, а вообще. Не чувствую ли я в себе силы для партийной работы. Я ответил, что силы для работы у меня есть, но есть ли данные – это еще вопрос. «Данные есть, – сказал отец, – иначе бы и говорить было не о чем. Ты умеешь руководить, заботишься о людях, тебя уважают…» Было очень приятно слышать такие слова от отца. Но я сказал, что не мыслю своей жизни без авиации и в ВВС принесу родине больше пользы, чем на партийной работе. «Такая постановка вопроса говорит о том, что для этой работы ты еще не созрел», – сказал отец, и на том разговор закончился. Я так и не узнал, о какой именно работе шла речь. Да и не хотел узнавать, если уж говорить честно. Вне авиации, вне армии я себя не видел. До сих пор не могу привыкнуть к тому, что меня разлучили с небом. Надежда помогает мне выстоять.

В отношении выдвижения на партийную работу у отца было одно железное правило, которое он сам соблюдал неукоснительно и от других требовал того же. Отец считал, что на партийную работу можно выдвигать лишь тех, кто уже смог проявить себя, показал свои способности, доказал свою преданность делу коммунизма. Таким образом, интерес отца к тому, не подумываю ли я перейти на партийную работу, был завуалированной похвалой. А для меня не было награды выше, чем похвала отца. Тем более что хвалил он нечасто. Помню, как радовался я, когда получил свой первый орден Боевого Красного Знамени. Но отцовское: «Молодец, Василий» – обрадовало меня в сто раз больше.

О людях я действительно заботился, что на следствии стали расценивать как попытки заработать ложный авторитет путем разбазаривания государственных средств. Если охотничье хозяйство в Ярославской области можно было счесть «излишеством», то уж дома для офицеров к ним отнести было нельзя. Но всякий раз выходило, что средства, которые я истратил, позарез были нужны в другом месте и из-за моего «самодурства» была сорвана или затянута какая-то важная стройка. «Есть ли стройка важнее, чем дома для офицеров-летчиков, защищающих с воздуха столицу Советского Союза?» – спрашивал я у следователей. Это же военные летчики! Они управляют военными самолетами! Несут боевое дежурство! Выспаться после него они могут в человеческих условиях? Отдохнуть могут? Я же не дворцы строил, а обычные недорогие домики. Когда у следователей кончались возражения (нельзя же все время дураками прикидываться), они доставали свой последний «козырь» – охотничье хозяйство. «Свыше пятидесяти тысяч гектаров, – бубнили они, явно считая, что бывают охотничьи хозяйства в полгектара. – Три особняка выстроили, железную дорогу проложили, зверей свозили со всего Советского Союза, самолеты туда гоняли, как таксомоторы, только для себя, больше никого не пускали…» А что на самом деле? На самом деле там был полигон ВВС, который после войны утратил свое значение. Полигон есть полигон. Удаленное место мало для чего пригодно. Появилась мысль сделать там охотничье хозяйство. По сути говоря, исправить тот вред, который мы нанесли природе, устроив там полигон. Три особняка на самом деле были финскими домиками. Называть их «особняками» все равно что муху птицей именовать. Железную дорогу мы не прокладывали. Железная дорога там уже была. Узкоколейка. Ее только чуток подремонтировали, и все. «Звери, свезенные со всего Советского Союза» – это двадцать оленей и бобры с куропатками. Из-за

полигона живности вокруг было мало. Звери не любят жить рядом с самолетами. Вот я и решил это исправить. Вернуть лесу первозданный вид. Наладил охрану, егерей, чтобы не было браконьерства. Пришлось организовать управление, которое управляло охотничьим хозяйством, во главе с капитаном интендантской службы. Сотрудников там было мало, по пальцам их можно было пересчитать. Невозможно же иметь подразделение или объект, у которого нет своего управления. Самолеты, как таксомоторы, никто, разумеется, не «гонял». Мои следователи были далеки от авиации и не понимали, что такое боевая машина и кто и как может ею распоряжаться. Сам я прилетал туда на самолете, но в этом не было никакого нарушения. Как командующий ВВС округа, я имел свой самолет. Да что там говорить! Следователи пытались вменить мне в вину то, что я выделил для охотничьего хозяйства автомобиль с радиоустановкой. А как же иначе? И мне, и другим посетителям хозяйства могла понадобиться экстренная связь с Москвой. Странно было бы, если бы я этого не сделал. То, что пользовался охотничьим хозяйством только я, тоже было чушью. Я предлагал следователям навести справки у первого секретаря Ярославского обкома Ситникова или у Кулакова из Переславского райкома. Они могли подтвердить, что существовала договоренность о совместном пользовании охотничьим хозяйством. Капитан Удалов, начальник управления охотничьим хозяйством, тоже мог это подтвердить, но ему веры не было, поскольку он был моим подчиненным. Хотя после ареста от меня уже ничего не зависело. При всем своем желании я ни с кем не мог сводить счеты. Да и желания, собственно, не было. Единственное, что могу при встрече подлецом назвать, если человек заслужил. Но это же не сведение счетов, а простая констатация факта.

К даче тоже сильно цеплялись, несмотря на то, что дача у меня была не собственной, а государственной. Сейчас ею пользуется кто-то другой. Да, я ее благоустраивал, было такое. Я считаю, что люди должны жить в нормальных бытовых условиях. Если, конечно, есть такая возможность. О своем быте я заботился точно так же, как и о быте личного состава. Чтобы все было достойно и без излишеств. Да, Капитолина завела на даче кое-какую живность – корову, кур, цесарок. Но она купила их на свои собственные деньги. Капитолину я в шутку называл «буржуйкой». У нее была уйма рекордов, а за каждый рекорд спорткомитет выплачивал очень хорошие премии. От пяти до десяти тысяч рублей. В этой связи смехотворным выглядят чьи-то «показания» о том, что Капитолина якобы посылала свою мать торговать на рынке молоком и яйцами. Живность куплена за казенный счет,

содержится за казенный счет, а яйца с молоком идут на продажу. Честно скажу – если бы сотая часть моего обвинения была бы правдой, то я бы до ареста не дожил. Отец бы меня убил собственными руками, как Тарас Бульба своего сына. И был бы прав. Отец был крайне щепетилен как в материальных вопросах, так и в отношении разного рода привилегий. Привилегии он признавал только в одном-единственном виде. Если товарищ отдает все силы работе на благо Родины, то ему нужно помочь в бытовых вопросах. Снабдить продуктами, выделить персональный автомобиль и так далее. Но если бы его сын попробовал устроить за казенный счет «личные» охотничьи угодья или если бы его невестка торговала на рынке яйцами, полученными от государственных кур, то отец сразу бы принял меры. Самые решительные. Родственные отношения не были для него чем-то вроде индульгенции. Отец очень хорошо относился к тете Ане, но когда она стала вести себя не так, как следовало, и не вняла двум предупреждениям, то была арестована. Я только недавно понял, что бедная тетя Аня была немного не в себе. Отсюда все ее беды. Ее следовало лечить, а не сажать в тюрьму. Так что если бы я вел себя так, как пытались изобразить мои следователи, кара последовала бы немедленно. Тетя Аня после своего освобождения навещала меня в тюрьме. Мне было неловко, ведь я-то не навестил ее ни разу, только посылки отправлял, правда регулярно. Этим у меня ведал Дагаев. Тетя Аня сказала, что я правильно поступил, что не навестил ее ни разу. Сказала, что мой приезд только бы усугубил ее участь. Не знаю, так ли это, или просто тетя Аня, видя, что я искренне переживаю, хотела меня утешить. Я люблю тетю Аню. Она хлебнула лиха, но, в отличие от Светланы, ни разу не сказала об отце чего-то плохого.

Вернусь к быту. Быт очень важен. Недаром в русских народных сказках говорится: «Сначала накорми-напои, а потом спрашивай». Так и в армии. Сначала размести офицера с семьей по-человечески, реши бытовые вопросы, а потом уже спрашивай службу. Не собираюсь подчеркивать исключительность летной службы, но скажу, что в авиации с ее нагрузками и ответственностью быт имеет первостатейное значение. Летчик должен думать только о том, как выполнить приказ командования. Обо всем остальном положено думать командованию. Случалось так, что переведут полк на новое место, а размещать офицеров негде. «Как-нибудь так… Пусть пока перебьются…» Вот и приходилось распихивать офицеров на постой по окрестным деревням. Условия плохие, добираться трудно, связь хромает (во многих деревнях телефон был только в сельсовете) и вообще нехорошо. Я считал, что до такого в мирное

время допускать нельзя. И на войну постоянно кивать незачем. Война войной, а мирная жизнь мирной жизнью. Во время войны наш народ доказал, что готов сделать все, вынести любые лишения ради победы. Но эта готовность к самопожертвованию не должна служить оправданием для тех, кто не хочет или не привык заботиться о людях. Жилые городки из финских домиков оказались превосходным решением проблемы. Строятся быстро, теплые, удобные – красота. За считаные недели можно решить проблему с жильем. И обходились финские домики дешевле, чем строительство двух-трехэтажных домов. Мне приятно было видеть счастливые лица офицеров, их жен, их детей. Я много бывал в частях, не любил сидеть в кабинетах и всякий раз, бывая в том или ином месте, старался подметить, что еще можно сделать, что построить. Московский округ считался образцовым. Надо было соответствовать.

Не все люди помнили добро. К сожалению. Двадцать два награжденных мною офицера после моего ареста дали показания против меня. Якобы они только расписывались в ведомостях за премиальные деньги, но на руки их не получали. Такие дела. Куда шли деньги? Якобы поступали в мое распоряжение и расходовались по моему усмотрению. Следствие насчитало около 70 тысяч «присвоенных» мною денег. Когда двадцать два человека показывают одно и то же, это уже серьезное обвинение. Пусть даже в ведомостях стоят их подписи и формально все в порядке. Я понимаю, что толкнуло офицеров на такую подлость. Одному очередное звание светит, другой в академию собрался поступать, третьего о неполном служебном соответствии предупредили, у четвертого то-то, у пятого еще что-нибудь… Только эти причины не могут служить оправданием для подлости. Это все равно что сказать: «Я Родину предал, потому что у меня зуб разболелся». У каждого свои трудности. Но трудности должны закалять характер, а не толкать на подлость. Мне не устроили очной ставки ни с одним из этих офицеров. Только зачитали показания. Услышав фамилию, я сразу же вспоминал лицо. Когда-то все эти лица казались мне такими честными, такими открытыми. Хорошие были офицеры, недаром же я их награждал. Были. Были да сплыли. С одной маленькой подлости начинается скатывание в пропасть. Честному человеку всегда трудно верится в предательство. Помню, как не мог поверить отец в предательство Власова[210]. Отец рассказывал мне, как несколько раз запрашивал подтверждение, просил уточнить – не двойник ли, не провокация. На провокации немцы были мастера. Власов не случайно попал к немцам, он к ним перешел умышленно. Когда за ним послали самолет, сказал, что не может бросить

собственных солдат, будет пробиваться из окружения вместе с ними. А сам отправился к врагу. «Почему он не перешел к немцам в декабре 41-го? – недоумевал отец. – Была же такая возможность». Честному человеку невозможно понять логику предателя. Отец не понимал Власова, я не понимал тех, кто клеветал на меня в «благодарность» за добро. Зачем? Ради чего? Как они после этого живут? Как смотрят в глаза людям? Вспоминают ли, как оклеветали меня, когда цепляют на китель врученные мною награды? Если им самим не стыдно, то мне за них стыдно, как их бывшему командиру. Больно ошибаться в людях. Больно, когда за добро платят злом. Всякий раз, встречаясь с этим, испытываю потрясение. Хотя уже давно пора привыкнуть.

На посту командующего ВВС Московского округа я пережил два покушения на меня. Всего два. Обе попытки, на мое счастье, оказались неудачными. О первом расскажу подробнее, чем о втором, потому что есть что рассказать.

Я не люблю бюрократии. На прием ко мне никогда не надо было записываться. Не помню даже, существовала ли какая-то запись формально. Этим занимались адъютанты. Все офицеры знали – если есть дело к командующему, обратись к адъютанту, и он решит. Адъютантов я держал толковых. Не за подхалимство выбирал людей, а за ум и деловитость. Если вопрос не требовал моего вмешательства, адъютант решал его сам или направлял к тому, кто мог помочь. Надо сказать, что по пустякам ко мне не ходили. Офицеры – народ дисциплинированный, просто так к командующему не пойдут. Шли с тем, что на местах не могли решить. С жалобами на командиров тоже приходили. Жалобы – дело тонкое. Поощрять кляузничество нигде не стоит, а в армии так особенно. Если считаешь, что с тобой поступили несправедливо, действуй законным путем. Видишь какой непорядок – сообщи куда положено, а не беги к командующему. Зарабатывать себе авторитет на жалобах я совершенно не стремился. Грош цена такому авторитету. Но бывает так, что кроме командующего и обратиться не к кому. Если, к примеру, известно, что командир полка, к которому есть претензии, крепко дружит с вышестоящим начальством, то лучше бы это начальство «перепрыгнуть». Или – случай формализма. Бывает же так, что формально все вроде бы правильно, а на самом деле с человеком поступили несправедливо. Если вышестоящие начальники отмахнутся, прикроются инструкцией, то приходится идти к командующему. Например – хорошего летчика, боевого офицера, имеющего награды, не направляют в академию. Причина в том, что у него «свежее» взыскание. За пьянство и драку с гражданским

населением в пьяном виде. Плюс выговор по партийной линии. Об академии на год можно забыть. Как минимум. Формально все верно. В академию направляют учиться лучших офицеров. Как говорится, дурака учить – только портить. А начнешь разбираться, так оказывается, что пьянства и драки не было. Просто человек вышел из ресторана, будучи немного навеселе, и увидел, как трое хулиганов пристают к женщине. Вступился, дал в зубы, сам получил, женщина убежала. В милиции трое показали, что зачинщиком драки был офицер. Они мирно шли по улице, а офицер набросился с кулаками. Три свидетельства против одного, убежавшую женщину милиционеры не искали, решили, что врет майор. Составили протокол, сообщили в часть. Из уважения к мундиру пошли навстречу, не стали заводить дело о хулиганстве. Командиру полка надо было бы сообразить, что просто так, на ровном месте, приличные люди хулиганами не становятся. Ну и что, что бумага есть? Человеку за тридцать, он ни разу не был замечен ни в пьянстве, ни в скандалах. Человеку надо верить, своему мнению надо верить, а не бумаге. Или, скажем, в клубе, во время игры в бильярд, человек погорячился и сказал пару крепких слов товарищу, который лез с советами. Я сам заядлый бильярдист и знаю, как раззадоривает эта игра. И что хочется советчикам отвечать, тоже знаю. А за в клубом рапорт командиру полка написал. Капитан такой-то матерился прилюдно, оскорбил другого офицера. Капитан попытался объяснить командиру полка, как было дело, и тут же получил второй выговор за пререкание с начальством. Командир полка взъелся на капитана и начал его гнобить. При желании подчиненного можно так загнобить, что он не то что рапорт о переводе в другую часть подаст, а застрелиться может. Знаю такие случаи. Если на тебя ополчилось твое начальство, то надо обращаться выше. Из дивизии спустили жалобу в полк, командир взъелся еще сильнее. Офицер идет ко мне. Я разбираюсь и помогаю.

У адъютантов был такой приказ. Если сомневаешься, нужно ли пропускать ко мне посетителя или нет, то лучше пропусти. Минуту-другую я всегда могу выкроить. Если пойму, что человек пришел не по делу, разверну. Если по делу – то помогу. Поэтому мои адъютанты посетителей не отпихивали. Если видели, конечно, что вопрос спокойно может решить мой зам по тылу генерал-майор Теренченко[211], то направляли к нему. Теренченко мог уладить любое дело. В 18-м, под Царицыном, он со своим пулеметом в одиночку сорвал атаку белогвардейцев. Отец лично вручил герою награду – маузер, а Ворошилов при этом присутствовал. Об этом славном эпизоде знал весь округ. Личное

знакомство с Ворошиловым и помогало Теренченко решать любые вопросы. Отец его тоже помнил. Время от времени спрашивал: «Как там идет служба у моего «крестника»? Не обижаешь его? Смотри!» Теренченко был дважды «крестником» отца. В 18-м отец его наградил, а в 38-м приказал освободить из тюрьмы, куда Теренченко попал по ложному доносу. Враги народа не просто написали донос на честного офицера, который мешал им устраивать свои грязные дела. Они еще и ложные улики сфабриковали. Теренченко писал по инстанциям, пытался доказать, что ни в чем не виноват, однако ему не верили. Тогда он написал отцу и вскоре был освобожден. Еще один наглядный пример того, что порой без обращения на самый верх не обойтись. Жизнь порой подкидывает сложные «сюрпризы». Теренченко потом шутил, что тюрьма пошла ему на пользу – сел майором, а вышел полковником. Я знал племянника Теренченко Михаила. Он был летчиком, сгорел в своей «пешке» под Воронежем летом 42-го.

Когда в приемной дежурил Миша Дагаев, пройти ко мне совсем не составляло труда. Миша происходил из семьи обрусевших осетин. Обрусеть он обрусел, но кавказскую широту души не утратил. Помогать людям было Мишиной страстью. Я знал его еще по 25-й школе, мы вместе учились. После войны Миша обратился ко мне за помощью. Мать его умерла во время войны. В пустую квартиру временно поселили полковника НКВД. Война закончилась, но полковник не спешил освобождать Мишину квартиру. Сначала кормил обещаниями, а потом сказал, что Миша один и ему квартиры из нескольких комнат много. Пусть получает жилье поскромнее. А у полковника – семья. Жена, двое детей, теща. А теща эта была соратницей самой Землячки[212] и заседала в Комиссии партийного контроля[213]. Землячку не любили. Отец говорил, что она предана делу революции, но излишне сурова. А Ворошилов называл ее не иначе как «ведьмой». Теща полковника, видимо, была под стать Землячке. Она отбивала все попытки Миши добиться справедливости. Миша уже готов был согласиться на одну комнату в своей бывшей квартире, но ему и этого не давали. А получить другое жилье он не мог, поскольку был прописан в Москве на отдельной жилплощади. Миша кружился как белка в колесе. Вроде бы действовал, пытался добиться, но вопрос с квартирой оставался нерешенным. Я сначала хотел найти управу на энкавэдэшника, но потом передумал. Почувствовал, что так действовать не стоит. Сразу же пойдут слухи. Начнут говорить, что Василий Сталин ради своего друга выбросил на улицу офицера с семьей. Я к тому времени уже привык к тому, что обо

мне ходят нелепые слухи, а мои поступки выворачивают наизнанку. Взял Мишу к себе адъютантом и помог получить квартиру в новом доме. Приятно было помочь другу. Не думал я тогда, что Миша начнет устраивать за моей спиной делишки, прикрываясь моим именем. Хороший характер и доброе сердце еще не гарантия честности и порядочности. Но про Мишины делишки я узнал только во время следствия. Все, конечно, «повесили» на меня. Мишу я не виню. Он, конечно, повел себя недостойно, воспользовался моим доверием в личных целях. Но он же и жизнь мне спас.

Дело было так. В ноябре 50-го, незадолго до праздника, я работал кабинете. Дагаев доложил, что ко мне пришел майор одного из наших полков. Просит помочь с жильем. Жилищные вопросы находились в ведении зама по тылу. Но майор сказал Дагаеву, что у него «сложные обстоятельства», и Дагаев доложил мне. Я сказал, чтобы посетитель подождал, пока я не закончу начатого дела, и примерно через полчаса его принял. Все это время он сидел в приемной на глазах у Миши Дагаева и беседовал с ним. Выяснилось, что оба они служили в 45-й дивизии дальнего действия, только в разных полках. Когда майор, фамилию которого я нарочно не называю, вошел в мой кабинет, я не заметил ничего необычного и не почувствовал опасности. Офицер как офицер. Немолодой, не франт – форма была ношеной, но выглядела прилично. В Московском округе франтовство было широко распространено среди офицеров – столица. Я, можно сказать, это франтовство приветствовал. В разумных, конечно, пределах. Офицер, следящий за своим внешним видом, производит хорошее впечатление. Армия – элита общества, следовательно, и выглядеть надо подобающим образом. Главное, чтобы франтовство не выходило за рамки устава и не становилось смыслом жизни. Нога у меня болит часто, поэтому я не имел привычки вставать навстречу посетителям. Это все знали и причину тоже знали, поэтому в чванстве меня никто заподозрить не мог. Я указал рукой на ближний к столу стул, но майор сел подальше. Это меня тоже не удивило. Некоторые посетители приходили ко мне немного выпивши и стеснялись этого. А кто-то и просто стеснялся. Дальше всех, на самом краю, садились те, кто перед приходом чистил форму бензином. Я закурил. Майору тоже предложил, под папиросу разговор идет легче, но он отказался. Откашлялся, сказал, что дело у него важное и полез в портфель. Портфель у него был кожаный, потертый, по виду – трофейный. Посетители часто приносили с собой рапорты и заявления, в которых описывалось их дело. Я думал, что майор сейчас достанет бумажки или папочку, но

внезапно у него в руке оказался пистолет. Он молча вскочил, направил пистолет на меня и выстрелил. Все произошло очень быстро и неожиданно. Раньше я удивлялся, когда слышал выражение «время будто остановилось». Якобы в важный момент секунды растягиваются в минуты. Не верил, что такое может быть. Даже в самом тяжелом бою время не останавливалось, шло своим чередом. Быстро тоже не пролетало. Это только когда вспоминать начнешь, кажется, что быстро. А тут вдруг понял – бывает такое на самом деле, не выдумали люди. Он медленно вставал, медленно выпрямлял руку в мою сторону, медленно летел по кабинету отшвырнутый им стул… А моя рука в этот момент тянулась к пепельнице, чтобы стряхнуть пепел. Пепельница была тяжелая, малахитовая, подарок командующего войсками Уральского округа генерал-полковника Кузнецова[214]. Времени на замах у меня не было, майор вот-вот должен был выстрелить. Я понимал, что он выстрелит, что все происходящее не шутка и не игра. Да и кто бы стал играть со мной так? Можно сказать, что я смотрел в лицо своей смерти. На земле это оказалось совсем не так, как в воздухе. В воздухе видишь самолет, а здесь – перекошенное от ненависти лицо и направленный на тебя пистолет. Я что было силы толкнул пепельницу в сторону майора и, продолжая движение, упал грудью на стол. Решение мною было принято правильное. Единственно верное в подобных условиях. Пепельница попала в майора, и от этого его рука дрогнула. Вдобавок я пригнулся. Пуля пролетела мимо, над моей головой. Дальше было чистое везение. Не успев выхватить из кобуры свой пистолет, я услышал щелчок – осечка. Я никогда не тренировался быстро выхватывать оружие. Мой начальник контрразведки Голованов в этом деле был мастер. Глазом моргнуть не успеешь, а пистолет уже у него в руке. Фокусник. А я так не умел. Успел только кобуру расстегнуть, и в этот момент распахнулась дверь. Писать долго, а на самом деле от первого выстрела до второго прошло две-три секунды, не больше. Майор обернулся к стоявшему на пороге Мише, и тут раздался второй, последний выстрел. Миша уложил майора с первого выстрела. Попал точно между глаз. Стрелок он был первостатейный. Милицию я распорядился не звать. Решил, что сначала разберемся сами. Мало ли что. Вдруг провокация. Вызвал своего начальника контрразведки подполковника Голованова и распорядился провести следствие. Тело майора Голованов отвез в морг в Сокольники[215], где его приняли на хранение, не задавая лишних вопросов. За двое суток Голованов выяснил о майоре все, что только можно было узнать. А с другой стороны, не выяснил ничего такого, что могло объяснить причину покушения или же

вывести на кого-то из руководства. Тело и дело передали Берии. Берия ужасно разозлился, орал, что так нельзя, что из-за моего самоуправства упущено время, нажаловался отцу. Отец сразу же вызвал меня и устроил настоящий допрос. Я объяснил, чего я опасался, и сказал, что был объективный шанс раскрыть дело по горячим следам. Добавил, что Голованов толковее любого следователя из ведомства Берии. Отец приказал больше «самоуправством» не заниматься и впредь в подобных случаях в первую очередь ставить в известность его. Берия, насколько мне известно, никаких концов не нашел. Позвонил мне через полтора месяца и сказал, что считает все произошедшее последствием фронтовой контузии. К такому же выводу склонялся и Голованов, но тогда нам казалось, что мы могли что-то упустить. В полку объявили, что майор случайно погиб во время чистки оружия.

В мае 52-го кто-то испортил тормоза на моем новом «Паккарде». Машина при этом стояла в охраняемом гараже, а не где-то на улице. Спасла бдительность шофера Февралева, которого все звали «дядей Сашей». Опыт у Февралева был огромный, он еще Ленина успел повозить. Но он никогда ни о чем не рассказывал. Разговаривал только на две темы – о певчих птицах да о футболе. Февралев очень хорошо разбирался в игроках. Делил их на три категории: «бегун», это тот, кто только бегать по полю умеет, «футболист», это была средняя категория, и «снайпер», то есть мастер высшей категории. Замечания и прогнозы у него всегда были верными. Скажет: «этому «бегуну» до «снайпера» никогда не подняться», значит, так оно и будет. Тормозами занялся Голованов. В тот же день был найден виновный – один из техников гаража. У него ко мне было нечто вроде «кровной мести». Его отец был расстрелян за антисоветскую деятельность. Он смог скрыть этот факт благодаря тому, что был усыновлен отчимом и сменил фамилию. Техник считал, что отомстит за смерть отца, устроив мне аварию. По распоряжению Голованова после этого случая мой автомобиль перед выездом стали осматривать по часу. Раньше было проще. Обойдет шофер кругом, попинает колеса, заглянет под днище, проверит масло и поехали. В авиации все внимание привыкли уделять самолетам. Самолеты охранялись у нас очень строго. Особенно накануне парадов. Все понимали, как соблазнительно было бы врагам испортить машину из числа участвующих в параде. В праздничный день в Москве падает самолет! И хорошо, если не на Красную площадь падает. Поэтому за «парадными» самолетами глядели в сто глаз. После генеральной репетиции техники занимались машинами так, будто видели их впервые в жизни. Готовый к осмотру самолет принимала комиссия из

инженеров с техниками и особистов. Проверка была двойной, проверяли по второму разу друг за другом, чтобы ничего не упустить. Сразу же после окончания осмотра, в присутствии комиссии, самолет зачехлялся, и чехол пломбировался начальником комиссии. Им обычно назначался дивизионный инженер. После осмотра у самолетов выставлялся караул. Вот нечто подобное подполковник Голованов захотел устроить в гараже. Даже пришел ко мне с требованием на изготовление специальных чехлов для автомобилей. Я посоветовал ему поумерить усердие, пока над нами не начали смеяться люди. Не надо изобретать чехлы там, где можно обойтись одним часовым. И у шоферов моих с той поры появился особый ритуал. После выезда из гаража они чуток разгонялись, тормозили, вертели рулем. Проверяли, послушна ли машина в управлении.

Воздушные парады – моя слабость. Люблю парады. В моем понимании воздушный парад – это не просто демонстрация мощи наших ВВС и не просто праздник. Это нечто большее. Не могу выразить мои чувства словами. Парады были для меня чем-то особенным. Подготовку к параду я предвкушал заранее, начинал готовиться месяца за два. Парад – сложное дело, а воздушный тем более. За тем, чтобы красиво пролететь над Красной площадью, стояли месяцы тренировок. Но сколько было радости у тех, кто наблюдал за пролетом наших самолетов с земли. Сколько восторга, сколько гордости за нашу авиацию! Парад – это смотр, испытание мастерства, величественное зрелище. Не следует рассматривать парады как нечто показное. Нет! Парад это мощное политическое средство, доказательство мощи нашей авиации, ее превосходства. Смысл парадов в демонстрации военной мощи нашей страны. Друзья от этого испытывают гордость, а враги страх. В бытность мою командующим ВВС Московского округа воздушные парады проводились три раза в год – 1 мая, 18 августа в день Воздушного флота и 7 ноября. Ноябрьским парадам часто мешала погода. При плохих условиях приходилось их отменять. И не только в ноябре отменялись воздушные парады. В день Парада Победы из-за того, что с утра пошел дождь, был отменен воздушный парад. Представляю, как обидно было летчикам. Готовились ведь долго и основательно.

Обычно я открывал парады на бомбардировщике дальнего действия Ту-4. У Ту-4 была непростая судьба. Как говорится, кто на молоке обжегся, тот на воду дует. После «авиационного дела» новое руководство авиационной промышленности, желая перестраховаться, задерживало выпуск новых машин. Было много придирок на стадии испытаний, долго не утверждали акт по испытаниям, но такой подход лучше, чем поставка в армию

машин с дефектами. Семь раз отмерь, один раз отрежь – это про авиационную промышленность и авиацию. Отмерять приходится по многу раз, это так.

Три сотни самолетов не просто пролетали над Красной площадью. Они выписывали в небе слова «Ленин», «Сталин», «КПСС», летели четким строем, так, что можно было нитками связывать самолеты, и эта нитка не порвалась бы. Взлетая с разных аэродромов, самолеты выстраивались на подступах к Красной площади и проходили над ней один к одному, к восторгу москвичей. Мне нравилось вести парад в воздухе, лететь на флагманской машине, но и наблюдать за парадом с земли тоже было приятно. Во время парадов, вне зависимости от того, где я находился, я преисполнялся гордостью за нашу советскую авиацию, радовался тому, что мне выпала честь к ней принадлежать.

Очень жаль, что мой последний парад 1 мая 52-го года был омрачен трагическим случаем. Погода в тот день была неблагоприятной для полетов, но тем не менее было решено, что парад должен состояться. Я вел его, как обычно, на Ту-4. Несмотря на облачность, парад прошел нормально, хотя и не все из поднятых в воздух самолетов прошли над Красной площадью. Но при посадке на Чкаловском аэродроме[216] из-за ошибки пилота разбился один самолет. Три человека погибло. То была ошибка в технике пилотирования, никак не связанная с облачностью и вообще с погодными условиями. Из-за погодных условий в тот день дивизия «Мигов» прошла над Красной площадью, изменив направление. Но поскольку прошла она ровно, все решили, что так оно и надо. Следующий, июльский парад в День Воздушного флота прошел без происшествий. То был мой последний парад. Во время парадов мне часто вспоминались слова отца: «У нас есть фабрики, заводы, колхозы, совхозы, армия, есть техника для всего этого дела, но не хватает людей, имеющих достаточный опыт, необходимый для того, чтобы выжать из техники максимум того, что можно из нее выжать». Хороших летчиков всегда не хватало. Как ни учи, как ни готовь, а из трех-четырех летчиков только один будет по-настоящему хорошим. Была у меня идея. Хотел предложить увеличить набор в летные училища и готовить военных и гражданских летчиков вместе. Тех, у кого лучшие показатели, отправлять в армию, а всех остальных в гражданский флот. Ничего обидного для гражданского флота в этом не вижу. Гражданским летчикам не приходится воевать, им фортели в воздухе выкидывать ни к чему. Но ведь в гражданских училищах тоже попадаются прирожденные летчики. Надо их сразу

переманивать в армию. И первоклассных летчиков надо ценить и отличать больше, чем это делается сейчас. Да и вообще я считал, что подготовку летчиков в мирное время надо существенно изменить. Много было у меня мыслей подобного рода, жаль только, что им не нашлось применения. Мне всегда хотелось принести Родине как можно больше пользы. Нет дела приятнее, чем сделать что-то полезное для людей, для страны. Октябрьская революция, как верно сказал отец, превратила труд из зазорного и тяжелого бремени в дело чести, дело славы, дело доблести и геройства[217].

За время своей «отставки» я много думал. Обо всем. Осмысливал свою прежнюю жизнь, думал о том, что успел и не успел сделать, строил планы на будущее. Планы перечеркнул арест. О том, как изощрялись во лжи мои следователи, я уже не раз писал, поэтому больше ничего добавлять не стану. Следствие было долгим и мучительно занудливым. Суд надо мной оказался плохо срежиссированным спектаклем, который стал пародией на советский суд и надругательством над социалистической законностью. А в тюрьме было скучно и безрадостно. Я тяготился несвободой и морально, и физически. Тяготился и не знал, выйду ли я на свободу. Всегда можно было ожидать еще одного неправедного суда с очередным сроком. Единственная радость моя была в том, что, несмотря ни на что, я сумел отстоять свои взгляды и свои убеждения. Я думал о том, что, будь жив отец, он бы гордился мной. Сознание этого, сознание своей правоты, придавало мне сил и уверенности.

Глава 12
Перемены

За время моего заключения жизнь в Советском Союзе сильно изменилась. В худшую сторону. Я не занимаюсь клеветой и злопыхательством. Я говорю то, что думаю. Я пииту о том, что видел собственными глазами. Зайдя в Первый гастроном, я глазам не поверил, хоть и был готов к тому, что увижу совсем не то, что было раньше. Первый гастроном – торговая витрина Москвы. Если здесь не очень хорошо с продуктами и очереди у каждого прилавка, то это настораживает. По одному магазину, пусть он и Первый, я судить не стал, побывал во многих. Везде стало хуже, чем было при отце. А еще ведь семь лет прошло после окончания войны. Примерно столько же, сколько прожил после окончания войны отец. Под его руководством за это время подняли страну из руин, отменили карточки, наладили жизнь в Советском Союзе. С каждым днем становилось все лучше. А сейчас с каждым днем все хуже. Это не я выдумал, это люди в очередях говорят. Открыто говорят, никого не стесняясь, и другие не возражают, а соглашаются. Если в Москве так, то представляю, каково в Куйбышеве или Челябинске. И то и дело слышится в магазинах вопрос – куда все делось? Разве это не загадка. Страна работает, пятилетки выполняет, войны нет – трудись, созидай. А вместо этого на Смоленской площади я видел, как москвичи стояли в длинной очереди за рубцом. Не припоминаю такого раньше. Я хорошо знаком с торговлей. В бытность командующим ВВС Московского округа я часто бывал в разных магазинах. Сравнивал гарнизонную торговлю с гражданской. Если гарнизонный ассортимент сильно отличался, принимал меры. Сейчас, кажется, ко всей торговле меры не принимаются. В социалистическом государстве при желании наладить можно все, потому что у нас плановое производство.

Порядочным людям положено вовремя отдавать долги. По этому вопросу, как говорил отец, двух мнений быть не может. Занял – изволь отдать в условленный срок. В тяжелое время советский народ приходил на помощь государству, давал ему в долг деньги. Меньше месячной зарплаты не давали, считали позорным. Некоторые и на две, и на три зарплаты брали облигаций. Разве кто-то мог усомниться в том, что Советское государство вовремя не вернет долг? Никто не сомневался[218]. Никто не мог подумать, что погашение облигаций «заморозят» на двадцать лет. В очередной раз брошена тень на доброе имя отца.

Получается, будто бы товарищ Сталин взял в долг и не вернул. Это я, конечно, упрощаю. Не отец лично для себя брал у народа деньги, и не он отказался возвращать их в срок. Уверен, что если бы отцу предложили так поступить, то тот, кто предложил, тут же лишился бы всех постов. Но тень-то брошена, дело сделано. А еще нынешнее руководство не стесняется утверждать, что выплаты «заморозили» по просьбам трудящихся! Нынешнее руководство вообще ничего не стесняется. Времена изменились!

Люди тоже изменились. Поразила меня сестра. Можно сказать, что потрясла. Особой близости у нас с сестрой никогда не было. Мы не доверяли друг другу тайн, не дружили. Пятилетняя разница в возрасте в детстве огромна. Целая пропасть. Особенно с учетом того, что я старался бывать в кругу взрослых. Мне даже со сверстниками было не очень-то интересно. Не говоря уже о сестре. Я привык считать ее ребенком, а себя старшим братом, и эта привычка заметно осложнила наши отношения. Сестра очень рано начала считать себя взрослой. Она была серьезным ребенком. Не послушным, а именно серьезным. Почти не шалила, все шалости были мои. Хорошо училась. Отец ставил ее мне в пример. Школу сестра окончила с отличием. Кажется, за все время ее учебы никто из учителей ни разу на нее не жаловался. Ее только хвалили. Когда-то мне казалось, что отец слишком строг ко мне, но то была строгость, вызванная обстоятельствами. Сестру не за что было ругать. До поры до времени ее только хвалили. Проблемы с сестрой начались после того, как она окончила школу. Слишком уж своенравный у нее оказался характер. Создавалось впечатление, что она поступает так, как она поступала, не потому, что ей так хочется, а для того, чтобы сделать наперекор. Бросить вызов, доказать свою самостоятельность, сделать по-своему. Когда у сестры начался роман[219] с человеком много старше ее, отцу пришлось вмешаться. Он не мог позволить, чтобы его любимая дочь связала жизнь с мужчиной, для которого она стала бы не единственной, а одной из многих. Досталось тогда и мне, потому что я был косвенно причастен к этому знакомству. Но все получилось случайно, и я даже предположить не мог, чем все закончится. Для меня это было неожиданностью. Как и то, что немного позже сестра вдруг вышла замуж за моего одноклассника Гришу Морозова[220]. Отцу этот брак не понравился, но он промолчал. Наверное, счел, что это все же лучше, чем роман с женатым мужчиной. Гришу я хорошо знал. Мы дружили, но не очень близко, так, как дружат одноклассники. Хорошо зная Гришу, я понимал, что с сестрой они долго не проживут, потому что ни один не станет уступать другому. Так оно и вышло. В 48-м они

развелись. Вскоре сестра вышла за Юрия Жданова[221], но и этот брак продлился недолго, всего четыре года. Отец никогда не обсуждал со мной дела сестры. Это было не в его правилах. Только когда я ушел от Кати к Капитолине, сказал недовольно: «Что же вы со Светланой никак определиться не можете, взрослые уже, не дети». Я передал его слова сестре. Просто так, к слову пришлось. Рассказал, что виделся с отцом и что он мне сказал такие слова. Сестра неожиданно для меня рассердилась. Без всякой причины. Она решила, что я не просто упомянул об этом, а что таким образом отец и я пытаемся на нее «надавить», что мы ее осуждаем и вмешиваемся в ее жизнь. Навыдумывала черт знает что на пустом месте. Повысила на меня голос, а я этого не люблю. В ответ я тоже сказал что-то резкое, и мы поссорились. Помирились потом, конечно, но неприятный осадок остался. И сестра с тех пор держалась со мной холодно. Когда умер отец, этот холод растаял. Общее горе сближает людей, заставляет забыть былые обиды. Тем более такое горе. Сестра плакала, я тоже плакал, мы пытались как могли утешить друг друга. Потом меня арестовали. Я очень беспокоился за сестру. Думал, что ее тоже арестовали. Даже не думал, а был уверен в этом. Пытался спрашивать о ней у следователей, но они на мои вопросы не отвечали, только задавали свои. Потом уже, когда мне разрешили свидания, Капитолина рассказала мне, что сестра живет на свободе и занимается переводами. На вопрос, общаются ли они между собой, Капитолина ответила уклончиво. Поскольку все наши встречи проходили в присутствии посторонних лиц, я решил, что Капитолина просто не хочет при них вдаваться в подробности. И вообще никто из навещавших меня в подробности относительно сестры не вдавался. Сестра ко мне не приезжала. Ни разу. Я сначала не понимал, почему она ко мне не приезжает, ведь, несмотря на наши размолвки, я был и остаюсь ее родным братом. Но скоро убедил себя в том, что ее, наверное, ко мне не пускают. Разрешение на свидание всякий раз давалось администрацией особо. Могли отказать. Как я узнал уже после освобождения, были случаи, что и отказывали. Так, например, ко мне не пустили Джеджелаву[222], даже передачу от него не приняли. На днях я виделся с ним. Он рассказал мне о том, как раздаривал у ворот тюрьмы людям фрукты и прочую снедь, которую привез для меня. Не везти же обратно. Почему ему отказали, непонятно. Наверное, потому, что не родственник. Хотя несколько человек из числа знакомых у меня побывали, их допускали на свидания. Может, грузинская фамилия насторожила? Но сейчас речь не о Джеджелаве, а о Светлане. Она меня так ни разу и не навестила. Но я все эти годы верил,

убеждал себя в том, что раз не навестила, значит – не могла. В другое просто верить не хотелось. Когда сидишь в тюрьме, почти всеми преданный, почти всеми забытый, то очень важно, чтобы кто-то тебе верил и помнил о тебе. Каждым человеком дорожишь. Каждое письмо перечитываешь по сто раз. Писем Светлана тоже не писала, и я ей не писал. Боялся, что мое письмо ей чем-то навредит. Но через Капитолину передавал сестре приветы. Капитолина, добрая душа, мне от Светланы тоже приветы передавала. Врала, чтобы лишний раз меня не расстраивать. Сестра за все годы, пока я сидел в тюрьме, ни разу обо мне не спросила. Когда Капитолина звонила ей, сестра сразу же прекращала разговор. Говорила, что занята. Когда они случайно столкнулись на улице, Светлана отвернулась и прошла мимо Капы. Обо всем этом я узнал потом, после выхода на свободу, после того, как встретился с сестрой. Лучше бы и не встречался. Иногда лучше остаться при своих воспоминаниях, чем изменить мнение о человеке. Испортить мнение. О родном тебе человеке, пусть и не близком, но родном. Раньше бы сказали: «Бог ей судья». Теперь так не говорят. Теперь совесть каждому судья. Отношение сестры ко мне огорчило меня не так сильно, как огорчило ее отношение к памяти отца. Об этом мне говорили многие, и честные люди, и подлецы. Честные люди недоумевали, как сестра могла так поступить. Подлецы же укоряли меня, ставили сестру в пример, говорили: «Светлана ведет себя иначе, не так, как ты». Подлецам нужно всех тоже сделать подлецами. Им так жить проще. Честный человек для них как иголка в глазу. В том, что мы с сестрой стали друг другу чужими, моей вины нет. Это ее выбор. Теперь на мне лежит еще большая ответственность, ведь я единственный из близкого окружения отца, кто сохранил ему верность. Под близким окружением я понимаю не только родственников. Одни запуганы, другие переметнулись к клеветникам, третьи решили, что это не их ума дело… Один из моих бывших товарищей, человек, которого я знал с 42-го, так мне и сказал: «Это не моего ума дело, Василий Иосифович, мое дело сторона, я не хочу осложнять себе жизнь». Когда-то у него над койкой висел портрет товарища Сталина… У многих висели портреты товарища Сталина. Сейчас, я думаю, мало у кого они сохранились. Люди не хотят «осложнять себе жизнь». Мое дело сторона – обывательский лозунг. Равнодушие – обывательский принцип. «Равнодушие есть молчаливая поддержка того, кто силен», – писал Ленин. Такие вот, чье дело сторона, прислуживали врагу во время оккупации. Честные люди боролись, а равнодушные прислуживали. Удивительно, сколько вокруг обывателей. Откуда они взялись? Как им удавалось

раньше притворяться настоящими советскими людьми? Особенно гнусно, когда у обывателя в кармане лежит партийный билет и он без зазрения совести называет себя коммунистом. Удивительно, как некоторые умеют «не узнавать». Глядят на меня в упор и не узнают. За эти годы я, конечно, изменился, но не настолько, чтобы меня нельзя было бы узнать. А вот же, не узнают.

Немногие товарищи меня узнают. Не боятся общения со мной. Называть их имена я не стану. Время настало такое, что советскому человеку в советской стране приходится соблюдать конспирацию. Не осторожность, а настоящую конспирацию. Что поделать, время такое. Говорил с товарищами об армии. В первую очередь о так называемых «сокращениях Вооруженных сил». Это не сокращение, а самое настоящее вредительство. Как можно сокращать армию такими темпами? Сократили на два миллиона и вот снова собрались сокращать?[223] Вредительство! Предательство! Я знаю, как именно сокращается наша армия, мне рассказали товарищи. Выбрасывают из армии всех неугодных, тех, кто сохранил преданность отцу. «Сталинист» стало бранным словом, ярлыком, который ставит крест на карьере. Государство не может существовать без сильной армии. Разве у нас не осталось врагов? Нынешние руководители ведут себя так, будто социализм победил во всем мире. А сами даже с некоторыми социалистическими странами умудрились испортить отношения[224]. Прикрываясь ставкой на ракетные войска, предатели дела отца продолжают очищать армию от его сторонников. И при этом рассуждают о «культе личности», о каком-то мифическом «единовластии Сталина», которое мешало развитию Советского Союза и привело к тяжким последствиям во время войны. Поразительное бесстыдство! Наглая ложь! Как и все, что говорят теперь про отца. Раз уж коснулся армии, то напишу и про то, как отец накануне войны «разгромил армию» и лишил ее «видных полководцев». Я тогда был молод и многого не понимал, но суть этого «разгрома» мне была ясна благодаря Власику. Так вышло, что после смерти матери Николай Сидорович отчасти занимался моим воспитанием. Отец попросил его присматривать за мной, потому что сам он всегда был очень занят. Я по-свойски звал Власика «дядей Колей» и потом уже, когда вырос, наедине мог так к нему обратиться. Отношения между нами были доверительные. Николай Сидорович объяснял мне многое из того, чего я не понимал. К нему я мог обратиться с любым вопросом. Секретов он мне, конечно, не выдавал. Но что мог, рассказывал, хотя бы в общих чертах. В армии был заговор, во главе которого стоял Тухачевский[225]. Заговорщики хотели свергнуть законное советское правительство, захватить власть в стране. Заговор зрел

долго, опутал чуть ли не всю армию. Помимо заговора было и прямое вредительство. Тухачевский и его банда действовали с двух сторон. Так, чтобы наверняка. Плели заговор и одновременно ослабляли армию. Трудно представить, до чего могло бы дойти дело, если бы заговор не был раскрыт. Крепко досталось Ворошилову, который считал, что у него в Красной Армии порядок, и если есть враги, то немного. Заговор был раскрыт и ликвидирован с корнями в первую очередь благодаря Буденному и Ульриху[226]. Отец вспомнил о заслугах Ульриха в 48-м, когда тот был снят с поста зампреда Верховного суда за недостатки в работе. Он тогда сказал: «Недостатки у Ульриха есть, но он предан делу партии, и нам не стоит наказывать его слишком строго». Ульрих был назначен начальником Высших военно-юридических курсов. Отец требовал от тех, кто ликвидировал заговор, чтобы они не «увлекались», чтобы не страдали невиновные. Отец, как никто, понимал значение сильной армии. После окончания войны он сократил армию до трех миллионов, но обстановка показала, что этого недостаточно. Война в Корее грозила перекинуться на наши дальневосточные рубежи. Американцы (англичане к тому времени уже ничего не значили) угрожали нам с запада в Европе, но могли ударить и с Востока. Александра Второго, отдавшего Аляску американцам, отец иначе как «полным дураком» не называл. В Закавказье тоже нельзя было чувствовать себя спокойно. Турция как и была, так и осталась нашим врагом. В 52-м она присоединилась к НАТО. Пока существуют две системы – социализм и капитализм, будет сохраняться и противоборство между ними. Я уверен, что нынешнее руководство страны это тоже понимает. Но желание очистить армию от «неблагонадежных сталинистов» сильнее голоса разума. Экономические соображения тоже сказываются. После смерти отца народное хозяйство все больше и больше приходит в упадок. Все меньше и меньше средств остается на содержание армии.

Если неугодного офицера по тем или иным причинам уволить в запас невозможно, скажем, заменить некем, или должность под сокращение не попала, или возраст не подошел, то его стараются «выдавить». Создают такие условия, чтобы человек ушел сам. Одному из моих бывших офицеров два года откладывали направление на курсы усовершенствования командного состава, другого перевели служить под Благовещенск с понижением в должности, третьему «устроили» выговор по партийной линии… За недолгое время я наслушался стольких истории о несправедливостях, которые сейчас творятся в армии, что не понимаю, как эта армия может называться «советской».

Не все старые товарищи, которые меня помнили, оказались товарищами на самом деле. Среди них мне попадались и продолжают попадаться такие, кто действует не по зову души, а по поручению моих врагов. Это провокаторы. Находясь в моем обществе, они ведут себя развязно, затевают скандалы, пытаются устраивать драки. Все это делается под видом широты натуры и лихости. И дураку ясно, зачем они так себя ведут. У них задание – дискредитировать меня, опорочить, выставить буяном, хулиганом, пьяницей. Делается это для того, чтобы честные советские люди мне не верили. Мало ли что этот пьяный хулиган наболтает. Не исключаю, что также меня хотят подвести под уголовную статью. Для того, чтобы иметь возможность «законно» отправить меня за решетку во второй раз. Стоит только перестать общаться с одним провокатором, как тотчас же появляется другой. Ах, Василий! Неужели это ты?! Какая встреча! Пойдем, обмоем! И ведь сразу не понять, что у человека за душой. Только потом, когда присмотрюсь, понимаю. Провокаторы не брезгуют ничем. Пытаются действовать через Надю. Передавал через нее один «старый товарищ» мне приветы, в гости набивался, а заодно очень настойчиво интересовался, где я бываю и с кем встречаюсь.

После всего, что мне довелось пережить, после того, как я разуверился во многих людях, очень дороги мне те, кто не стал предателем. Такие люди есть, их много. Радуюсь, когда вижу, что в ком-то отец не ошибся. Вскоре после освобождения у меня состоялась встреча с одним из лучших советских летчиков, ни имени, ни звания которого я указывать не стану. Отец был о нем очень хорошего мнения. Уважал за принципиальность, за умение аргументированно, с достоинством, настоять на своей точке зрения. Что бы сейчас ни говорили про отца, подхалимов он не любил. «Как будто сам с собой разговариваю! – сердито говорил отец, когда ему поддакивали. – Зачем мне это?» Человек, о котором я говорю, после войны был оклеветан недоброжелателями. Обвинения, выдвинутые против него, были настолько серьезными, что от них невозможно было отмахнуться. Получилось бы, что товарищ Сталин делает исключение для своих любимчиков. Любимчиков на самом деле у отца не было никогда. Разобравшись, отец отправил этого человека учиться в Академию. Отец собирался впоследствии сделать его командующим ВВС. Во всяком случае, я такие намеки от отца слышал. Назначение не состоялось, должность была дана другая, много ниже, потому что в числе недоброжелателей были такие влиятельные персоны, как Булганин и Маленков. А вскоре после смерти отца ему пришлось уйти в запас. Этот достойный человек не променял предательство на карьеру, хотя мог ценой

предательства восстановить свое былое высокое положение. Радостно видеть, что для кого-то честь и совесть не пустые слова. От встреч с такими людьми сил прибавляется. Я не склонен к необдуманным внезапным поступкам. Годы испытаний охладили мою горячую когда-то голову. Я теперь не два и не три, а целых семь раз подумаю, прежде чем сказать. Но этому честному человеку, как коммунист коммунисту и летчик летчику, я рассказал о том, что я пишу. «Правильно, Василий Иосифович, я тоже думаю, что должен написать воспоминания, чтобы наши потомки не учили историю по тому, что говорит Никита», – услышал я в ответ[227].

Очень достойно повел себя Артем. Сначала я думал, что он и знать меня не захочет, потому что он не писал мне и ко мне не приезжал, но оказалось, что они с Федором и Сергеем[228] меня не забыли. Артему обо мне регулярно сообщал сотрудник тюремной администрации. Артем собрался хлопотать, чтобы мне дали работу по линии УГВФ[229], у него там много друзей. Я сказал, чтобы он понапрасну не старался. К самолетам, даже к гражданским, меня теперь и близко не подпустят. Никакие хлопоты не помогут. Артема, Федора и Сергея могу упомянуть открыто, поскольку они дружбы со мной не скрывают.

Чем я буду заниматься, я не знаю. Честно говоря, не уверен, что мне дадут спокойно работать. Спокойно мне давали работать только в тюрьме. Если бы негодяи были достойны сочувствия, то нынешнему руководству страны можно было бы посочувствовать. Положение у них сложное. Дворником генерал-лейтенанта Сталина поставить стыдно – генерал-лейтенант все-таки. А с другой стороны, летать этому генерал-лейтенанту нельзя, и для работы в политуправлении я тоже не гожусь. Меня вообще ни в один коллектив нельзя пускать. Меня же непременно станут спрашивать об отце, а я же правду скрывать не стану. Хотя, может, им этого и надо. Состряпают новое дело по 58–10[230] и упекут еще лет на десять за решетку. Думается мне, что здесь мне работать уже не придется. Только если сдамся. Тогда меня, наверное, запишут в дипломаты и будут посылать по всему миру, клеветать на отца. Мне дают понять, что, если я хочу получить нормальную работу, я должен пересмотреть свои взгляды. Или вот тебе, Василий, пенсия с пособием и живи так. Так, не работая, мне жить трудно. Я привык работать, дело делать привык. Здоровье уже далеко не то, но силы еще есть. И я найду куда мне их приложить с пользой. Много мне не надо. В тюрьме говорят: «Мне много не надо – пайка, койка и курево есть». Мне тоже много не надо. Хочу честно жить, честно работать, хочу восстановить семью. Простые человеческие желания, не более

того. Но не уверен, что мне дадут честно работать и спокойно жить. Хрущев довольно ясно намекнул мне, что я в любой момент могу лишиться и квартиры, и пенсии, и свободы. Не случайно меня выпустили за год с небольшим до окончания срока. Этот год висит надо мной как дамоклов меч. Если для того, чтобы навесить мне новый срок, надо хоть что-то изобразить, хотя бы для виду, то отбывать оставшееся меня можно заставить в любой момент. Меня же не реабилитировали. Толпы преступников реабилитировали, а меня нет. У меня странное положение. Я – генерал-лейтенант советской авиации и нахожусь в запасе с правом ношения формы. В то же время я политический и уголовный преступник (статей-то у меня две), который еще не полностью «рассчитался» с государством. Я и в самом деле «рассчитался» с моими врагами не полностью. Придет время, рассчитаюсь сполна.

Я не отказываюсь от встреч с иностранными журналистами. Мне никто не запрещал это делать, и я не говорю им ничего антисоветского. Все разговоры с этой публикой я начинаю с того, что я коммунист. Пусть у меня сейчас нет партбилета, но не билет, а убеждения, преданность делу Ленина делают коммуниста коммунистом. Отец никогда не ставил знак равенства между коммунистом и членом партии. Уж он-то знал, сколько негодяев и карьеристов состояло в партии. И мне, как коммунисту, больно смотреть на то, что происходит сейчас в Советском Союзе. Но, будучи коммунистом, я знаю, что правда обязательно восторжествует. Случались в нашей истории попытки отступления от ленинской генеральной линии, но все они были обречены на провал. Такова диалектика. Диалектика справедливости. Я сразу предупреждаю всех корреспондентов, что следствия, суда и всего, что с ним связано, я касаться не хочу. Любое слово, сказанное на эту тему, можно легко выставить антисоветчиной. Не могу же я выкладывать им все подробности, они половины не поймут и ничего не напечатают. Об отце, про войну, про то, что было после войны, рассказываю с удовольствием. Разумеется, без выдачи секретов. Но эта публика секретами не интересуется. Она интересуется бытовыми подробностями. Из какого дерева была сделана отцовская трубка? Сколько у меня детей? Где я сейчас живу? Вот такого характера вопросы. Иногда о совсем глупом спрашивают. Например, о том, какой марки был мой личный самолет. И не верят, когда я объясняю, что в Советском Союзе личных самолетов не бывает, это же самолет, а не автомобиль. Автомобиль у меня есть – «Паккард». О том, что это тот же «Паккард», что и был у меня до ареста, я корреспондентам не рассказываю. Хотя, дело с машиной

выглядит интересно. «Паккард» прекрасно сохранился. Я получил его в том же состоянии, в каком и оставил. Можно сказать – в идеальном. Машина хорошая, и мне очень странно, что за семь лет на нее никто не позарился. Ее поставили в эмвэдэшный гараж, и там он все эти годы простояла. Поразительное отношение к конфискованной вещи! Стало быть, знали, что придется возвращать. Почему знали? Были уверены, что я пойду у них на поводу? Или держали как возможную приманку? На, Василий, покатайся, оцени, вспомни, как хорошо жить на воле. И мебель моя сохранилась полностью. Во всяком случае, по документам она проходит, как находящаяся на хранении, только ее никак мне вернуть не могут. Мне «повезло». Мое освобождение совпало с ликвидацией союзного МВД[231]. Вместе с министерством ликвидировали и ХОЗУ[232]. Выдать мне мою мебель, состоящую на балансе в союзном МВД нельзя. Для этого сначала ее надо передать в МВД РСФСР, и уже оттуда выдать мне. Передача имущества из одного министерства в другое дело долгое, ведь передается огромная прорва имущества. Так что пока жду. Самому мне мебель эта не нужна. Я привык обходиться минимумом мебели, да и ситуация у меня непростая. Я собираюсь поделить мебель между детьми. Саше, Наде и Лине она пригодится. Будет им от меня «приданое»[233]. Вскоре после ареста я написал Маленкову письмо, в котором спросил, кто теперь будет кормить моих детей? Или, может, им жить, пока они не начнут зарабатывать, на те две с половиной тысячи, что достались им в качестве «наследства»?[234] Маленков назначил всем внукам Сталина пенсию в тысячу рублей до тех пор, пока они не начнут работать. Прекрасно понимаю, что сделал он это не из участия, а по политическим мотивам. Нельзя было допускать, чтобы внуки товарища Сталина бедствовали. Народ бы этого не понял.

Через знакомых в ЦК я навел справки о Пономаренко[235]. Слышал, что после смерти отца его отправили Первым[236] в Казахстан, но скоро убрали оттуда. Оказалось, что Пономаренко сейчас посол в Нидерландах. Чего-то такого я и ожидал. Человеку, которого отец ценил за ум и выдающиеся организаторские способности, не нашлось места в руководстве страны. Его талантам не нашлось лучшего применения, чем служить послом в каких-то там Нидерландах. Отец настолько ценил Пономаренко, что не раз намекал насчет того, что видит в нем способного преемника. Такое отношение отца и погубило карьеру Пономаренко. Другие члены Президиума ему завидовали и, как только получили возможность, свели счеты. В той кутерьме, которая началась после смерти отца, Пономаренко

повел себя очень достойно. Не стал вступать ни с кем в сговор, вообще не захотел надолго оставаться в Москве. Попросил, чтобы его отправили в Казахстан. Там предстояло много работы по освоению целинных земель. Задумывалось оно еще при жизни отца с активным участием Пономаренко, которого отец в шутку называл «главным пахарем страны». В шутке, как это часто бывало у отца, заключался двойной смысл. Отец намекал не только на то, что Пономаренко готовил земли под вспашку, но и на то, что тот много работал. Он, пожалуй, был единственным, кто работал столько же, сколько и отец. Когда я говорю «работал», я имею в виду работу, а не пустое сидение в кабинете. Некоторые члены правительства под видом работы дрыхли на диванах в своих кабинетах, а считалось, что люди работают. В нашу первую встречу после ареста Хрущев вдруг заявил, что знает о плане отца сделать меня своим преемником. Я рассмеялся ему в лицо и напомнил, что монархию с ее престолонаследием отменили еще в 17-м. Хрущев начал горячиться, повысил голос, стал утверждать, что план такой у отца был. «Он нам морочил голову с подставными кандидатами, вроде Пономаренко и Булганина, а сам хотел посадить на свое место тебя!» – несколько раз повторил Хрущев. Я так и не понял, какую цель преследовала эта затея. Хотел ли Хрущев выставить отца нарушителем одного из главных советских принципов? Или же он пытался сбить меня с толку? У него есть такая привычка. Вместо того чтобы сразу начинать с главного, он ходит вокруг да около, шуточки шутит, с толку сбивает, а потом вдруг задает серьезный вопрос. Мне такая манера совершенно не нравится. Я человек прямой и люблю прямоту во всем. Стремление застать собеседника врасплох – проявление двоедушной натуры. О Пономаренко Хрущев говорил с презрением, кривил губы. Не мог забыть того, что в 39-м отец поддержал проект Пономаренко о границах между новыми областями[237]. Пономаренко поступил просто и правильно, провел границу с учетом расселения белорусов и украинцев. А у Хрущева были свои соображения. Ему хотелось делить, как он выражался, «поровну», особенно ему леса хотелось побольше заполучить. Хрущев считал себя рангом выше Пономаренко. Оба они были первыми секретарями республиканских комитетов, но Хрущев вдобавок был еще и в Политбюро. Он еще в приемной раскричался (мне Поскребышев много позже об этом рассказывал), когда узнал, что Пономаренко тоже подготовил проект. Но Пономаренко напомнил, что проект он делал по поручению белорусского ЦК, и Хрущев приутих. Но запомнил. На добро у него память короткая, а на обиды длинная. Такой вот парадокс. Думаю, что Пономаренко всю оставшуюся жизнь

проведет на дипломатической работе в никому не нужных странах. Насчет того, что отец предлагал назначить Председателем Совета Булганина, Хрущев не соврал. Я знаю, правда, узнал не от отца, а через других, что за полгода до смерти на пленуме отец сказал об этом. Не думаю, чтобы в то время Булганин продолжал пользоваться таким безграничным доверием отца, чтобы ему можно было бы доверить такой пост. Думаю, что это была хитроумная комбинация. Отцу такие комбинации удавались очень хорошо. Скорее всего, он пытался усыпить бдительность врагов или хотел внести раскол в их ряды, ослабить их. Мою догадку подтверждает то, что на том же пленуме членом Президиума был избран Пономаренко. На восьмом десятке положено задумываться о преемнике. Даже если чувствуешь, что есть еще силы. Мне очень нравится гоголевское выражение: «Есть еще порох в пороховницах». Пороху хватало, но о преемнике отец явно думал и проводил определенную работу. Если бы он не был предательски отравлен, то жизнь в Советском Союзе сейчас бы была в десять раз лучше прежнего. От руководства многое зависит. Прямых доказательств того, что отец был отравлен, у меня нет. В заговоре против отца я не участвовал, яд ему в еду не подмешивал. Но у меня много косвенных доказательств. Я постарался как можно подробнее восстановить события, произошедшие после нашей последней встречи с отцом вплоть до дня его смерти. О последней встрече распространяться не стану. Она была очень тяжелой, и говорили мы о наших личных делах, в том числе и о моем будущем. Ни я, ни отец не могли предположить, что видимся в последний раз. Вообще-то странности начались давно, еще с удаления от отца Власика. Убрали Власика, сменили его людей. Убрали Поскребышева и тех, кто с ним работал. Появились новые горничные на даче. Много заслуживающего внимание произошло в последние дни, но я не стану писать об этом. Время предъявлять обвинение еще не наступило. К тому же, хоть я стараюсь прятать написанное как можно лучше, у меня нет полной уверенности в том, что мои записи не попадут в чужие руки. Но кое о чем все же напишу.

Вечером 28 февраля отец приехал в Кремль. Он был бодр, чувствовал себя хорошо, иначе бы остался на даче. То, что он предложил товарищам посмотреть картину, тоже свидетельствует о его хорошем самочувствии. Если отец плохо себя чувствовал или просто был уставшим, он кино не смотрел. После просмотра картины надо было обсудить текущие вопросы. Решили, что вопросы таковы, что их можно обсудить за ужином, и поехали в Кунцево. Если бы отец собирался обсуждать вопросы за ужином, то не стал бы приезжать в Кремль ради того, чтобы посмотреть

какую-то картину. Она бы вызвал товарищей на дачу, где был свой кинозал. Отец всегда поступал рационально, берег время, как свое, так и чужое. Если он вечером поехал в Кремль, то, значит, и совещание хотел проводить в своем кремлевском кабинете. Для отравителей имел значение график дежурства персонала на даче. Им было нужно, чтобы ужин состоялся в этот день. Мне удалось узнать, что главным вопросом повестки того дня был вопрос о жене Молотова[238]. Но Берия сообщил, что на днях должен получить важные сведения по ее делу и предложил отложить вопрос на два-три дня. Отец согласился. Раз так, то решили ехать ужинать в Кунцево. Отец был очень гостеприимным человеком и, если позволяли дела, никогда не упускал случая угостить товарищей. Решать вопросы за накрытым столом – старинная грузинская традиция. Ужин, по сути дела, был тем же заседанием Президиума, только на столе вместо воды стояло вино и разрешалось есть. Пили и если немного. Поедят полчаса и три-четыре часа говорят о делах. В тот день ужинали в узком кругу – Берия, Булганин, Хрущев, Маленкова. Был еще Ворошилов, но он быстро уехал. Можно ли обсуждать вопрос за ужином или нет, зависело только от степени его секретности. Если даже обрывки разговора не предназначались для чужих ушей, такой вопрос обсуждали в Кремле за плотно закрытыми дверями. Несмотря на то, что весь кунцевский персонал состоял из проверенных людей. Вопрос, касающийся дела Полины Молотовой, жены одного из товарищей, разумеется, был строго секретным. Этот вопрос вынудил отца приехать в тот день в Кремль. Но Берия поспешил вернуть отца на дачу. Почему? Почему к отцу на протяжении нескольких дней не допускали врачей? Почему врачи появились только третьего марта? Нельзя верить словам Берии о том, что они (сам Берия, Хрущев, Булганин, Маленков, Игнатьев) решили, будто отец пьян. Отец никогда сильно не напивался, да и как можно думать, что якобы пьяный может спать целые сутки напролет? С отцом такого никогда не случалось. Шести часов для сна ему хватало вполне. Повторю – почему сразу не пригласили врачей? Отвечаю – потому что ждали, пока яд подействует окончательно. Так, чтобы отца уже нельзя было бы спасти. Человек из окружения Берии рассказал мне, что в те дни, когда отец лежал при смерти, Берия был весел и проводил совещание за совещанием. И то, как себя вели в эти дни Хрущев с Маленковым, я тоже знаю. Из верных источников. Было время, когда слово Василия Сталина, мои просьбы чего-то значили. Ко мне обращалось за помощью много людей, и не только из ВВС. Знали мою доброту. Знали, что помогу, чем смогу. Добрые дела не пропадают бесследно. Когда

понадобилось, я сам обратился за помощью к тем, кому когда-то делал добро. Люди откликнулись, рассказал, что знали и видели. Материала у меня столько, что хоть сейчас можно предъявлять обвинение. Я знаю все. Когда-то мне казалось, что стоит мне открыто назвать убийц убийцами, рассказать об это людям, и справедливость восторжествует. Отца не вернуть, но пусть хотя бы будут наказаны те, кто виноват в его смерти. Потрясение, вызванное смертью отца, было настолько велико, что какое-то время я не совсем верно оценивал обстановку. Ну и наивность сохранилась в глубине души. Я не мог предположить, насколько вширь и вглубь пророс вражеский заговор. Опрометчивость и наивность стоили мне семи лет свободы, нескольких зубов и серьезно подпорченного здоровья. Но теперь я поумнел и буду действовать наверняка. Настанет день, когда убийц отца будет судить международный коммунистический трибунал.

И последнее о переменах. Много бы еще мог написать, да тороплюсь закончить. Артем рассказал мне, будто бы ходят слухи о том, что решено переименовать все названное именем отца или в его честь. Вплоть до Сталинграда. Я мог бы допустить такое. С Хрущева станется и Ленинград в Хрущевск переименовать. Но есть одно обстоятельство, которое не позволит переименовать Сталинград. Что тогда будет со Сталинградской битвой, переломным моментом великой войны? Битвой, которая уже вошла в историю, как важная веха, и в учебники, как пример блестящей тактики и стратегии. Они назовут ее Царицынской? Или переименуют обратно Сталинград в Царицын, а битву вынужденно оставят Сталинградской? Впрочем, история войны тоже извращается. Мне стало известно, что в военной академии нынче объясняют, что если бы не «сталинские ошибки», которые якобы были допущены в начале войны, то немцы не дошли бы до Волги. Их бы погнали назад много раньше, от Курска. Почему именно от Курска, объясняют какими-то расчетами нынешних «стратегов». Ясно, по чьему указанию делаются такие «расчеты». Эта гнусная ложь разносится по всему миру, ведь академии учится много иностранцев. Как можно говорить об мифических «сталинских ошибках» спустя столько лет после войны? Послушать, так получается, будто мы сдавали землю врагу без боев. И чем при этом занимались наши военачальники? Или отец в одиночку руководил всеми фронтами? Да, Гитлеру удалось застать нас врасплох. Но это нельзя считать отцовской ошибкой. Как и все, что происходило потом. И надо же быть последовательными в искажении истории. Если уж все ошибки приписываются отцу, то припишите ему и все победы с достижениями! А то нелогично получается. Капитолина и Артем

пытались успокаивать меня, убеждали, что народ все помнит, все понимает и чтит память отца. Не сомневаюсь, что это так. Но в то же время знаю, что ложь всегда найдет куда просочиться. Своими делами мой отец всячески укреплял доверие советского народа к советскому правительству. И теперь негодяи, захватившие власть преступным путем, пользуются этим доверием в своих гнусных целях.

Заключительное слово

Находясь в заключении, я много читал. В основном перечитывал уже знакомые произведения, классику. Новые книги в тюремную библиотеку попадали нечасто. Если в новых поступлениях попадалось что-то стоящее, библиотекари сообщали мне об этом, зная мою любовь к чтению. Впрочем, в тюрьме все любят читать. Даже те, кто на воле этим особо не увлекался. Так я прочел роман Леонида Леонова «Русский лес». Роман мне понравился. Две фразы из него произвели на меня такое впечатление, что отпечатались в памяти слово в слово. «То был первый урок разведчика – не сдаваться при любой обстановке: не всякое сопротивление беде награждается избавлением от гибели, но всякая гибель начинается с утраты воли к сопротивлению». И дальше: «Все доступно человеку в этой жизни, если только страстно желать, так страстно, чтобы и жизни самой не жалко стало при этом». Как хорошо сказано! Горький, при всем моем уважении к нему, не выразился бы лучше. Всякая гибель начинается с утраты воли к сопротивлению! Эта книга попала ко мне в руки в тот момент, когда я приболел. Ослаб, заскучал. Хорошо, что в моем прошлом была, если можно так выразиться, «точка опоры». Я был спортивным человеком. Я помнил свои «достижения», я помнил, что я мог когда-то. Это придавало веры в себя – если тогда мог, то и сейчас смогу. Если столько мог, то и больше смогу. Больше, конечно, не смог, потому что нога с каждым годом ведет себя все хуже и хуже. Но начал делать зарядку, подолгу ходил по камере (прогулки мне было мало), аппетит появился. Врут те, кто утверждает, что заключение переносится легко. Слышал я такое – мне отсидеть – раз плюнуть! Это бахвальство. В заключении тяжело, особенно в тюрьме, в четырех стенах. В лагере, наверное, лучше. На людях, на свежем воздухе. А в тюрьме тяжело. Особенно если знаешь, что сидишь без вины. Трудно держаться. Приступы тоски бывают у всех заключенных, я уверен. Главное, им не поддаваться, не позволять тоске управлять мыслями и поступками, не малодушничать. Всякая гибель начинается с утраты воли к сопротивлению! Когда-нибудь непременно познакомлюсь с Леоновым, пожму его руку и скажу спасибо за его правильное творчество.

Пусть все знают, что я, Василий Сталин, воли к сопротивлению не утратил! От отца своего не отрекаюсь и никогда не отрекусь! Высокие идеалы на медные гроши не разменяю! И сделаю все, что смогу, для того, чтобы восторжествовали правда и справедливость.

Я никогда не думал, что возьмусь написать что-то длиннее письма. Но пришлось, нужда заставила. Труд двух с лишним месяцев закончен. Можно ставить точку. Я торопился. Есть на то причины. Перескакивал с одного на другое, о многом не написал. Переделывать не стану, некогда. Главное, что я написал чистую правду. Нигде не соврал и ничего не приукрасил. Писательство меня немного увлекло. Это занятие помогает разобраться во многом и дает возможность донести правду до большого круга людей и до будущих поколений. Если представится возможность, хочу еще написать об отце. Отдельную книгу. Не уверен, что кто-то из тех, кто был рядом с отцом и хорошо его знал, возьмется написать о нем. Неподходящая сейчас сложилась для этого обстановка. Лгать можно, говорить и писать правду нельзя. Придется мне это сделать. Я расцениваю это как свой долг сына, советского человека и коммуниста.

«Немеркнущий светоч товарища Сталина будет всегда озарять нам путь», – написал в траурном послании Председатель правительства Китайской народной Республики товарищ Мао Цзэдун. Этими словами Великого Вождя китайского народа, настоящего коммуниста и мудрого человека я хотел бы закончить свой труд[239].

Приложения

Приложение 1

Автобиография Василия Иосифовича Сталина

(из личного дела генерал-лейтенанта авиации В.И. Сталина, хранящегося в Центральном архиве Министерства обороны РФ)

«Родился в 1921 г. в г. Москве в семье профессионального революционера. С 1921 г. по 1938 г. жил на иждивении родителей и учился.

В 1938 г., после окончания 9 классов средней школы, поступил учиться в Качинскую Краснознаменную военную школу летчиков, которую окончил в 1940 году, и был назначен летчиком в 16-й истребительный авиаполк 24-й истребительной авиационной дивизии, в котором прослужил до сентября 1940 года. В сентябре 1940 г. поступил учиться на командный факультет Военно-Воздушной Академии, где проучился до декабря 1940 г.

В январе 1941 г. был направлен на Липецкие авиационные курсы усовершенствования командиров эскадрилий, которые окончил в мае 1941 г. В июне 1941 г. был назначен на должность инспектора-летчика Управления ВВС КА.

В этой должности прослужил до сентября 1941 г., после чего до января 1943 г. служил начальником инспекции ВВС КА.

В январе 1943 г. был назначен командиром 32-го Гвардейского истребительного авиаполка, где прослужил до декабря 1943 г.

В январе 1944 г. был назначен на должность командира 3-й Гвардейской истребительной авиационной Брянской Краснознаменной ордена Суворова дивизии и с февраля 1945 года назначен на должность командира 286-й истребительной авиационной Нежинской Краснознаменной ордена Суворова дивизии.

В период пребывания на фронтах Отечественной войны ранений и контузий не имел. В плену и окружении не был. Член ВКП(б) с 1940 г. Женат – жена Бурдонская Галина Александровна, и двое детей – сын Александр и дочь Надежда. Семья проживает в г. Москве.

18 июня 1945 г.

В. Сталин».

Приложение 2

Из обвинительного заключения от 2 сентября 1955 г. по делу Василия Иосифовича Сталина

«В. Сталин неоднократно высказывал резкое недовольство отдельными проводимыми партией и Советским правительством мероприятиями, в частности в связи с опубликованием сообщения о реорганизации государственного аппарата и сокращением руководящих деятелей Советского государства, а также в связи с изданием Указа Президиума Верховного Совета СССР от 27.03.1953 г. «Об амнистии». В. Сталин дошел и до прямых, явно антисоветских высказываний… В. Сталин высказывал свои намерения сделать иностранным корреспондентам или сотрудникам иностранного посольства клеветническое заявление, направленное на дискредитацию руководителей партии и Советского правительства… Антисоветская настроенность В. Сталина ярко выявилась и в том, что он в своем озлоблении допустил выпад террористического характера в отношении одного из руководителей партии и Советского правительства…»

Приложение 3

Из записки председателя Комитета государственной безопасности СССР А.Н. Шелепина и генерального прокурора СССР Р.А. Руденко в ЦК КПСС от 5 января 1960 г.

«2 сентября 1955 года Военной коллегией Верховного суда СССР осужден к 8 годам лишения свободы Сталин Василий Иосифович за злоупотребления служебным положением и антисоветскую агитацию (ст. ст. 193-17 «б» и 58–10 ч. 1 УК РСФСР).

Сталин В. И. признан виновным в том, что, будучи командующим ВВС Московского военного округа с января 1948 по август 1952 года, преступно халатно относился к исполнению служебных обязанностей, систематически пьянствовал, злоупотреблял своим служебным положением, разбазаривал

государственные средства и материальные ценности.

Кроме того, Военная коллегия в приговоре указала, что он проявлял недовольство проводимыми партией и правительством мероприятиями о реорганизации государственного аппарата, изданием Указа Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 года «Об амнистии» и высказывал намерения сделать иностранным корреспондентам заявление, направленное на дискредитацию руководителей партии и правительства.

Сталин В. И. содержится в заключении 6 лет 8 месяцев. За этот период времени администрацией мест лишения свободы характеризуется положительно.

В настоящее время он имеет ряд серьезных заболеваний (заболевание сердца, желудка, сосудов ног и другие недуги).

Учитывая вышеизложенное, просим ЦК КПСС рассмотреть следующие предложения:

– применить к Сталину В.И. частную амнистию, освободить его от дальнейшего отбывания наказания и снять судимость;

– поручить Моссовету предоставить Сталину В.И. в г. Москве трехкомнатную квартиру;

– поручить Министерству обороны СССР назначить Сталину пенсию в соответствии с законом, предоставить ему путевку в санаторий сроком на 3 месяца и возвратить изъятое при аресте лично принадлежащее ему имущество;

– выдать Сталину В.И. 30 тысяч рублей в качестве единовременного пособия…»

Приложение 4

Постановление Президиума Верховного Совета СССР от 16 апреля 1960 года

«В связи с преступным антиобщественным поведением Василия Иосифовича Сталина Президиум Верховного Совета СССР постановляет отменить постановление Президиума Верховного Совета СССР от 11 января 1960 года о досрочном освобождении Василия Иосифовича Сталина от дальнейшего отбытия наказания и снятия судимости. Водворить Василия Иосифовича Сталина в места лишения свободы для отбытия наказания согласно приговору Военной Коллегии Верховного Суда СССР от второго сентября 1955 года.

Председатель Президиума Верховного Совета К.Е. Ворошилов.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР М.П.

Георгадзе».

Приложение 5

Из записки председателя Комитета государственной безопасности СССР А.Н. Шелепина и генерального прокурора СССР Р.А. Руденко в ЦК КПСС от 7 апреля 1961 г.

«28 апреля 1961 года подлежит освобождению из тюрьмы в связи с отбытием срока наказания Сталин В.И.

За период пребывания в местах заключения В.И. Сталин не исправился, ведет себя вызывающе, злобно, требует для себя особых привилегий, которыми он пользовался при жизни отца.

На предложение, сделанное ему, о том, чтобы после освобождения из тюрьмы выехать на постоянное жительство в гг. Казань или Куйбышев, Сталин В. И. заявил, что добровольно из Москвы он никуда не поедет. На предложение о смене фамилии, он также категорически отказался и заявил, что если ему не будут созданы соответствующие условия (дача, квартира, пенсия и т. д.), то он «молчать не будет, а станет всем говорить о том, что осудили его в свое время необоснованно и что в отношении его чинится произвол». В неоднократных беседах с ним он постоянно подчеркивал, что по выходе из тюрьмы будет добиваться приема у товарища Н.С. Хрущева и у других членов Президиума ЦК КПСС, а также писать письма и заявления в различные инстанции. При этом он высказал мысль о том, что, возможно, снова обратится в китайское посольство с просьбой отправить его в Китай, где он будет лечиться и работать.

Прокуратура СССР и Комитет госбезопасности убеждены, что Сталин В.И., выйдя на свободу, будет снова вести себя по-прежнему неправильно.

В связи с этим считаем целесообразным Постановлением Президиума Верховного Совета СССР, в порядке исключения из действующего законодательства, направить В.И. Сталина после отбытия наказания в ссылку сроком на 5 лет в г. Казань (в этот город запрещен въезд иностранцам). В случае самовольного выезда из указанного места, согласно закону, он может быть привлечен к уголовной ответственности. В гор. Казани предоставить ему отдельную однокомнатную квартиру.

По заключению врачей состояние здоровья В.И. Сталина плохое, и он нуждается в длительном лечении и пенсионном обеспечении. Как прослужившему в армии более 25 лет в льготном исчислении В.И. Сталину была назначена пенсия в

размере 300 рублей (новыми деньгами). Однако учитывая, что он своими действиями дискредитировал высокое звание советского генерала, предлагается установить для него по линии Министерства обороны СССР пенсию в размере 150 рублей в месяц.

По улучшении состояния здоровья его можно было бы трудоустроить на одном из авиационных заводов гор. Казани.

Считаем также целесообразным при выдаче В.И. Сталину паспорта указать другую фамилию. Перед освобождением из заключения тт. Руденко и Шелепину провести с ним соответствующую беседу».

Приложение 6

Докладная записка Н.С. Хрущеву от Председателя Комитета государственной безопасности СССР В.Е. Семичастного от 19 марта 1962 г.

«Совершенно секретно

Товарищу Хрущеву Н.С.

Комитет госбезопасности при Совете Министров СССР докладывает, что 19 марта 1962 года в 13 часов в г. Казани скончался Джугашвили (Сталин) Василий Иосифович.

По предварительным данным, причиной смерти явилось злоупотребление алкоголем. Джугашвили В.И., несмотря на неоднократные предупреждения врачей, систематически пьянствовал.

Считаем целесообразным похоронить Джугашвили В.И. в г. Казани без воинских почестей. О смерти Джугашвили В.И. сообщить его ближайшим родственникам.

Просим согласия.

Председатель Комитета госбезопасности

В. Семичастный».

notes

Примечания

1

Николай Александрович Булганин (1895–1975) – советский государственный и военный деятель. После смерти Сталина в марте 1953-го возглавил Министерство обороны, одновременно был 1-м заместителем председателя Совета Министров СССР. В 1958 году за участие в т. н. «антипартийной группе Молотова – Кагановича – Маленкова», выступившей против политики Н.С. Хрущева и предпринявшей попытку сместить его с должности Первого секретаря ЦК КПСС, был изгнан из рядов руководства СССР.

2

Воспоминания были написаны Василием Сталиным в период с января по апрель 1960 года, в промежутке между досрочным освобождением из заключения и новым арестом. (*Здесь и далее примечания редактора.*)

3

Вероятно, намек на Н.С. Хрущева, встреча Василия с которым состоялась в январе 1960 г.

4

27 июля 1952 года.

5

Павел Федорович Жигарев (1900–1963) – советский военачальник, Главный маршал авиации (1955). В 1949–1959 гг. главнокомандующий Военно-воздушными силами.

6

Самолет Ил-28.

7

Организацией и проведением воздушного парада 1 мая 1952 года руководил генерал-лейтенант авиации, командующий ВВС Московского военного округа Василий Сталин.

8

Николай Сидорович Власик (1896–1967) – начальник охраны И.В. Сталина (1931–1952). Генерал-лейтенант (1945). В мае 1952 г. был снят с должности начальника охраны по распоряжению Сталина, а в декабре того же года арестован по т. н. «делу врачей». Уже после смерти Сталина, в январе 1955 г., Военной Коллегией Верховного Суда СССР Власик был приговорен к 10 годам ссылки. В мае 1956 г. был помилован Президиумом Верховного Совета СССР.

9

Василий Степанович Рясной (1904–1995) – генерал-лейтенант (1945). В 1952 г. заместитель министра госбезопасности и временно исполняющий обязанности заместителя начальника Управления охраны МГБ СССР.

10

Александр Николаевич Поскребышев (1891–1965) – в 1928–1952 гг. заведующий особым сектором ЦК (Секретариатом Сталина), ближайший помощник и личный секретарь Вождя. Генерал-майор. В 1953 году, незадолго до смерти Сталина, Поскребышев был обвинен в утере важных государственных документов и отстранен от работы. Главный маршал авиации Александр Голованов писал в своих воспоминаниях о Поскребышеве: «Александр Николаевич был очень простым и общительным человеком, но в то же время в делах был нем как рыба. Спустя годы много положил Хрущев изворотливости и всяких приемов, дабы выведать у Поскребышева все о Сталине. Как говорят, и кнутом, и пряником… Но ответ всегда был один: «Вы были членом Политбюро, а я был лишь членом ЦК. Откуда мне знать больше вас? Я в заседаниях Политбюро участия не принимал, а, как вы знаете, все вопросы решались там». Вот и все. Так и умер Александр Николаевич, унеся с собой в могилу то, что знал об истинном лице Сталина, о котором он мог бы, конечно, рассказать очень много…» Голованов А.Е. «Дальняя бомбардировочная…». М.: Дельта НБ, 2004.

11

Приволжский военный округ.

12

Лев Николаевич Булганин (1925–1975), военный летчик, впоследствии – дипломат, друг Василия Сталина.

Московского военного округа.

14

Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти.

15

Климент Ефремович Ворошилов (1881–1969) – революционер, советский военачальник, государственный и партийный деятель, участник Гражданской войны, один из первых Маршалов Советского Союза. С 1925 г. нарком по военным и морским делам, в 1934–1940 гг. нарком обороны СССР. В 1953–1960 гг. председатель Президиума Верховного Совета СССР.

16

Командир 6-й артиллерийской батареи 14-го гаубичного полка 14-й танковой дивизии 7-го мехкорпуса 20-й армии старший лейтенант Яков Джугашвили попал в плен 16 июля 1941 года при выходе из окружения возле города Лиозно (ныне находящегося в Республике Беларусь). 14 апреля 1943 года Яков Джугашвили погиб в концентрационном лагере Заксенхаузен.

17

Куйбышев, ныне Самара, считался резервной столицей СССР. В октябре – ноябре 1941 г. туда было эвакуировано из Москвы советское правительство, аппарат ЦК ВКП(б) и 22 иностранные миссии.

18

Артем Федорович Сергеев (1921–2008) – генерал-майор артиллерии, один из основателей зенитных ракетных войск СССР, приемный сын И.В. Сталина, друг детства Василия. Отец Артема, революционер Федор Андреевич Сергеев, известный под подпольной кличкой Артем, бывший соратником Сталина, погиб 21 июля 1921 года в катастрофе железнодорожного аэровагона инженера В.И. Абаковского на железной дороге Москва – Тула.

19

Первая жена Василия Сталина Галина Александровна Бурдонская (1921–1990). Их брак был зарегистрирован в 1940 году и продлился по 1944 год, но официально развод оформлен так и не был. У Василия и Галины было двое детей – сын Александр (1941 г.р.) и дочь Надежда (1943 г.р.).

Имеются в виду члены семьи И.В. Сталина.

21

Комдив – персональное воинское звание лиц высшего командного состава РККА с 22.09.1935 по 7.05.1940. Аналогично званию генерал-лейтенант.

22

Александр Дмитриевич Локтионов (1893–1941) – советский военачальник, генерал-полковник (1940). Начальник Управления ВВС РККА и заместитель Народного комиссара обороны СССР по авиации в 1937–1940 гг. Арестован 19 июня 1941 г. по обвинению во вредительстве и участии в военном заговоре. Расстрелян 28 октября 1941 г. с группой других генералов без суда на основании предписания Л.П. Берии.

23

Иван Иванович Клещев (1918–1942) – летчик-истребитель, майор, участник Великой Отечественной войны. Герой Советского Союза (1942). Погиб 31 декабря 1942 года при посадке на аэродром Рассказово (Тамбовская область) в неблагоприятных метеоусловиях.

24

Речь идет о Тимуре Михайловиче Фрунзе (1923–1942), сыне революционера и военачальника М. В. Фрунзе, летчике-истребителе, лейтенанте, участнике Великой Отечественной войны. Оставшись сиротой, Тимур был усыновлен К.Е. Ворошиловым.

25

Вероятно, речь идет о романе с Ниной Кармен, второй женой известного советского кинооператора (а не кинорежиссера, как пишет В. С.) Романа Кармена. Упоминание об этом встречается в некоторых воспоминаниях, в частности в книге Микояна С.А. «Мы – дети войны. Воспоминания военного летчика-испытателя». М.: Яуза, Эксмо, 2006: «…произошел скандал. Вася стал активно ухаживать за красавицей Ниной Кармен и как-то в отсутствие мужа и своей жены оставил ее у себя на даче на несколько дней. Узнав об этом, Кармен (как он мне сам в те же дни рассказал) написал письмо Сталину. Тот рассердился на Василия за это, но прежде всего за пьянки, и приказал снять его с должности начальника инспекции, посадить на десять суток на гауптвахту (тогда офицеров, тем более полковников, по уставу на гауптвахту не сажали), а затем отправить на фронт».

26

В Алешинских казармах (бывш. Крутицких) по адресу 1-й Крутицкий переулок, 4а, размещалась гауптвахта Московского гарнизона.

Тем самым, которым одно время командовал упоминавшийся выше Иван Клещев.

28

586-й истребительный авиационный полк – женский истребительный авиационный полк в составе войск ПВО ВВС СССР во время Великой Отечественной войны. Был сформирован по приказу НКО СССР № 0099 от 08.10.41 «О сформировании женских авиационных полков ВВС Красной Армии». Чисто женским из-за высоких потерь полк перестал быть в 1942 году. Ликвидирован в ноябре 1945 г.

29

Василий Петрович Бабков (1918–2001) – советский военачальник, участник Великой Отечественной войны, Герой Советского Союза (1942). Генерал-полковник авиации (1973).

30

Руль глубины (руль высоты).

31

Ныне – Тверская область.

32

Селижаровка – река в Тверской области, левый приток Волги.

33

Речь идет о реактивном снаряде РС-82 класса «воздух-воздух».

34

Очкин Алексей Дмитриевич (1886–1952), хирург, с 1928 г. заведующий хирургическим отделением Кремлевской больницы.

35

РОС-82 – Реактивный осколочный снаряд калибра 82 мм.

36

Анна Сергеевна Реденс (Аллилуева) (1896–1964) – сестра Надежды Аллилуевой, второй жены И. В. Сталина, матери Василия. Жена чекиста Станислава Реденса, расстрелянного как шпион и вредитель в 1940 году. В 1948 г. была арестована и осуждена за шпионаж. Реабилитирована в 1954 г.

37

3 июня 1943 года на лестнице Большого Каменного моста шестнадцатилетний сын наркома авиационной промышленности Алексея Шахурина Владимир застрелил дочь посла СССР в Мексике Константина Уманского Нину, после чего застрелился сам. Поводом к убийству послужила ревность. Володя был влюблен в Нину и не хотел, чтобы она уезжала с отцом в Мексику. Володя Шахурин стрелял из пистолета марки «вальтер», который ему дал сын Анастаса Микояна Вано. Следствием, которое вел начальник следственной части по особо важным делам НКГБ СССР Лев Влодзимирский (расстрелян в 1953 по делу «банды Берии»), было установлено, что Владимир Шахурин создал в школе № 175 (бывш. школа № 25, где учился Василий Сталин) антисоветскую организацию «Четвертый рейх», в которую якобы входили сыновья Анастаса Микояна Серго и Вано, Леонид Реденс (сын Станислава Реденса и Анны Аллилуевой, двоюродный брат Василия Сталина) и еще несколько человек из числа детей высокопоставленных лиц.

38

Речь идет о самолетах Як-9, советском одномоторном истребителе-бомбардировщике, самом массовом советском истребителе Великой Отечественной войны, разработанном КБ под управлением Александра Яковлева. Производился с октября 1942 по декабрь 1948 года.

39

Василий Сталин считается инициатором т. н. «авиационного дела 1946 года», в результате которого были арестованы и осуждены руководители авиационной промышленности и командование ВВС. По делу проходили маршал авиации С.А. Худяков (Ханферянц), нарком авиационной промышленности А.И. Шахурин, командующий ВВС А.А. Новиков, заместитель командующего – главный инженер ВВС А.К. Репин, член Военного Совета ВВС Н.С. Шиманов, начальник ГУ заказов ВВС Н.П. Селезнев и заведующие Отделами Управления Кадров ЦК ВКП(б) А.В. Будников и Г.М. Григорьян. Худяков был приговорен к высшей мере наказания, остальные были осуждены к разным срокам заключения. Обвиняемым инкриминировалось, что, вступив друг с другом в преступный сговор, они при потворстве кураторов из аппарата ЦК ВКП(б) в течение 3,5 лет оснащали военно-воздушные части бракованной авиатехникой, что сорвало 45 тыс. боевых вылетов и привело к 756 авариям и 305 катастрофам самолетов. В мае 1953 года Военной Коллегией Верховного Суда СССР дела всех осужденных по авиационному делу были пересмотрены, и все приговоры отменены.

40

Петр Бакулев, сын известного советского ученого-хирурга, основоположника сердечно-сосудистой хирургии в СССР академика Александра Бакулева, был участником антисоветской организации Шахурина.

41

Дословная цитата из Постановления ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий» от 30 июня 1956 г.

42

Луцкий Владимир Александрович (1918–1976) – военный летчик, Герой Советского Союза. В 1938 году окончил Качинскую краснознаменную военную авиационную школу. Генерал-лейтенант авиации (1972).

43

Николай Филиппович Папивин (1903–1963) – советский военачальник, командующий 3-й Воздушной армией 1-го Прибалтийского фронта, в которую входил 1-й гвардейский корпус, Герой Советского Союза (1945), генерал-полковник авиации.

44

Не исключено, что речь идет об актрисе Зое Алексеевне Федоровой (1911–1981), дочери начальника паспортной службы Кремля, арестованного в 1938 году по обвинению в шпионаже. Сама Зоя Федорова была арестована в декабре 1946 года по обвинению в шпионаже и приговорена к 25 годам заключения. Причиной ареста послужила ее связь с американским дипломатом Джексоном Тейтом.

45

Ме-109 (Мессершмитт Bf. 109) – одномоторный поршневой истребитель, основной истребитель, стоявший на вооружении Люфтваффе.

46

Ла-7 (Лавочкин-7) – советский одномоторный одноместный истребитель-моноплан, один из лучших истребителей Второй мировой войны.

47

Иван Данилович Черняховский (1907–1945) – советский военачальник, генерал армии. Дважды Герой Советского Союза (1943, 1944). Был самым молодым генералом армии и самым молодым командующим фронтом в истории Советских Вооруженных Сил.

48

Довольно прозрачный намек на Н.С. Хрущева, который в годы Великой Отечественной войны был членом военных советов Юго-Западного направления, Юго-Западного, Сталинградского, Южного, Воронежского и 1-го Украинского фронтов. Хрущев считался одним из виновников катастрофических окружений Красной Армии под Киевом в 1941 г. и под Харьковом в 1942 г.

49

Юрий Борисович Левитан (1914–1983) – диктор Всесоюзного радио, в годы Великой Отечественной войны читавший сводки Совинформбюро и приказы Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина.

Эдуард Багрицкий, «Освобождение» (1923).

51

Имеется в виду Владимирская тюрьма особого назначения МГБ СССР, более известная как Владимирский централ.

52

Надежда Аллилуева училась во Всесоюзной промышленной академии вместе с Никитой Сергеевичем Хрущевым, который избирался там секретарем парткома. То, что она способствовала его выдвижению, подтверждается в ряде воспоминаний. В том числе и самим Хрущевым: «Сталин часто вспоминал факты моей работы в академии, а я смотрел и недоумевал: откуда он знает? Потом понял, откуда он знает некоторые эпизоды из моей жизни. Видимо, Надежда Сергеевна информировала его о жизни партийной организации Промышленной академии в то время, когда я там учился, а потом и возглавлял партийную организацию. По-видимому, она представляла меня в хорошем свете как политического деятеля. Поэтому Сталин и узнал меня через нее. А сначала я приписывал свое выдвижение на партийную работу в Москве Кагановичу, потому что Каганович меня очень хорошо знал по Украине, где мы с ним были знакомы буквально с первых же дней Февральской революции. Потом уж я сделал вывод, что, видимо, мое выдвижение было предпринято не Кагановичем, а, скорее всего, исходило от Сталина». Хрущев Н.С. «Время. Люди. Власть» (Воспоминания). В 4 книгах. М.: Московские Новости, 1999.

53

Семен Михайлович Буденный (1883–1973) – советский военачальник, один из первых Маршалов Советского Союза, трижды Герой Советского Союза.

54

Сергей Иванович Гусев (настоящее имя – Яков Давидович Драбкин; 1874–1933) – революционер, советский деятель. Один из старейших членов большевистской партии, участник II съезда РСДРП, соратник Сталина. Был председателем Политического Управления Красной Армии, с 1928 г. и до своей смерти занимал высокие посты в Исполнительном Комитете Коминтерна.

55

Жена Гусева Феодосия Ильинична Драбкина (Фейта Ильинична Капелевич, 1883–1957), революционерка, больше была известна под своим партийным псевдонимом Наташа. Максим Горький в своем романе «Мать» вывел ее в образе пропагандистки Наташи.

56

Возможно, речь идет о Станиславе Францевиче Реденсе (1892–1940) – революционере, чекисте, дослужившемся до комиссара государственной безопасности 1-го ранга. Был женат на родной сестре Надежды Аллилуевой Анне. В 1932 году работал председателем ГПУ Украинской ССР. Был одним из организаторов раскулачивания на Украине. С 20 февраля 1933 года возглавлял Полномочное представительство ОГПУ по Московской области, с июля 1934 по январь 1938 года возглавлял Управление НКВД по Московской области. Возглавлял Московскую областную Тройку НКВД. 21 января 1940 года Военной коллегией Верховного суда СССР на основании статей 58-1а, 58-8 и 58–11 УК РСФСР приговорен к расстрелу.

57

Георгий Максимилианович Маленков (1902–1988) – советский государственный и партийный деятель, соратник И. В. Сталина, Председатель Совета министров СССР (1953–1955). Участник антипартийной группы «Молотова – Маленкова – Кагановича».

58

Лазарь Моисеевич Каганович (1893–1991) – советский государственный и партийный деятель, близкий сподвижник Сталина. Занимал ряд высоких постов, был секретарем ЦК ВКП(б), членом Политбюро (Президиума) ЦК, Первым секретарем ЦК КП(б) Украины, Народным комиссаром путей сообщения СССР. Участник антипартийной группы «Молотова – Маленкова – Кагановича».

59

Вячеслав Михайлович Молотов (настоящая фамилия Скрябин, 1890–1986) – советский политический и государственный деятель. Председатель Совета народных комиссаров СССР в 1930–1941 гг., народный комиссар (министр) иностранных дел СССР в 1939–1949 и 1953–1956 гг. Участник антипартийной группы «Молотова – Маленкова – Кагановича».

60

Степан Акимович Красовский (1897–1983) – советский военачальник, маршал авиации, Герой Советского Союза (1945). Призван в Русскую императорскую армию в мае 1916 года. Окончив курсы механиков беспроволочного телеграфа, был произведен в унтер-офицеры и назначен начальником радиостанции корпусного авиаотряда на Западном фронте. С 1918 года служил в Красной Армии, был авиамотористом, затем начальником связи 33-го авиаотряда. С октября 1919 года – комиссар авиационного отряда в составе 4-й армии, с мая 1920 года – комиссар 1-го Азербайджанского авиаотряда в ВВС 11-й армии. Сражался против армии адмирала Колчака, участвовал в боевых действиях в Закавказье. С 1952 года – командующий ВВС Московского военного округа. С 1953 года – командующий ВВС Северо-Кавказского военного округа. В 1956–1968 гг. – начальник Военно-воздушной академии. Маршал авиации (1959).

61

Николай Александрович Соколов-Соколенок (1900–1977) – советский военный деятель, участник Гражданской войны, заместитель командующего Военно-воздушными силами в 1941–1942 гг., генерал-лейтенант авиации.

62

Эрнст Тельман (Ernst Thälmann, 1886–1944) – лидер немецких коммунистов. Депутат рейхстага в 1925–1933 годах. Один из главных политических оппонентов Гитлера. Погиб в концентрационном лагере Бухенвальд.

63

Фридрих Энгельс (Friedrich Engels, 1820–1895) – немецкий философ, один из основоположников марксизма, друг и соавтор Карла Маркса.

64

Фотопулемет (фотокинопулемет) – автоматическая фото(кино)камера, устанавливаемая на боевом самолете для контроля применения вооружения.

65

Дальгов-Дебериц (Dallgow-Döberitz) – город в Германии, близ Берлина. В 1945 году там находился штаб 286-й истребительной авиационной дивизии.

66

Семен Константинович Тимошенко (1895–1970) – советский военачальник, Маршал Советского Союза (1940), дважды Герой Советского Союза (1940, 1965). Народный комиссар обороны СССР (май 1940 – июль 1941). После войны командовал войсками ряда военных округов. Дочь Екатерина (1923–1988) была женой Василия Сталина с 1946 по 1949 год. Официально их брак не был зарегистрирован.

67

Марка американских автомобилей, выпускавшихся с 1899 по 1958 г.

68

Василий Иванович Чуйков (1900–1982) – советский военачальник. Маршал Советского Союза (1955). Дважды Герой Советского Союза (1944, 1945). После войны до июля 1946 года продолжал командовать 8-й гвардейской армией, которая дислоцировалась в Германии. Одновременно был главой Советской военной администрации в Тюрингии. С июля 1946 года – заместитель, затем первый заместитель Главнокомандующего Группой советских оккупационных войск в Германии и заместитель начальника Советской военной администрации в Германии. С марта 1949 года – Главнокомандующий Группой советских оккупационных войск в Германии.

69

Георгий Константинович Жуков (1896–1974) – советский военачальник, Маршал Советского Союза (1943), четырежды Герой Советского Союза. Министр обороны СССР (1955–1957). После войны возглавлял Группу советских оккупационных войск в Германии и Советскую военную администрацию в Германии.

70

Речь идет о ЗИС-115, бронированной версии серийного советского автомобиля ЗИС-110, созданной специально для Сталина. Работа над его созданием была завершена к 1947 году. Внешне ЗИС-115 не слишком отличался от серийного ЗИС-110.

71

Имеется в виду «трофейное дело» (оно же «генеральское дело») 1946–1948 гг. в рамках кампании по выявлению злоупотреблений среди генералитета. Фигурантами по этому делу проходили Главный маршал авиации Новиков, Маршал Советского Союза Жуков и двенадцать генералов. Обвинения в присвоении трофейных ценностей предъявлялись и упоминавшемуся выше наркому авиационной промышленности генерал-полковнику Шахурину, но в обвинительном заключении против него по «авиационному» делу этот эпизод не фигурировал.

72

Иван Степанович Конев (1897–1973) – советский полководец, Маршал Советского Союза (1944), дважды Герой Советского Союза (1944, 1945).

73

Константин Константинович Рокоссовский (1896–1968) – советский военачальник, Маршал Советского Союза (1944), маршал Польши (1949). Дважды Герой Советского Союза (1944, 1945). Командовал Парадом Победы в 1945 г.

74

Георгий Михайлович Попов (1906–1968) – советский партийный деятель. С 1944 по 1950 г. председатель исполнительного комитета Московского городского Совета депутатов трудящихся, одновременно в 1945–1949 гг. первый секретарь МК и МГК партии и в 1946–1949 гг. секретарь ЦК ВКП(б).

75

Валерий Павлович Чкалов (1904–1938) – советский летчик-испытатель, комбриг, Герой Советского Союза. Командир экипажа самолета, совершившего в 1937 году первый беспосадочный перелет через Северный полюс из Москвы в Ванкувер (США). Погиб 15 декабря 1938 года при проведении первого испытательного полета на новом истребителе И-180 на Центральном аэродроме имени М.В. Фрунзе (Ходынский аэродром).

76

Сергей Игнатьевич Руденко (1904–1990) – советский военачальник. С 1942 по 1947 г. командующий 16-й воздушной армией. Командующий ВДВ (1948–1950). Маршал авиации (1955). Герой Советского Союза (1944).

77

Фалалеев Федор Яковлевич (1899–1955), советский военачальник, маршал авиации (1944). В 1945–1946 гг. начальник штаба и заместитель командующего ВВС Красной Армии.

Сам С.И. Руденко в своих воспоминаниях описывает случай, упомянутый Василием Сталиным, так:

«Я получил запрос из Москвы. Заместитель начальника штаба ВВС вызывал комбрига Громова. На телеграмме я написал: «Громова командировать в Москву, в командование дивизией вступить Байдукову».

Организация полетов целиком захватила меня… Я и забыл про ту телеграмму. И вдруг Москва вызывает меня к телефону. Заместитель начальника штаба ВВС спрашивает:

– Сергей Игнатьевич, кто снял Громова с должности командира дивизии?

– Громова никто не снимал, – отвечаю я.

– Подтвердите телеграфом этот разговор, – попросил заместитель начальника штаба ВВС.

Я подтвердил.

Стало ясно, что произошло какое-то недоразумение, и я решил проверить, как оформил штаб мое приказание о командировании Громова в Москву. Через некоторое время принесли текст приказа: «Комбригу Громову сдать дивизию Байдукову и выехать в Москву в ВВС. Руденко. Ефимчук». Ефимчук был военным комиссаром ВВС Калининского фронта. Я удивился такому вольному изложению моей резолюции. Ведь мы с военкомом не подписывали такую телеграмму. Кто-то допустил серьезную оплошность… Комбриг М.М. Громов – выдающийся летчик – пользовался у И.В. Сталина большим авторитетом. Командовать дивизией он послал Михаила Михайловича для того, чтобы тот приобрел на фронте боевой опыт. Когда закончилась Московская битва, Сталин вызвал Громова на беседу. В конце разговора Верховный сказал:

– Желаю вам успеха, возвращайтесь в дивизию.

– Мне некуда ехать, – ответил Громов.

– То есть как некуда?

– Меня сняли с должности.

– Кто снял с должности?

– Руденко!

Вот тогда-то и поступил к нам первый запрос: кто снял с должности Громова? Потом второй, третий… Мы едва успевали давать объяснения. Признав их неубедительными, Сталин решил снять с должности не только меня, но и военного комиссара, начальника штаба, начальника связи…» Руденко С.И. «Крылья Победы». М.: Военное издательство Министерства Обороны СССР,

1976 г.

Т. е. Ставки Верховного Главнокомандования.

80

См. прим. № 39.

81

Александр Александрович Новиков (1900–1976) – советский военачальник, Главный маршал авиации (21 февраля 1944). Дважды Герой Советского Союза (1945, 1945). В 1946-м арестован по «авиационному делу» (также обвинялся в присвоении трофейных ценностей), был осужден, освободился в 1952 году. В 1953 г. после смерти И.В. Сталина реабилитирован и восстановлен в звании. В 1953–1955 гг. командовал авиацией дальнего действия, одновременно был заместителем Главнокомандующего ВВС. С 1956 г. начальник Высшего училища Гражданской авиации.

Не исключено, что Василий Сталин ошибался, когда подозревал С.И. Руденко в предвзятом к нему отношении. В своих воспоминаниях Руденко писал о Василии: «Полковник В.И. Сталин прибыл к нам на фронт немного раньше из 1-го иак. Выпускник Качинского училища, Василий Иосифович начал войну инспектором-летчиком, под Сталинградом командовал 32-м гвардейским полком, потом 3-й гвардейской дивизией. В ходе боев под Берлином он возглавил 286-ю истребительную дивизию. За успешные действия был награжден двумя орденами Красного Знамени, орденами Александра Невского и Суворова I степени, польским крестом Грюнвальда». С.И. Руденко, «Крылья Победы». М.: Военное издательство Министерства обороны СССР, 1976 г.

Упоминание Василия Сталина в положительном ключе, пусть и довольно скупое, всего в несколько строк, было весьма показательно с учетом того, что мемуары писались в 60-е годы прошлого века и были впервые опубликованы в 1975 г, т. е. в тот период, когда о Василии Сталине вообще старались не упоминать, а если и упоминали, то в отрицательной форме.

83

См. прим. № 18.

84

Лев Давидович Троцкий (Лейб Давидович Бронштейн, 1879–1940) – видный революционный деятель, соратник В.И. Ленина, автор теории перманентной революции. В первом советском правительстве был наркомом по иностранным делам, с 1918 по 1925 г. наркомом по военным и морским делам и председателем Реввоенсовета РСФСР (СССР). С 1923 г. являлся лидером внутрипартийной левой оппозиции. В 1927 г. Троцкий был выведен из состава Политбюро ЦК, исключен из партии, а в январе 1928 г. сослан в Алма-Ату. Ошибок своих не признавал, по решению Политбюро в 1929 г. был выдворен за пределы СССР.

85

Дача И.В. Сталина в районе станции Усово под Москвой (Одинцовский р-н). Название «усадьба Зубалово» получила по имени последнего владельца – бакинского нефтепромышленника Л.К. Зубалова.

86

Виттенберг (Lutherstadt Wittenbarg – город Лютера Виттенберг) – город в Германии на реке Эльба в 100 км от Берлина. В XVI веке был местом деятельности Мартина Лютера, инициатора Реформации. В 1946 г. в Виттенберге находился штаб 1-го гвардейского истребительного авиакоопуса.

87

Так называемые коммерческие магазины и рестораны, в которых можно было делать покупки и питаться без карточек, но по более высоким ценам, открыли в апреле 1944 года.

88

НЭП (новая экономическая политика) – экономическая политика, проводившаяся в СССР в 20-е годы прошлого века. Была принята 14 марта 1921 года X съездом РКП(б), имела целью восстановление народного хозяйства после Гражданской войны и последующий переход к социализму. Во время НЭПа допускалась (пусть и с ограничениями) частная собственность на средства производства и т. п.

89

Николай Александрович Сбытов (1905–1997) – генерал-лейтенант авиации (1943), командующий ВВС МО с 1941 по 1948 г. Автор книги «Военная мысль в ядерный век».

90

Федор Иванович Жаров (1892–1964) – генерал-лейтенант авиации (1943), начальник заказов вооружения ВВС. Арестован в 1946 году по «авиационному делу». В 1952 году осужден на 25 лет лишения свободы.

91

Пе-2 – советский пикирующий бомбардировщик времен Второй мировой войны.

92

Ту-2 – советский высокоскоростной пикирующий бомбардировщик времен Второй мировой войны.

93

Александр Сергеевич Яковлев (1906–1989) – советский авиаконструктор, генерал-полковник авиации (1946). Академик АН СССР (1976).

Вот что писал об этом сам Яковлев: «Летом 1946 года в связи с большой занятостью в конструкторском бюро я решил просить об освобождении меня от обязанностей заместителя министра (к этому времени наркоматы уже были преобразованы в министерства) авиационной промышленности. На это требовалось согласие Сталина. Я волновался, не зная, как он отнесется к моей просьбе.

8 июля 1946 года нас с министром Михаилом Васильевичем Хруничевым вызвал Сталин…

– Почему? – удивился Сталин, обращаясь ко мне.

Я сказал, что работаю в наркомате уже длительное время, что, пока шла война и сразу же после ее окончания, ставить вопрос об уходе не считал возможным. Но теперь, когда определены основы послевоенной перестройки нашей авиации на базе реактивных самолетов, прошу удовлетворить мою просьбу. Очень трудно совмещать конструкторскую и министерскую работу, и если я дальше останусь в министерстве, то неизбежно отстану как конструктор. Очень прошу не понять мою просьбу как дезертирство и освободить от работы в министерстве. Это будет только полезно для дела. Ведь я конструктор.

– Насчет того, что вы конструктор, у меня сомнений нет, – заметил Сталин и, подумав немного, сказал: – Пожалуй, вы правы. Прежде всего, вы конструктор, и лишаться вас как конструктора было бы неразумно. Сколько лет вы работаете в министерстве?

– Да уже больше шести лет.

– Ну как, хватит с него? – обратился он к Хруничеву. – А кем заменить?

Я назвал Сергея Николаевича Шишкина, который был в министерстве моим заместителем и начальником ЦАГИ…» Яковлев А.С. «Цель жизни». М.: Политиздат, 1973.

95

Ближняя дача (она же Кунцевская дача) бывшая местом постоянного проживания И.В. Сталина в послевоенный период. Там он и скончался. «Ближней» дача называлась по сравнению с другими дачами Сталина.

96

Карл Викторович Паукер (1893–1937) – чекист, в 1923–1936 гг. – начальник Оперативного отдела ОГПУ/ГУГБ НКВД СССР, в ноябре 1936 – апреле 1937 гг. начальник 1-го отдела (охраны) ГУГБ. Комиссар государственной безопасности 2-го ранга (1935). В апреле 1937 г. был арестован по обвинению в подготовке покушения на И.В. Сталина. В августе 1937 года приговорен к смертной казни. Реабилитирован не был.

97

Генрих Григорьевич (Енох Гершонович) Ягода (1891–1938) – чекист, нарком внутренних дел СССР в 1934–1936 гг. Арестован в марте 1937 г. по обвинению в антисоветской деятельности. Расстрелян по приговору суда в марте 1938 г.

98

Василий переехал из «Дома на набережной» (ул. Серафимовича, дом 2), где у него была пятикомнатная квартира, в особняк на Гоголевском бульваре, дом 7, в котором до него жил Н.С. Власик, начальник охраны И. В. Сталина.

99

Симон Аршакович Тер-Петросян, известный под партийной кличкой Камо (1882–1922) – профессиональный революционер, соратник И.В. Сталина.

100

Иван (Вано) Федорович Стуруа (1870–1931) – грузинский революционер, соратник И.В. Сталина, нарком земледелия Грузинской ССР.

101

Александр (Саша) Григорьевич Цулукидзе (1876–1905) – грузинский революционер, соратник И.В. Сталина. Умер от туберкулеза в тюрьме. Его родной город Хони с 1936 по 1989 г. носил название Цулукидзе.

102

Владимир Захарьевич (Ладо) Кецховели (1876–1903) – грузинский революционер, соратник И.В. Сталина, социал-демократ. Организовал вместе с Александром Цулукидзе и Иосифом Джугашвили газету «Борьба» («Брдзола»), Погиб в тюрьме.

Возможно, у Семена Константиновича Тимошенко были для этого иные причины. Его первая жена, мать Екатерины, Екатерина Святославовна была арестована вскоре после ареста ее второго мужа Дмитрия Федоровича Леонова как «член семьи изменника родины». Д.Ф. Леонов, работавший начальником Облвнуторга Азово-Черноморского края, был арестован в 1937 году по обвинению в участии в антисоветской террористической организации и вредительстве в торговле и приговорен к расстрелу. Тимошенко мог опасаться того, что настоящая мать может испортить карьеру Екатерины, поэтому и требовал, чтобы она указывала в качестве своей матери его вторую жену Анастасию Михайловну Жуковскую.

104

Детям Василия Сталина и Галины Бурдонской.

105

Анатолий Михайлович Акимов (1915–1984) – советский футболист, вратарь. Заслуженный мастер спорта СССР (1940), Заслуженный тренер РСФСР (1963). Выступал за команду ВВС с 1949 по 1951 г., сыграл 42 матча.

106

Виктор Григорьевич Шувалов (род. в 1923 г.) – советский хоккеист и футболист, тренер. Мастер спорта СССР по футболу (1951). Заслуженный мастер спорта СССР по хоккею с шайбой (1953).

107

Можно предположить, что речь идет об Олеге Марковиче Белаковском (1921 г.р.), спортивном враче, Заслуженном враче Российской Федерации, враче сборных СССР по футболу и хоккею, полковнике медицинской службы в отставке. До назначения врачом футбольно-хоккейной команды ВВС служил в Дальневосточном округе в должности заместителя начальника медицинского отдела воздушно-десантного корпуса. Согласие на его перевод в Москву было дано командующим войсками Дальневосточного военного округа генерал-полковником Н.И. Крыловым по личной просьбе Василия Сталина.

Так в то время назывались федерации по видам спорта.

109

В 1937 г. в Антверпене проходила III Летняя Международная рабочая олимпиада, организованная Социалистическим рабочим спортивным интернационалом. Рабочие олимпиады проводились как альтернатива Олимпийским играм.

110

Постановление ЦК ВКП (б) от 27 декабря 1948 г. «О ходе выполнения Комитетом по делам физической культуры и спорта директивных указаний партии и правительства о развитии массового физкультурного движения в стране и повышении мастерства советских спортсменов».

111

Пятилетка – пятилетний план развития народного хозяйства СССР. Планы разрабатывались централизованно специально созданным государственным органом – Госпланом СССР под руководством Коммунистической партии.

112

Задача четвертой пятилетки была сформулирована И. В. Сталиным 9 февраля 1946 года: «Восстановить пострадавшие районы страны, восстановить довоенный уровень промышленности и сельского хозяйства и затем превзойти этот уровень в более или менее значительных размерах».

113

Николай Иванович Ежов(1895–1940) – чекист, генеральный комиссар госбезопасности (1937). Народный комиссар внутренних дел СССР (1936–1938), народный комиссар водного транспорта СССР (1938–1939). Председатель Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) (1935–1939), секретарь ЦК ВКП(б) (1935–1939), кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б) (1937–1939). В апреле 1939 г. был арестован по обвинению в антисоветской деятельности и подготовке государственного переворота. Расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного Суда СССР в феврале 1940-го.

114

Леонид Никитич Хрущев (1917–1943) – военный летчик, сын Н.С. Хрущева, погиб в воздушном бою во время войны.

115

Николай Алексеевич Вознесенский (1903–1950) – советский политический и государственный деятель, экономист. Доктор экономических наук (1935). В 1949 г. в связи с «ленинградским делом» снят со всех постов, выведен из Политбюро ЦК, исключен из состава ЦК ВКП(б), а затем арестован. В сентябре 1950 г. приговорен к исключительной мере наказания.

116

Майя Лазаревна Каганович (1923–2001), архитектор. Подготовила к изданию мемуарное наследие Л.М. Кагановича, вышедшее в 1996 г. под названием «Памятные записки».

117

Участники арктического рейса парохода «Челюскин» в 1934 г., затертого льдами в Арктике, высадившиеся на льдину и спасенные советскими летчиками. В результате катастрофы на льду оказалось 104 человека. В Москве была образована специальная комиссия по спасению челюскинцев. Все они были спасены.

118

Цвета команды BBC.

119

Анатолий Владимирович Тарасов (1918–1995) – советский хоккеист, футболист и тренер по этим видам спорта. Заслуженный мастер спорта СССР (1949). Заслуженный тренер СССР (1956).

120

Сергей Михайлович Капелькин (1911–1969) – советский футболист, тренер. С 1949 по 1950 г. был адъютантом Василия Сталина.

121

«За несколько минут до конца игры, когда счет был 2:2, произошел возмутительный случай. Тренер команды ВВС Тарасов, вопреки новым правилам, стоял у ворот своей команды. Директор стадиона попросил тренера не нарушать установленные правила и уйти от ворот. В ответ на это Тарасов совершил хулиганский поступок по отношению к директору стадиона, а выбежавшие с поля футболисты ВВС набросились на него. Этот беспрецедентный случай вызвал законное возмущение всех зрителей». А. Александров, «Хулиган на стадионе», Газета «Сталинградская правда» от 17 мая 1947 г.

122

Сергей Матвеевич Штеменко (1907–1976) – советский военачальник, начальник Генштаба ВС СССР (1948–1952), начальник Главного разведывательного управления Генштаба ВС СССР (1956–1957), генерал армии (1948).

123

Военная ордена Ленина академия бронетанковых и механизированных войск Красной Армии имени И. В. Сталина.

124

Капитолина Георгиевна Васильева (1918–2006) – многократная чемпионка СССР по плаванию, заслуженный тренер РСФСР. Третья жена Василия Сталина.

125

Ныне г. Тверь.

126

Михаил Алексеевич Яснов (1906–1991) – советский государственный и партийный деятель. Председатель Исполнительного комитета Московского городского совета народных депутатов в 1950–1956 гг.

127

XV Летние Олимпийские игры проходили с 19 июля по 3 августа 1952 г. в Хельсинки (Финляндия). Были первыми в истории Олимпийскими играми, в которых приняли участие советские спортсмены. Советский Союз занял по числу медалей второе место (всего 71 медаль, 22 золотые), уступив США (всего 76 медалей, 40 золотых).

128

XIV Летние Олимпийские игры проводились в 1948 году в Лондоне.

129

Ревенко Павел Митрофанович (1908–1966) – генерал-майор, в 1948 г. заместитель председателя Всесоюзного комитета по делам физической культуры и спорта.

130

Глеб Владимирович Бакланов (1910–1976) – советский военачальник, Герой Советского Союза (1945), генерал-полковник (1960). В 1948 г. начальник управления физической подготовки и спорта Сухопутных войск

131

Константин Александрович Андрианов (1910–1988) – советский спортивный функционер, первый председатель Олимпийского комитета СССР (1951–1975).

132

Речь идет о профилактории ВВС МВО «Марфино», находившемся в Мытищинском районе, близ села Марфино. Ныне – Центральный военный клинический санаторий «Марфинский».

133

Дмитрий Васильевич Крупин (1895–1982) – советский партийный деятель, с 1938 по 1959 г. управляющий делами ЦК ВКП(б) (ЦК КПСС).

134

Иван Степанович Юмашев (1895–1972) – советский военно-морской деятель, командующий Черноморским, Тихоокеанским флотами, главнокомандующий ВМС и заместитель министра Вооруженных сил СССР (1947–1950), военно-морской министр (1950–1951), адмирал (1943), Герой Советского Союза (1945).

135

Екатерина Давидовна Ворошилова (Голда Давидовна Горбман; 1887–1959) – жена К.Е. Ворошилова. Работала заместителем директора Музея В.И. Ленина.

136

Имеется в виду Всесоюзная секция плавания, так до 1959 года называлась Федерация плавания СССР.

137

Галина Евгеньевна Николаева (Волянская; 1911–1963) – советская писательница. Лауреат Сталинской премии первой степени (1951). В годы войны находилась на военной службе, работала врачом в госпиталях Сталинградского фронта и Северного Кавказа. Автор широко известного в СССР романа «Битва в пути» (1957).

138

Кирилл Афанасьевич Мерецков (1897–1968) – советский военачальник, Маршал Советского Союза (26.10.1944), Герой Советского Союза (1940). После войны командовал войсками военных округов: Приморского, Московского, Беломорского, Северного. С мая 1954 года – начальник Высших стрелково-тактических курсов «Выстрел». В 1955–1964 гг. – помощник министра обороны СССР по высшим военно-учебным заведениям.

139

Иероним Петрович Уборевич (1896–1937) – советский военный и политический деятель, командарм 1-го ранга. Расстрелян в 1937 г. по «делу Тухачевского». Посмертно реабилитирован в 1957 г.

140

Феликс Эдмундович Дзержинский (1877–1926) – революционер, советский государственный деятель, основатель ВЧК (Всероссийской Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем при Совете народных комиссаров РСФСР) – органа диктатуры пролетариата для борьбы с контрреволюцией.

141

Яков Христофорович Петерс (1886–1938) – революционер, один из создателей и первых руководителей ВЧК. Арестован и расстрелян в 1938 г. по обвинению в участии в контрреволюционной организации.

142

ГубЧК – структурная единица Всероссийской ЧК, действовавшая в рамках губернии.

Главного управления.

Наркомата легкой промышленности.

145

Комиссия советского контроля при СНК СССР (КСК) – орган государственного контроля в СССР. Была создана в феврале 1934 года вместо ликвидированного Наркомата Рабоче-Крестьянской Инспекции (РКИ).

146

Здесь ошибка. Следует читать: «когда я командовал ВВС Московского округа». Округом Василий Сталин никогда не командовал.

147

Любанская и Синявинская операции 1942 года.

148

Беломорский военный округ (БелВО) – общевойсковое оперативно-территориальное объединение Вооруженных Сил СССР в 1944–1956 гг. Включал в себя территории Архангельской, Вологодской, Мурманской областей, Коми АССР и Карело-Финской ССР.

149

Выставка достижений народного хозяйства (ВДНХ) в 1939–1959 гг. называлась Всесоюзной сельскохозяйственной выставкой (ВСХВ).

150

Под этим именем Василий Сталин содержался в заключении.

151

Старший сын Василия Сталина Александр Васильевич Бурдонский – режиссер-постановщик Центрального академического театра Российской армии. Заслуженный деятель искусств РСФСР (1985), Народный артист России (1996).

152

Таисия (Татьяна) Леонидовна Санина (1923–2011) – артистка оперетты, народная артистка РСФСР (1978). Ее брак с В.М. Бобровым был недолгим.

153

Всеволод Михайлович Бобров (1922–1979, Москва) – советский футболист, хоккеист, футбольный и хоккейный тренер. Заслуженный мастер спорта СССР (1948), заслуженный тренер СССР (1967). Капитан сборной СССР по футболу на Олимпийских играх 1952 года в Хельсинки. Капитан сборной СССР по хоккею на Олимпийских играх 1956 года.

154

Козление – авиационный термин, обозначающий отделение самолета от взлетно-посадочной полосы после касания шасси при посадке. Чаще всего возникает вследствие ошибки пилотирования, редко из-за конструктивных особенностей летательного аппарата. В переносном смысле «дать козла» означает совершить промах, опростоволоситься.

155

1-е Московское краснознаменное военное авиационно-техническое училище связи. Футбольная и хоккейная команды училища впоследствии стали базой для формирования спортивных команд ВВС.

156

Генерала с такой фамилией в МВД СССР в то время не было. Возможно, Василий Сталин ошибся, и речь идет о Якове Филипповиче Горностаеве (1902–1970), генерал-майоре интендантской службы, начальнике Главного управления военного снабжения МВД СССР с 1946 по 1952 г.

157

Николай Петрович Старостин (1902–1996) – советский футболист и хоккеист, основатель футбольного клуба «Спартак». В 1942 г. осужден на 10 лет по обвинению в антисоветской деятельности. Вместе с ним были осуждены три его родных брата – Александр, Андрей и Петр.

158

Лев Борисович Каменев (Лейба Розенфельд, 1883–1936) – революционер, советский партийный и государственный деятель, соратник Ленина. Председатель Моссовета в 1918–1926 гг., с 1922 г. – заместитель председателя Совета Народных Комиссаров (СНК) и Совета Труда и Обороны (СТО), после смерти Ленина в 1924 г. председатель СТО до января 1926 года. Член ЦК в 1917–1927 гг., член Политбюро ЦК в 1919–1926 гг., а затем кандидат в члены Политбюро. В 1936 году осужден по делу «Троцкистско-зиновьевского центра» и расстрелян. Реабилитирован в 1988 году.

159

Григорий Евсеевич Зиновьев (настоящая фамилия Радомысльский; 1883–1936) – революционер, советский политический и государственный деятель. Член Политбюро ЦК партии (1921–1926). Председатель исполнительного комитета Коммунистического интернационала (1919–1926). Председатель Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов (Ленсовета) (1917–1926). В декабре 1925 г. на XIV съезде ВКП(б) Зиновьев выступил против Сталина и партийного большинства. В декабре 1934 г. был арестован, исключен из партии и осужден на десять лет по обвинению в антисоветской деятельности. В августе 1936 г. был приговорен к высшей мере наказания по делу Антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского центра.

160

Дед – Сергей Яковлевич Аллилуев (1866–1945) – революционер, член партии с 1896 года, один из первых российских рабочих социал-демократов. Отец Надежды Аллилуевой. Отношения Василия Сталина и Сергея Аллилуева после смерти Надежды Аллилуевой были прохладными. В своих воспоминаниях Василий лишь раз упоминает о деде, и то лишь в связи с характеристикой Ленина.

161

Иван Корнеевич Седин (1906–1972) – советский партийный и государственный деятель, народный комиссар нефтяной промышленности СССР (1940–1944), народный комиссар, министр текстильной промышленности СССР (1945–1948). В январе – октябре 1949 г. – заместитель министра легкой промышленности СССР. 4 октября 1949 г. судебной коллегией по уголовным делам Верховного суда СССР за злоупотребление служебным положением И. К. Седин приговорен к 8 месяцам исправительно-трудовых работ по месту службы с удержанием 25 процентов заработной платы. Далее работал директором Карачаровского завода пластмасс и Дорогомиловского химического завода, был заместителем директора Института нефтехимического синтеза АН СССР, директором НИИ технологии лакокрасочных покрытий.

162

Центральный государственный исторический архив в Москве.

163

Александр Михайлович Василевский (1895–1977) – советский военачальник, Маршал Советского Союза (1943), начальник Генштаба (1942–1945), в 1945 г. главнокомандующий советскими войсками на Дальнем Востоке в войне с Японией в 1949–1953 гг. Министр Вооруженных сил и Военный министр СССР. Дважды Герой Советского Союза (1944, 1945).

164

Николай Дмитриевич Гулаев (1918–1985) – летчик-истребитель, ас Великой Отечественной войны, дважды Герой Советского Союза, генерал-полковник авиации.

165

Т.е. стал дважды Героем Советского Союза.

166

Гостиница Московского городского комитета КПСС «Краснопресненская» (Спиридоньевский пер., 9, стр. 1). В н. вр. в этом здании находится гостиница «Марко Поло Пресня».

167

Вторым наркоматом, несомненно, был наркомат внутренних дел.

Т.е. понизят в звании на одну ступень.

169

Так в оригинале.

170

Парк Авиаторов, он же Чапаевский парк (по Чапаевскому переулку, служащему одной из его границ), бывший Парк культуры и отдыха Ленинградского района. На месте недостроенного спортивного центра в 1980-х годах прошлого века началось строительство Дома культуры авиационного объединения «Знамя труда», которое тоже не было завершено. Последствия двух долгостроев были ликвидированы лишь в 2001 году, когда на этом месте началось строительство небоскреба «Триумф-Палас».

171

См. прим. № 74.

172

Василий Евлампиевич Белокосков (1898–1961) – советский военачальник, генерал-полковник (1944). В 1949–1958 гг. был заместителем министра обороны СССР по строительству и расквартированию войск.

173

Министерство строительства предприятий тяжелой индустрии СССР.

174

Юдин Павел Александрович (1902–1956) – советский государственный деятель. В 1946–1950 гг. нарком (министр) строительства предприятий тяжелой индустрии СССР.

Нечто похожее было построено лишь в 1979 году – Универсальный спортивный комплекс Центрального спортивного клуба армии (ЦСКА) имени А.Я. Гомельского. Поводом к постройке этого многофункционального спортивного комплекса послужило проведение летних Олимпийских игр в Москве в 1980 г.

176

Намек на генерал-лейтенанта Льва Емельяновича Влодзимирского. Влодзимирский «специализировался» наделах партийного, военного и хозяйственного руководства СССР. Он начал вести дело Василия Сталина, но вскоре был арестован по «делу Берии», осужден Специальным Судебным Присутствием Верховного Суда СССР, приговорен к расстрелу 23 декабря 1953 года и в тот же день расстрелян. На суде Влодзимирский заявил, что считает судебный процесс незаконным и отказался от дачи показаний. Последнего слова Влодзимирского лишили за проявленное им «неуважение к суду». Нельзя утверждать, что Влодзимирского расстреляли за то, что он проявил недостаточно старания в деле Василия Сталина, но сам Василий мог прийти к этому выводу вполне обоснованно.

177

Павел Артемьевич Артемьев (1897–1979) – советский военачальник, генерал-полковник (1942). С 1941 по 1947 и с 1949 по 1953 г. был командующим войсками Московского военного округа.

178

Из воспоминаний Артема Сергеева: «Вася вообще никогда не был франтом. Носил темно-синие брюки галифе неширокие, сапоги, гимнастерку, кепку или фуражку летом и кубанку зимой. Ушанок он не носил. В гражданском костюме он тоже ходил. Но чаще – в форме. У него не было так называемого гардероба. Был военный костюм, ничего лишнего не было из одежды – все в ограниченном количестве». Сергеев А., Глушик Е. «Беседы о Сталине». М.: Крымский мост-9Д, 2006.

179

Иван Александрович Серов (1905–1990) – в 1941–1947 гг. заместитель народного комиссара (министра) внутренних дел СССР, затем по март 1954 г. – первый заместитель министра внутренних дел СССР. Одновременно после войны был заместителем Главноначальствующего Советской военной администрации Германии по делам гражданской администрации и уполномоченным НКВД СССР по Группе советских оккупационных войск в Германии. Первый председатель Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР в 1954–1958 годы. Сыграл важную роль в получении и удержании власти Н.С. Хрущевым. При аресте Л.П. Берия в июне 1953 года Серову было поручено арестовать его личную охрану. Сын Н.С. Хрущева Сергей писал о Серове: «Отцу Серов нравился… Отец посчитал, что ему можно довериться, и не ошибся». Хрущев С.Н. «Никита Хрущев. Реформатор». М.: Время, 2010.

180

Эрих Йоханн Альберт Ре дер (1876–1960) – немецкий адмирал, главнокомандующий военно-морскими силами Третьего рейха (Кригсмарине) с 1935 по 1943 г. В мае 1945 года был взят в плен советскими войсками и переправлен в Москву. Нюрнбергским трибуналом был приговорен к пожизненному заключению, которое отбывал в берлинской тюрьме Шпандау. В 1955 году был освобожден по состоянию здоровья.

181

Виктор Семенович Абакумов (1908–1954) – советский государственный деятель, генерал-полковник. В 1943–1946 гг. заместитель наркома обороны и начальник Главного управления контрразведки («СМЕРШ») Народного комиссариата обороны СССР. В 1946–1951 гг. министр государственной безопасности СССР. Курировал «трофейное дело».

182

Имеется в виду снятие в 1946 году Г. К. Жукова с должности Главкома сухопутных войск СССР и назначение на должность командующего войсками Одесского военного округа, явившееся следствием «трофейного дела».

183

Имеется в виду т. н. «высшее начальное училище», учебные заведения в дореволюционной России, обучение в которых длилось четыре года. Обучались в высших начальных училищах дети представителей небогатых слоев городского населения, окончившие начальную школу.

184

Пьеса Константина Симонова, написанная с учетом замечаний И. В. Сталина.

Бюро Президиума ЦК КПСС (Политбюро ЦК КПСС).

186

Семен Денисович Игнатьев (1904–1983) – советский партийный и государственный деятель. С декабря 1950 по февраль 1952 г. заведовал Отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК КПСС, затем был переведен на должность министра государственной безопасности в ходе т. н. «укрепления партийными кадрами». Возглавил Управление Охраны МГБ (личную охрану И.В. Сталина) после отстранения Н.С. Власика. Когда в марте 1953 г. вскоре после смерти И. Сталина МГБ слилось с МВД, и во главе объединенного министерства стал Л.П. Берия, Игнатьев стал секретарем ЦК КПСС, но уже 5 апреля 1953 года ввиду допущенных им серьезных ошибок в руководстве МГБ был освобожден от обязанностей. Впоследствии был первым секретарем Башкирского обкома и Татарского обкома КПСС.

187

После снятия с должности начальника Управления Охраны МГБ в мае 1952 года Н.С. Власик был направлен в уральский город Асбест заместителем начальника Баженовского исправительно-трудового лагеря МВД СССР.

188

«Дело врачей», оно же «Дело врачей-отравителей» или «Дело о сионистском заговоре» (конец 1952 – начало 1953 г.), – громкое уголовное дело против группы видных советских врачей, сотрудников Лечебно-санитарного Управления Кремля, обвиняемых в заговоре и убийстве ряда советских лидеров путем заведомо неправильного лечения, а также в покушении на И. В. Сталина. Большинство фигурантов дела были евреями. Им инкриминировалась связь с международной еврейской «буржуазно-националистической» организацией «Джойнт», считавшейся филиалом американской разведки.

189

Широкомасштабная амнистия 26 марта 1953 г., в настоящее время больше известная как «бериевская амнистия».

Имеется в виду КНДР.

191

31 октября 1961 года тело И.В. Сталина было перезахоронено на Красной площади за Мавзолеем, у Кремлевской стены. Памятник на его могиле был установлен в 1970 году.

192

Сунь Ятсен (1866–1925) – китайский революционер, основатель партии Гоминьдан. После победы Учанского восстания в октябре 1911 года Сунь Ятсен был избран временным президентом Китайской республики, но вскоре был вынужден оставить этот пост в пользу командующего императорской армией Юань Шикая.

193

Мао Цзэдун (1893—976) – китайский революционер, государственный деятель, в 1943–1976 гг. председатель китайской коммунистической партии, руководитель КНР в 1949–1976 гг.

194

Мао Аньин (1922–1950) – сын Мао Цзэдуна от его второй жены Ян Кайхуэй. В 1937 г. в 15-летнем возрасте Мао Аньин приехал в Москву. Воспитывался в интернатах. Учился в Военно-политической академии им. Ленина и в Военной академии им. Фрунзе. В звании лейтенанта воевал на 2-м Белорусском фронте. В 1946 году вернулся в Китай.

195

Советские летчики воевали в Китае против японцев в 1937–1940 гг.

196

Федор Петрович Полынин (1906–1981) – советский военный летчик, Герой Советского Союза (1938), генерал-полковник авиации (1946), в 1937–1938 гг. участвовал добровольцем в боях с японскими войсками в Китае. В 1944–1950 гг. командующий ВВС Войска Польского.

197

Михаил Григорьевич Мачин (1907–1995) – советский военный летчик, Герой Советского Союза (1945), генерал-лейтенант авиации (1953), в 1937–1938 гг. участвовал добровольцем в боях с японскими войсками в Китае.

198

С 1954 года охраной руководителей коммунистической партии и советского правительства занималось Девятое управление КГБ СССР, но Василий Сталин называет его Шестым, как в период с 1943 по 1954 г.

199

7 ноября в СССР праздновали главный праздник – День Великой Октябрьской социалистической революции.

200

Михаил Иванович Калинин (1875–1946) – советский государственный и партийный деятель. Председатель Президиума Верховного Совета СССР («всесоюзный староста») в 1938–1946 гг.

201

Речь идет о покушении, совершенном ефрейтором 1-го зенитного полка Красной армии Савелием Тимофеевичем Дмитриевым, который 6 ноября 1942 года обстрелял из винтовки машину, в которой находился А.И. Микоян.

202

Явный намек на массовые беспорядки среди рабочих в Темиртау (Казахская ССР) в начале августа 1959 г. Поводом к недовольству послужили перебои со снабжением, отсутствие нормального жилья и плохие условия труда. Беспорядки были подавлены с привлечением войск. В ходе подавления, согласно официальным данным, 11 человек было убито, около 70 арестовано и осуждено. 5 из подсудимых были приговорены к исключительной мере наказания.

203

Дмитрий Николаевич Суханов, помощник Г.М. Маленкова в 1936–1953 гг., заведующий канцелярией Президиума ЦК КПСС в 1953–1955 гг. В августе 1956 года Судебной коллегией Московского городского суда был приговорен к десяти годам лишения свободы за хищение государственного имущества. Н.С. Хрущев на приеме в Ленсовете 5 июля 1958 г. рассказывал: «Когда проворовался помощник Маленкова Суханов, дело о воровстве оказалось очень интересным. У Булганина… много лет тому назад… облигация выиграла большую сумму денег. У Булганина все номера облигаций были переписаны. Когда он стал искать эту облигацию, то ее не оказалось в личном сейфе. Об этом он тогда никому ничего не сказал, ну, пропала и пропала. Когда арестовали Берию и стали переписывать сейф Берии, то эту облигацию нашли в сейфе у Берии. Отсюда я делаю вывод, что он потрошил все наши сейфы и что его дружки-подручные проверяли, у кого какие облигации, что выиграли. Одним словом, оказалось, что вор у вора дубинку украл, потому что Суханов участвовал в описи. Он взял эту облигацию и положил ее в свой карман, а в опись не поставил. Потом Булганин заявил в сберкассу, что такая-то облигация пропала. И забыл об этом. Это было пять лет тому назад. Но когда Суханов послал женщину получать деньги, то девушка, выдававшая выигрыши, посмотрела на номер облигации и сказала, зная о том, что об этом номере заявлено, чтобы зашли завтра, и когда она назавтра пришла, ее задержали. Она оказалась из Секретариата Маленкова. Ее арестовали, Маленков, конечно, здесь ни при чем. Маленков не знал. Это уже вор у вора дубинку украл». Хрущев Н.С. «Два цвета времени: Документы из личного фонда Н.С. Хрущева». Т. 1. М.: Международный фонд «Демократия», 2009.

204

Василий Сталин намекает на посольство Китайской Народной Республики в СССР. Одной из причин (можно считать, что главной причиной) его второго ареста послужило обращение к Мао Цзэдуну, переданное через посольство КНР, с просьбой разрешить ему поселиться в Китае и обеспечить переезд. Василий предполагал стать советником в ВВС КНР.

205

В 1954 г. Василий Сталин, находясь под арестом, проходил курс лечения в терапевтическом отделении Центрального клинического госпиталя МВД СССР.

206

Владимирский централ, ныне Следственный изолятор № 2 УФСИН России по Владимирской области, в то время назывался Владимирской тюрьмой особого назначения МГБ СССР, которая предназначалась для содержания особо опасных государственных преступников – «шпионов, диверсантов, террористов, троцкистов, правых, меньшевиков, эсеров, анархистов, националистов, белоэмигрантов, участников других антисоветских организаций и групп и лиц, представляющих опасность по своим антисоветским связям и вражеской деятельности» (цитата из приказа МВД СССР, МГБ СССР и Генерального Прокурора СССР № 00279/00108/72сс от 16.03.1948). Кроме Владимира особые тюрьмы были в городах Александровске и Верхне-Уральске.

207

Полковник внутренней службы Матвей Ананьевич Дедин был начальником Владимирской тюрьмы с 1955 по 1958 г.

208

Успешное испытание первой советской атомной бомбы было проведено 29 августа 1949 года на полигоне в Семипалатинской области Казахстана. Оно держалось в тайне, как и все, что касалось ядерного оружия. Должно быть, поэтому Василий Сталин не останавливается на этом вопросе более подробно. Сам факт участия СССР в Корейской войне в то время тоже был засекречен (официально он был признан в СССР только в 80-е годы прошлого века), но Василий Сталин все же счел возможным упомянуть о нем и рассказать о подготовке летчиков, пусть и вкратце.

209

Практический потолок самолета – это, упрощенно говоря, максимальная высота, которую может набрать самолет.

210

Андрей Андреевич Власов (1901–1946) – советский генерал, в 1942 году попавший в немецкий плен и сотрудничавший с руководством Третьего рейха. Командовал т. н. Русской освободительной армией, военной организацией из советских военнопленных и эмигрантов. В 1945 году пленен Красной армией, в 1946 году осужден по обвинению в государственной измене, лишен воинского звания, государственных наград и казнен.

211

Теренченко Семен Дмитриевич (1901–1982) – военный летчик, участник ВОВ, генерал-майор авиации.

212

Розалия Самойловна Землячка (урожденная Залкинд; 1876–1947) – российская революционерка, советский партийный и государственный деятель.

213

Комиссия партийного контроля при ЦК ВКП(б) в 1934–1952 гг. – высший контрольный орган Коммунистической партии Советского Союза. Позже называлась Комитетом партийного контроля при ЦК КПСС.

214

Федор Исидорович Кузнецов (1898–1961) – советский военачальник, генерал-полковник (1941), с февраля 1945 по февраль 1948 г. командовал войсками Уральского военного округа.

215

Видимо, речь идет о находившемся в Сокольниках Центральном научно-исследовательском авиационном госпитале (ныне Центральный военный клинический авиационный госпиталь № 7).

216

Военный аэродром в Московской области, в 31 км к северо-востоку от Москвы, около города Щелково.

217

На самом деле это высказывание И.В. Сталина звучит несколько иначе и не связано с Октябрьской революцией. Выступая с отчетом на XVI съезде ВКП(б) в июне 1930 г., Сталин сказал: «Самое замечательное в соревновании состоит в том, что оно производит коренной переворот во взглядах людей на труд, ибо оно превращает труд из зазорного и тяжелого бремени, каким он считался раньше, в дело чести, в дело славы, в дело доблести и геройства».

218

Речь идет о внутренних государственных займах, практиковавшихся в СССР с целью ускорения развития народного хозяйства или укрепления обороны страны. Облигации займа подлежали погашению (выкупу) через определенное время, кроме того по ним регулярно производились розыгрыши денежных призов. Постановлением ЦК КПСС и СМ СССР от 19 апреля 1957 г. «О государственных займах, размещаемых по подписке среди трудящихся Советского Союза» было предусмотрено прекращение выпуска займов начиная с 1958 г., объявлено об отсрочке погашения ранее выпущенных займов сроком на 20 лет и прекращении проведения выигрышных тиражей. «Миллионы советских людей добровольно высказались за отсрочку на 20–25 лет выплат по старым государственным займам. Этот факт раскрывает нам такие новые черты характера, такие моральные качества нашего народа, которые немыслимы в условиях эксплуататорского строя», – сказал Н.С. Хрущев в своем докладе на XXI съезде КПСС в 1959 году.

219

Речь идет о романе Светланы Сталиной с кинодраматургом и режиссером Алексеем Яковлевичем Каплером.

220

Григорий Иосифович Морозов (1921–2001) – советский правовед, доктор юридических наук, профессор. Его брак со Светланой продлился с 1944 по 1948 г.

221

Юрий Андреевич Жданов (1919–2006) – ученый, ректор Ростовского государственного университета в 1957–1988 годах.

222

Вероятнее всего речь идет о Гайозе Ивановиче Джеджелава (1915–2005) – советском футболисте, заслуженном мастере спорта СССР (1946). В 1950–1951 гг. был старшим тренером футбольной команды ВВС.

223

15 января 1960 года Верховный Совет СССР принял Закон о новом значительном сокращении Вооруженных сил.

224

Намек на ухудшение отношений между СССР и КНР после смерти И. В. Сталина.

225

Михаил Николаевич Тухачевский (1893–1937) – советский военачальник, Маршал Советского Союза (1935). Расстрелян в 1937 году по «делу военных», реабилитирован в 1957 году.

226

Василий Васильевич Ульрих (1889–1951) – советский военный юрист, генерал-полковник юстиции (1943).

227

Можно с большой долей уверенности предположить, что речь шла о советском военачальнике Главном маршале авиации Александре Евгеньевиче Голованове (1904–1975). Он написал книгу воспоминаний «Дальняя бомбардировочная…», которая при жизни автора отдельным изданием не издавалась, некоторые главы со значительными купюрами публиковались в литературном журнале «Октябрь». Причиной тому послужило правдивое описание Головановым личности И.В. Сталина.

228

Скорее всего, речь идет о военных летчиках, товарищах Василия Сталина – Федоре Федоровиче Прокопенко (1916–2007) и Сергее Федоровиче Долгушине (1920–2011).

229

Управление гражданского воздушного флота. Непонятно, идет речь о Главном управлении ГВФ или о Московском.

230

Пункт 10 статьи 58 Уголовного кодекса РСФСР предусматривал наказание за пропаганду или агитацию, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений, а также за распространение, или изготовление, или хранение литературы того же содержания. Василий Сталин был приговорен к 8 годам лишения свободы по этой статье, а также по и. 17 статьи 193 (злоупотребление служебным положением).

231

Постановлением Совета Министров СССР от 13 января 1960 г. Министерство внутренних дел СССР было упразднено, его функции переданы министерствам внутренних дел союзных республик.

Хозяйственное управление.

233

Интересная деталь. Василий не называет здесь своих детей от Екатерины Тимошенко Василия и Светлану. То ли считает, что они и так хорошо обеспечены, то ли поступает так из-за плохих отношений между ними.

После ареста Василия его сестра Светлана получила от государственной комиссии, разбиравшейся с имуществом И.В. Сталина, 30 тысяч рублей – три месячных зарплаты председателя Совета Министров и Секретаря ЦК, не полученные Сталиным при жизни. Светлана разделила эти деньги между всеми наследниками Сталина. Детям Василия досталось – по 2,5 тысячи рублей.

235

Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко (1902–1984) – видный советский партийный и государственный деятель, генерал-лейтенант (1943). С 1 июля 1948 г. – Секретарь ЦК ВКП(б). Одновременно с октября 1950 г. по декабрь 1952 г. – министр заготовок СССР. С октября 1952 г. до марта 1953 г. – член Президиума ЦК КПСС. В 1954–1955 гг. был первым секретарем ЦК КП Казахстана. Далее перешел на дипломатическую работу, был послом СССР в Польше, Нидерландах, Индии, Непале.

Т.е. на должность Первого секретаря республиканского комитета партии.

237

Речь идет о включении в состав СССР территорий Западной Украины и Западной Белоруссии в 1939 г.

238

Полина Семеновна Жемчужина (Перл Семеновна Карповская; 1897–1970) – советский партийный и государственный деятель. Жена Вячеслава Молотова. Занимала руководящие посты в Наркомате пищевой промышленности СССР, была наркомом рыбной промышленности, начальником Главка текстильно-галантерейной промышленности Наркомата легкой промышленности РСФСР. В январе 1949 г. арестована по обвинению в «преступной связи с еврейскими националистами». В декабре 1949 г. Особым совещанием при МГБ СССР приговорена к 5 годам ссылки в Кустанайскую область. В январе 1953 г. арестована в ссылке и переведена в Москву. На следующий день после похорон И.В. Сталина, 10 марта 1953 года была освобождена по распоряжению Л.П. Берия и реабилитирована. Светлана Аллилуева писала в своих воспоминаниях: «Полина говорила мне: «Твой отец был гений. Он уничтожил в нашей стране пятую колонну, и когда началась война – партия и народ были едины. Теперь больше нет революционного духа, везде оппортунизм. Посмотри, что делают итальянские коммунисты! Стыд! Всех запугали войной. Одна лишь надежда – на Китай. Только там уцелел дух революции!» Аллилуева С.И. «Только один год». М.: Книга, 1990.

239

Не исключено, что последний абзац был включен в книгу Василия Сталина китайскими товарищами, готовившими рукопись к изданию. В Китае времен Мао Цзэдуна было принято заканчивать все книги здравицами (хвалой) Председателю или цитатой из его трудов.